МАРИНА
ЛОСТЕТТЕР

ЛИК ПОЛУНОЧИ

Темное фэнтези

Марина Лостеттер

Лик полуночи

«Издательство АСТ»
2021

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Лостеттер М.

Лик полуночи / М. Лостеттер — «Издательство АСТ», 2021 — (Темное фэнтези)

ISBN 978-5-17-138871-3

Во время дерзкого ограбления воры похищают магический артефакт ужасающей силы – посмертную маску Луи Шарбона. Эта маска хранит в себе дух и знания хирурга, ставшего серийным убийцей и терроризировавшего город десять лет назад. Теперь Шарбон свободен и убивает из могилы. Но новые преступления отличаются от прежних: жертвы больше не кажутся случайными, а будто ведут сумасшедшего хирурга к какой-то цели. Теперь регулятор Крона Хирват и ее коллеги должны понять, что же движет безумным убийцей, и положить конец его коварным замыслам. Но для этого им придется проникнуть в разум Луи Шарбона и столкнуться с невероятной и страшной правдой, оставшейся в маске после его смерти.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-138871-3

© Лостеттер М., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Глава 1 8
Глава 2 19
Глава 3 25
Глава 4 31
Глава 5 35
Глава 6 39
Глава 7 49
Глава 8 53
Глава 9 68
Глава 10 73
Глава 11 82
Глава 12 92
Конец ознакомительного фрагмента. 94

Марина Лостеттер
Лик полуночи

Marina Lostetter
THE HELM OF MIDNIGHT

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Baror International, Inc. и Nova Littera SIA.

Перевод с английского: *Елена Бойченко*

Copyright © 2021 by Little Lost Stories LLC
© Елена Бойченко, перевод, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Правила Долины столь же суровы, сколь и чисты.

Пятеро божеств ради человечества пожертвовали многим и взамен требуют, чтобы и мы жертвовали друг другом. Помните о неизбежности Кары Пятерых.

Первое божество суть Хранитель Эмоций, а эмоции – основа всех страстей человеческих. Эмоции подлежат совместному использованию за счет налога на эмоции. Кара за накопление эмоций – заморозка чувств.

Второе божество суть Хранитель Природы. Природа определяет естественный ход событий – таков порядок, и его необходимо соблюдать и поддерживать. Кара за нарушение естественного хода событий – тяжкий труд во благо других.

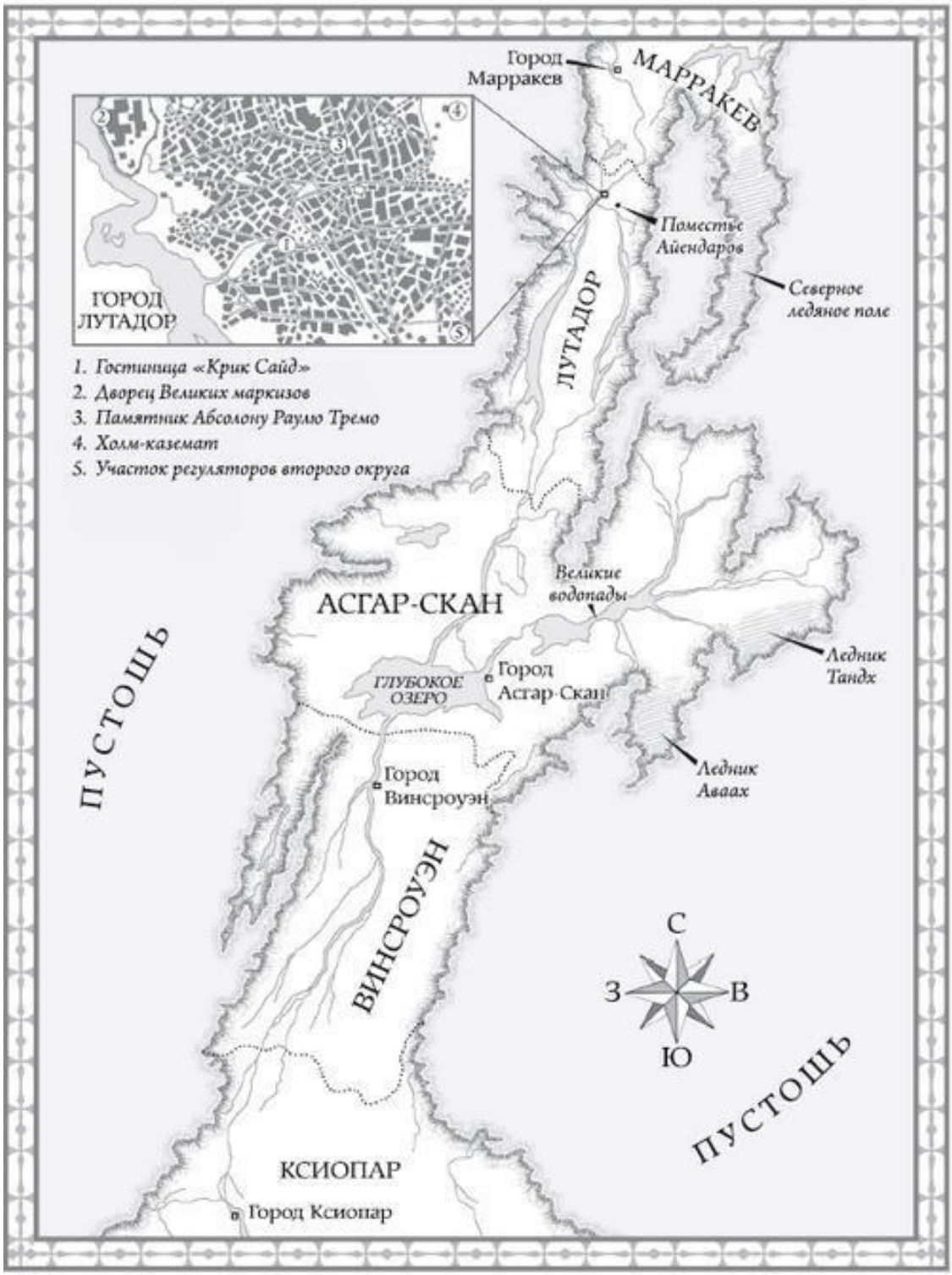
Третье божество суть Сосуд Знаний, но слишком многие знания, обретенные без надлежащей подготовки, таят опасность. Новые знания должны быть доступны только тогда, когда приходит их время. Кара за изобретения, созданные раньше времени – отрубание рук виновных в этом деянии.

Четвертое божество суть Хранитель Времени и близнец Природы. Время – едино для всех и все едины для времени. Время подлежит совместному использованию за счет налога на время. Кара за накопление времени – преждевременная смерть.

Пятое божество суть Непознанное – абсолютное и безграничное. Однажды оно примет решение явить себя и подарит магию Долине. Но пока оно требует только верности и обета о неизбежности кары в будущем.

– Свиток 318

Составлен Абсолоном Раулем Тремо после Великого пришествия


Город Марракев
МАРРАКЕВ
Поместье Айендаров
Северное ледяное поле
ЛУТАДОР
ГОРОД ЛУТАДОР
1. Гостиница «Крик Сайд»
2. Дворец Великих маркизов
3. Памятник Абсолону Раулю Тремо
4. Холм-каземат
5. Участок регуляторов второго округа
Великие водопады
АСГАР-СКАН
ПУСТОШЬ
ГЛУБОКОЕ ОЗЕРО
Город Асгар-Скан
Ледник Тандх
Ледник Аваах
Город Винсроуэн
ВИНСРОУЭН
С
З
В
Ю
ПУСТОШЬ
КСИОПАР
Город Ксиопар

Глава 1
Крона

Я боюсь, и это хуже всего. Боюсь, даже когда на мне надеты браслеты с красными гранатами и желтыми топазами, в которых пылают украденные эмоции. Возможно, драгоценные камни не помогают, потому что это особый страх – страх не оправдать ожиданий. Страх провала, о котором все узнают. Я могла бы обратиться к эмоциатору[1] и попросить его навсегда избавить меня от страха. Но я не могу избавиться от подозрений, что иглы… их укол может забрать у меня больше, чем утверждают маги.

Ночь всем телом прижималась к окнам зимнего сада, словно стена воды – влажная, плотная. Глядя в темноту, Де-Крона чувствовала, как эта тьма давит на нее. Угнетает. Ей казалось, что стоит лишь слегка прикоснуться к красивому зеленому стеклу, и оно треснет, рассыплется на мелкие осколки, и ночь ворвется в зал и начнет душить и гостей, и прислугу.

Но квартет играл радостную мелодию, и вокруг мелькали улыбки. Она сама начала покачиваться в такт музыке, одновременно следя за задним левым сектором зала, чтобы вовремя обнаружить признаки подозрительного поведения.

Сегодняшнее торжество приурочено к Серебряному юбилею Главного магистрата. Он был главой всех служб безопасности в городе-государстве Лутадор, включая инспекторов пищевой безопасности, стражей всех подразделений дозора, регуляторов, охраняющих закон и порядок, надзирающих за всеми мартинетов и, конечно же, национальную маршонскую гвардию.

На приеме демонстрировалось двенадцать магических предметов. Все они были приняты на хранение во время правления Главного магистрата и надежно укрыты в подземных хранилищах города-государства, расположенных на Холме-каземате. Де-Крона осторожно обходила высокие витрины с выставленными на обозрение запретными экспонатами: один шприц, пять масок, три ожерелья, одна брошь, один кособокий плафон и один перочинный нож из бронзы.

На вид самые обычные вещи.

Но все они представляли невероятную опасность.

Для их охраны во время праздника было назначено шесть регуляторов, и Крона очень волновалась. Она, хоть и привыкла к оперативной работе – три с лишним года за спиной и еще много лет впереди, – но все же была новым членом этой спецбригады, работающей под руководством капитана Де-Лии Хирват, ее старшей сестры (именно поэтому она часто отбрасывала приставку «Де» в своем имени).

Спецбригада Де-Лии пользовалась большим авторитетом и уважением. Их часто направляли на выполнение самых сложных задач.

Стеклянная раковина, надетая на ухо Де-Кроны, завибрировала.

– Мне не нравится вид того человека в красном, – произнес голос Трея в ее шлеме.

Регуляторы могли общаться друг с другом на расстоянии, втянув в рот магическую капсулу-ревербератор. Такой способ общения исключал возможность их подслушивания. Трей стоял у входа, наблюдая, как гости показывают швейцару приглашения.

– Это же праздничный прием, – продолжил он. – А он в красном. Это… это выглядит неподобающе.

---

[1] Эмоциатор – маг, работающий с драгоценными камнями и эмоциями. Его мастерство заключается в том, чтобы зарядить камни чарами – магией, которая будет усиливать или подавлять эмоции и чувства того, кто носит украшение с магическим камнем.

В зале в оживленной синхронности кружились бежевый и серый, белый и коричневый. Кое-где в толпе мелькали фигуры в черном, как Де-Крона, но в алом сквозь толпы знати фланировал только один человек. Его траурный наряд кричал, требуя внимания, как разбитая коленка ребенка. Траектория, по которой он двигался, говорила о том, что он направляется к экспонатам.

Уж слишком бросается в глаза, чтобы ждать от него неприятностей, подумала Крона. Облизнувшись, она поймала капсулу-ревербератор, которая болталась на нитке возле рта, и втянула ее в под язык.

– Буду приглядывать за ним, – сказала она и выпустила капсулу изо рта.

– Зови, если понадобится помощь, – сказал Ройу с другой стороны огромного зала.

Он и Саша прошли мимо друг друга, патрулируя периметр.

Черты лица человека в красном становились четче по мере его приближения к Кроне. Смуглая кожа казалась темнее из-за теней вокруг глаз и запавших щек. На вид ему было лет тридцать—тридцать пять. Его можно было бы назвать красивым, если бы не печать глубокой скорби на лице. И хотя он шел твердой походкой, взгляд отсутствующе плыл по залу. В осанке чувствовалась выправка, одежда была аккуратной. Глубокий вырез туники обрамляли мелкие перышки, которые издали были похожи на красные острые зубки.

Де-Крона была уверена, что траурный наряд не был продиктован желанием поглумиться или неуважением. Насколько она видела, на нем не было украшений – ни одного опала. Горе выглядело настоящим.

Он подошел к самой дальней от нее витрине, затем начал ходить между высокими постаментами, благодаря которым предметы находились на уровне глаз, внимательно разглядывая каждый артефакт, но при этом навряд ли видел их.

– Чем я могу вам помочь? – спросила Крона, когда он подошел ближе.

Она знала, что ее огромный шлем и андрогинная униформа часто пугали публику (и благородную, и всю прочую).

Его взгляд оторвался от кособокого плафона и переместился на округлое бордовое стекло щитка, который скрывал лицо Кроны. Белки его глаз были такими же красными, как и его траурный наряд.

– Регулятор ничем мне не поможет, если только вы не можете повернуть время вспять. Можете?

Его голос не был ни отстраненным, ни холодным. Наоборот – в нем чувствовался жар, как в топке. Пылкость. Будто сквозь него по спирали бежало напряжение, и он одним прикосновением мог поджечь драпировку.

– В этом вам никто не сможет помочь. Божество Времени необратимо движется вперед, – тихо ответила она, сохраняя властную позу.

– Да. Если включить газовый рожок, то ночь не превратится в утро. И даже если перевести часы назад, вернуться во вчерашний день невозможно, – сказал он.

Каждое слово он произносил пронзительно, с надрывом.

Рядом пробежал слуга с подносом, притормозил, предложив гостю бокал с шампанским, и помчался дальше. Вокруг прохаживались гости, держа в руках тарелки с безумно дорогой экзотической едой, и Кроне захотелось снять свой вычищенный до блеска шлем и хотя бы вдохнуть эти ароматы. Но увы… ей приходилось дышать запахом металла, тщательного протертого спиртом.

Она ценила хорошую еду и напитки, когда могла себе позволить купить их, хотя с ее зарплатой такое случалось нечасто. А к роскошным нарядам и украшениям, мелькавшим вокруг, относилась равнодушно.

Мужчина отказался от шампанского. Вид у него был такой, словно ему хотелось улечься в мягкую постель и как следует отдохнуть.

– Осмелюсь предложить вам перейти в гостиную, – произнесла она. – Там тихо. Возможно, вам будет лучше там, а не здесь… среди шума и суеты.

В дальнем углу зимнего сада взмахнул смычками дуэт скрипачей, и полилась веселая мелодия. Она была приятной, но бодрила, а не успокаивала, как тишина темной комнаты.

Он невесело улыбнулся.

– Скоро выступление Главного магистрата. Если я уйду, то не услышу его.

Ага, значит он родственник сегодняшнего виновника торжества. Он и правда был похож на магистрата. Тот же нос, и волосы похожи, и глаза.

– Вы мсье Айендар?

Он никак не отреагировал.

– Расскажите мне о броши. Я ни разу не видел такого крупного магического рубина.

Изображать из себя профессора она не любила, но иногда приходилось. По крайней мере он казался искренне заинтересованным. Пройдя между витринами, она подняла руку в черной перчатке, указывая на футляр с брошью, изготовленной из золота и слоновой кости. В центре горел драгоценный камень исключительной чистоты – этакое осуждающее око, взирающее на окружающих из-под защитного стекла.

– Его вес составляет десять и восемь десятых карата, включая целых девяносто пять сотых грамма отчаяния.

– Почти в двадцать раз превышает установленный законом предел, – медленно произнес мужчина, и его взгляд переметнулся на ее медные браслеты, инкрустированные магическими гранатами и топазами государственного производства.

Да, они тоже магические, подумала она. *Один наполнен мужеством, а другой – решительностью*. Почти каждый драгоценный камень можно было зарядить магией, чтобы он хранил определенную эмоцию.

– Да, это предел, установленный законом для средних эмоций. Отчаяние можно удалить при помощи терапии, но чародеям запрещено продавать драгоценные камни с отчаянием, поскольку это чувство очень коварно и несет в себе много лжи. Все камни с заключенным внутри отчаяниям необходимо сдавать на хранение правительству сразу же после их изготовления. Но этот рубин был вставлен в брошь. Его создала магиня-эмоциатор специально, чтобы отомстить террористам, взорвавшим много лет назад здание Городского совета. Они добивались закрытия всех трудовых лагерей. Ее мать погибла при эвакуации – ее растоптали.

Крона замолчала. Не самая лучшая история для скорбящего человека.

– Я тогда был совсем юнцом, но помню. Мой отец находился в северном крыле, когда все это случилось, – он взглянул туда, где установили подиум для выступления магистрата. – Пожалуйста, продолжайте.

– Магиня подарила брошь сначала одному зачинщику, и он покончил жизнь самоубийством. За ним последовал второй и третий. Она собиралась вручить ее четвертой жертве, но не успела – ее задержали.

Мужчина отвернулся, будто внезапно потеряв интерес к драгоценностям, и качнулся, как пьяный.

– А это?

Он указал на одну из самых гротескных масок. Асимметричная, окрашенная в разные цвета, она изображала лик демона, с разверстой пастью и огромными клыками. Кривая, будто сломанная челюсть, рога, торчащие под странными углами – два во лбу, два на щеках и еще один на подбородке. Древатор[2], несомненно, был искусным мастером. Сколько бы Крона ни смотрела на нее, каждый раз ее пронизывала дрожь до самого сердца.

---

[2] Древатор – маг, работающий с деревом. Древатор также владеет искусством резки по дереву, вырезает разные вещи, в том числе посмертные маски, и заряжает их магией.

– Посмертная маска Луи Шарбона – маска Хаоса, – сказала она.

– Неужели того самого? Убийцы?

– Да, самого жестокого массового убийцы Лутадора. Размер маски неизвестен, ведь примерить и даже измерить ее невозможно – запрещено законом. Ей присвоен самый высокий уровень знаний – десятый. Никто вообще не понимает, как эта посмертная маска превратилась в магическую, учитывая, что у древатора, которому приписывают ее создание, никогда не было доступа к телу Шарбона после того, как его повесили. На самом деле чародей в то время находился в приюте для безумцев.

– А какие знания хранит маска? Как убивать?

За три года работы регулятором Кроне несколько раз приходилось бывать на месте преступлений, связанных с насилием. Из-за магических предметов преступления на почве страсти совершались довольно часто, и конфликты обычно возникали не под воздействием магии, а из-за страстного желания завладеть тем или иным предметом. Кроме того, ей казалось, что для убийства не требуется особых навыков или умений.

– Нет, не совсем так. Видите ли, Шарбон умел расчленять и по-новому сочленять человеческие тела именно благодаря своим знаниям анатомии. Вполне возможно, что его желание убивать и укоренилось глубоко внутри его эха, но в первую очередь он был великим мастером анатомии и владел сложными знаниями о том, как все устроено и работает внутри человека. И Эрик Матисс сохранил *именно это* его умение – умение расчленить тело.

Мужчина кивнул, словно обдумывая эту мысль. Он немного похмыкал и поэкал, затем что-то пробормотал и вдруг выпалил:

– Как вы думаете, какой из этих безделушек больше всего гордится магистрат Айендар?

Возможно, невинный вопрос. А, возможно, и нет.

– Я не знаю его лично, – осторожно ответила она.

Мужчина сделал небольшой шаг, плавно переместившись назад к броши. В уголках глаз у него блеснули слезы, и он вытер нос рукавом.

– Это точно не рубин, – сказал он, стиснув зубы. – Чувства других его никогда не интересовали. – Его руки дрожали, пальцы сжимались в кулаки и разжимались. – Скажите мне, регулятор, если бы ваша внучка умерла, где бы вы находились вечером в день ее смерти? На светском рауте? – Он потянулся к стеклу.

– Месье, отойдите, пожалуйста, – она предупреждающе положила руку на рукоять своей сабли, одновременно втянув в рот капсулу реверберации. – У меня может возникнуть проблема, – пробормотала она.

– Принято, – три раза прозвучало ей в ухо.

Месье Айендар-младший (теперь она была в этом уверена) не коснулся витрины, но повернулся к ней.

– Где бы вы были? – продолжал вопрошать он. – Смогли бы вы заставить сына бросить собственного ребенка? Принудили бы его прийти сюда, обмениваться любезностями, чтобы *сохранить лицо*?

Сердце Кроны сжалось, но по должности ей не полагалось ни вести допрос, ни (упаси Пятеро) судить о семье Главного магистрата.

– Месье…

С подавленным всхлипом он отскочил назад, к другой колонне.

– Больше всего он любит маски. Я точно это знаю. Вот эта с рыбой… что в ней такого опасного?

Она заметила, как впереди к ним приближается Трей, а с другой стороны экспозиции медленно направляется Саша, лавируя между пальмами в кадках и гостями.

– Эта маска принадлежала лорду Биррону. Он был весьма искусен в очистке опиатов, – примирительно произнесла она, взяв Айендара за локоть. – Пожалуйста, месье. Пойдемте со мной. Вон туда – там вы сможете присесть.

Он сбросил ее руку.

– Нет уж. Раз эти побрякушки значат для него больше, чем моя дочь, значит я буду разглядывать их, пока не надоест. Он хлопнул ладонями по витрине, оставив потные пятна на стекле.

Ей хотелось, чтобы коллеги двигались побыстрее, но пока она обнажила саблю.

– Вы же знаете, по закону я могу удалить вас.

– Так удали меня! – крикнул он.

В их сторону быстро повернулось несколько лиц: одни смотрели с недовольством, другие – с интересом.

– Хотите устроить сцену?

– Сцену? – усмехнулся он, изображая возмущение. – Меня возмущает даже мысль о том, что я каким-либо образом могу возжелать испортить идеальный вечер магистрата.

– Чем мы можем помочь? – спросил Трей, когда они с Сашей подошли с противоположных сторон экспозиции.

В отличие от оборок, камзолов с высокими воротниками и низкими вырезами и плавных линий одежды присутствующих форма регуляторов была простой, но внушительной. Все трое были похожи на черные шахматные фигуры, вырезанные простым ремесленником. Высокие, широкие шлемы – от плеча к плечу – достаточно просторные, чтобы их можно было надеть на магическую маску, хотя маски носили не всегда. В результате регуляторы выглядели как многорогие чудища без лица и без шеи. Длинные кожаные плащи придавали им четкие рубленые пропорции, и многие регуляторы, как Крона, предпочитали утягивать грудь. Плащ дополняли *уманори*[3], облегчающие движение, и высокие ботинки до колена, на толстой подошве.

Цветными пятнами на их форме выделялись только наплечники, лицевые щитки и оружие.

– О, да, вы же всегда *готовы помочь,* – выплюнул месье Айендар. – *Проследить за тем, чтобы все улыбались, никто не дул губки, не топал ножками, не заламывал ручки и не ломал ноготки.*

Он болтал и продолжал держать ладони на стеклянной витрине.

– Месье, я думаю, вы слишком много позволили себе сегодня вечером, – сказала Саша, схватила его за запястье и завела руку за спину.

– Отпустите меня! – выкрикнул он.

Случайные взгляды гостей превратились в пристальные, и естественное радостное бурление в зале затихло.

– Отпустите меня, отпустите! – закричал он, когда Трей схватил его за другую руку.

Вдвоем регуляторы поволокли его назад, но прежде, чем им удалось оттащить его на достаточное расстояние от экспозиции, он изловчился и пнул ногой витрину, зацепив ботинком ее верхнюю часть.

Стеклянная колонна зашаталась. Сердце Кроны подпрыгнуло. Она бросилась к футляру с маской. Подставка отлетела прочь – слишком далеко от Кроны. Раздался грохот, заглушивший даже веселую мелодию скрипачей.

Разбившись, витрина разлетелась волной острых осколков по залу. Сама же маска – вырезанная из закаленной древесины вишневого дерева с изображением двух синих карпов, плывущих в противоположные стороны среди волн и кружащих вокруг лепестков сакуры, осталась целой. Крона возблагодарила Пятерых за это маленькое везение.

---

[3] Уманори – вид хакама, широкие японские штаны.

Когда молодого мсье Айендара выволокли через боковую дверь, ведущую в кухню и хозяйственные помещения, трое оставшихся регуляторов – Ройу, Табита, и Де-Лия – быстро направились к ней. Они настоятельно просили гостей не подходить и аккуратно оттесняли особенно любопытных, пока она охраняла место происшествия.

– Что случилось? Это был мой сын, – загрохотал голос Главного магистрата, эхом разносясь по зимнему саду.

Магистрат был высоким мужчиной с большим животом, который всегда плыл впереди, будто расчищая путь своему хозяину. Руки его казались постоянно сжатыми в кулаки – будто они ежесекундно были готовы к гневному сотрясанию воздуха. Ему было хорошо за шестьдесят, ближе к семидесяти – возраст, до которого большинство людей не доживают никогда. Крона была уверена, что он постоянно запускал руку в запасы ампул времени многих членов своей семьи.

– Пожалуйста, отойдите назад, монсеньор. Нам необходимо ограничить доступ к месту происшествия и локализовать возможные проблемы, – сказала Де-Лия, преграждая ему путь вытянутой рукой.

По лбу Кроны градом катился пот, когда она присела на корточки возле груды стеклянных осколков. Из боковой сумки она достала бархатный мешок с подкладкой из пропитанных ртутью ниток и осторожно сунула маску внутрь.

Почему она не разрядила ситуацию раньше? Она должна была оттеснить его от витрины, как только поняла, что он в мрачном настроении. Он выглядел белой вороной на этом званом вечере. А такие аутсайдеры всегда опасны, потому что непредсказуемы.

Уложив мешок с маской в сумку, она вернула постамент в вертикальное положение и тут же заметила, как через двери главного входа выбежали трое стражей Ночного дозора. Все прочие взгляды были обращены на нее, поэтому никто ничего не заметил. Она втянула в рот капсулу реверберации и подошла к следующей витрине.

– Мне кажется, нам надо обезопасить остальную часть экспозиции. Мне не нравится…

Краем глаза она заметила, как за окном вдруг что-то мелькнуло. Это что-то было темным, объемным и покрытым шипами. А, может, это просто ветер трепал кусты. Нет. Вон блеснули глаза – это точно.

– Варг[4], – произнесла она, затаив дыхание, держа капсулу под языком. – Вижу варга.

– Как он прошел мимо Дозора? – спросила Де-Лия.

Крона обратилась к толпе, изо всех сил стараясь скрыть страх в голосе. Если сейчас все в панике бросятся к дверям, ситуация выйдет из-под контроля.

– Пожалуйста, прошу всех отойти от окон.

Она была рада, что надела на руки браслеты с магическими камнями. Целители называли ее состояние варгангафобией – сильный страх, выходящий далеко за рамки естественного отвращения, которое ощущают большинство людей. Ее мучили кошмары, в которых эти огромные, неповоротливые монстры преследовали ее, и она часто просыпалась по ночам у себя дома от собственного крика – вся мокрая от пота. Они напоминали немного собак, немного медведей и были по-своему ужасны – уродливые жестокие твари, созданные природой как будто по ошибке. Без заимствованных эмоций, заключенных в ее браслетах, Крона бы тут же свернулась в клубочек на полу.

– Сколько их? – требовательно спросила Де-Лия.

– Я вижу только одного.

– Одиночки в город не заходят, значит их больше. Быстро уводите отсюда магистрата, – сказала она остальным регуляторам.

---

[4] Варги, варгы – огромные волки согласно скандинавской мифологии. Здесь – чудовища, обитающие в Закрайе, т. е. за краем обитаемой Долины, и периодически прорывающиеся в нее.

Крона вытащила свой пятизарядник – специальный паровой пистолет для стрельбы по варгам пятидюймовыми патронами-иглами. Своим названием он был обязан пяти каморам – каждая со своим типом заряда. После нажатия на спусковой крючок барабан автоматически поворачивался, и к выстрелу был готов следующий заряд.

Пять видов варгов – пять видов игл. Иглы были единственным средством защиты от монстров, но даже они не могли убить их – просто сдерживали.

– Спрячь назад в кобуру, – мягко, но властно сказала Де-Лия, вытаскивая свой пятизарядник. – Ты останешься здесь.

– Но почему? Я справляюсь, я сдала…

– Это было на полигоне без единого варга в округе.

Суровый тон ее голоса говорил: *«Мы обе знаем, что происходит, когда ты оказываешься слишком близко к монстрам»*.

Крона выругалась, безмолвно признавшись себе, что Де-Лия права. Она только что сдала экзамен и получила разрешение на использование пятизарядника, но ее оценка оставляла желать лучшего. С мушкетоном она управлялась прекрасно, просто на раз-два могла на расстоянии отстрелить волосок с гривы лошади. Но с пятизарядником она сразу начинала думать о варге. Вес пистолета в руке смущал разум, и слабый голос сомнения тут же начинал шептать: «Не получится. Ничего у тебя не получится», как бы она ни сопротивлялась.

Крона снова обнажила саблю.

– Лучше промахнуться из пятизарядника, чем сражаться с ними клинком, – возразила она.

Из пятизарядника по крайней мере можно выстрелить еще раз, а удар клинком варга вообще не остановит. Она боролась с желанием снова схватиться за пистолет, несмотря на все прошлые промахи.

– Саблей мне с ним не справиться.

– Тебе и не придется, – заверила ее Де-Лия.

Крона снова посмотрела на гостей; некоторые медленно приближались к окнам.

– Назад! – приказала она.

Но гости восприняли приказ Кроны как приглашение к противоположному – они бросились к окнам, пытаясь понять, что заставило так разволноваться регуляторов. За стеклом мелькнули длинные клыки, угрожая присутствующим.

– Варг! – закричала какая-то женщина в тугом болеро с высоким воротом, который, тем не менее, не смог сдержать ее крик. – Варг. Там варг!

Тихий рокот в зале превратился в гул, послышались громкие возгласы. Часть толпы бросилась к окнам, чтобы получше разглядеть монстров. Часть побежала к дверям, создав столпотворение у выхода. Остальные сбились в кучу, как овцы, в центре зимнего сада, подсознательно решив, что в куче безопаснее.

– Будем надеяться, что это не прыгун, – сказала Де-Лия, прежде чем приступить к делу.

Каждый из пяти видов варгов обладал собственными разрушительными способностями. Прыгуны могли за минуту исчезнуть и появиться снова.

– Всем присутствующим регуляторам собраться на площадке в маковом саду – быстро. Обнаружен варг. Пока один, но, возможно, их целая стая. Крона, закончи работу с витриной. Трей, найди ближайших стражей Ночного дозора и привлеки их к операции – нам надо препроводить наших благородных мадам и месье в безопасное место.

– Три стража Ночного дозора были… – начала Крона, но, оглядев толпу, поняла, что больше не видит их. – Отбой. Принято.

Держа пистолет над головой дулом вверх, чтобы ненароком не попасть в суматошно мечущихся гостей, Де-Лия вышла из зимнего сада.

Прежде чем заняться другими артефактами, Крона подошла к окнам и начала оттеснять людей.

– Всем отойти назад.

Они бросились прочь от ее меча, как будто до них наконец дошло, что она имеет право пустить его в дело.

– Действует протокол сдерживания варгов. Мы не знаем, что за вид появился снаружи, поэтому вы все должны…

Раздался глухой стук.

Крона быстро обернулась. По ту сторону стекла стоял варг – голова опущена, глаза уставились на нее. Его длинная уродливая морда ощерилась в рыке. Из пасти свешивались толстые нити слюны. Тело было покрыто колючей шерстью, сквозь которую проглядывало множество нарывов, один из которых сочился зеленым гноем. Пока она разглядывала его, он ускользнул прочь, исчезнув во тьме, за пределами досягаемости света газовых фонарей.

Через мгновение он вернулся, мчась на полной скорости к собственному шведскому столу. Блюдо дня – люди за стеклом.

Еще один глухой стук. Задребезжали стекла, и по зеленому полю паутиной побежали трещины. Кто-то зарыдал. Один джентльмен упал в обморок. В темном саду мелькали вспышки выстрелов пятизарядника. Взрывался и вскипал специальный порох, разрывая паровые каморы, отправлявшие иглы прямо и точно в цель на высокой скорости. Вот только целью стрелка был не этот варг, пытающийся пробить стекло.

По крайней мере, это не прыгун; если бы это был прыгун, люди уже были бы мертвы, уверяла себя Крона.

– Ночной дозор здесь! – крикнул с порога офицер. – Разбейтесь на пары и следуйте за стражами в катакомбы песочных часов, пожалуйста. По порядку, не толкайтесь, пожалуйста! Мы же не простолюдины какие-нибудь, правда?

Люди в спешке устремились к дверям, все цвета слились в один нейтральный поток – как будто мир окатили грязной водой. Стражи вылавливали отставших за деревьями и скамейками.

Стук. Треск.

Снаружи снова раздались выстрелы. Вспышками осветило потоки людей. Стражи быстро теряли контроль над своими подопечными – вместо того чтобы идти в катакомбы, благородные господа бросились прочь из здания, в сад, кричали и бесцельно метались в панике.

Крики знати привлекли еще одного варга, который примчался на них, как крыса на звук дудочки.

– Отвернитесь! – крикнула Крона участникам приема, которые все еще неподвижно стояли перед ней, зачарованные видом монстра, пытающегося прорваться внутрь. – Отвернитесь!

Один из запаниковавших мужчин побежал на террасу солярия – практически прямо на варга, пытавшегося разбить стекло. Возможно, это был варг-имитатор – есть такие мастера камуфляжа, которые умеют сливаться с окружающей средой. Возможно, мужчина думал, что там никого нет – просто куст шуршит на ветру. Варг развернулся, вздыбил шерсть, распустил веером иглы. И только тогда человек осознал, что перед ним клыки.

– Назад!

Из-за вспышек выстрелов пятизарядников казалось, что все происходит с замедленной скоростью.

Вспышка, и паника на лице мужчины сменилась страхом.

Еще вспышка, и страх сменился ужасом…

Еще вспышка – варг в прыжке…

Еще одна – и его когти рвут плоть…

Вспышка – льется кровь, вспышка – вываливаются кишки, вспышка – влажно блестит кость.

Вспышка, вспышка, вспышка.

Крона отвернулась, едва сдерживая тошноту и желчь, стоявшую у горла. Камни с эмоциями в браслетах помогали ей концентрироваться, их магия обеспечивала прилив мужества и решимости, подавляла страхи, загоняла их в самую глубь души.

Внутри осталось примерно человек двенадцать знати, и они изо всех сил сопротивлялись Стражу, желая остаться в зале.

– Монстры снаружи! Здесь, внутри, мы в безопасности!

– Они могут находиться на кухне и в хозблоках! – возражал Страж. – Мы же хотим вывести вас из зоны опасности!

Варг у окна снова повернулся к стеклу – из его пасти свисали окровавленные обрывки сухожилий, с которых капал жир. Чудовище снова нацелилось на стекло.

Стук. Треск.

Возможно, это был пожиратель эмоций. Такие рыщут в поисках добычи, погрязшей в сильных чувствах – любовь, ненависть, вина или ревность, или… страх.

Трещины в стекле, казалось, нарисовали мишень прямо на спине Кроны. Появились щели. Кроне хотелось надеяться, что стеклянная панель сможет выдержать натиск варга еще какое-то время, чтобы она успела собрать магические предметы.

Наконец из зала выволокли последних гостей, которые пинались и визжали. Но их крики только усилились – крики боли и ужаса эхом разносились по всем залам. Крона сделала все возможное, чтобы не дать им снова зайти в зал, и сосредоточилась на своей задаче. О людях позаботятся стражи. А о варге и магии позаботятся регуляторы.

Сейф, в котором перевозили экспонаты, лежал, накрытый тканью, в задней части помещения. Как только зимний сад опустел, она бросилась к нему, сдвинув саблю на бок, открыла крышку, вынула специальные коробки, предназначенные для упаковки каждого предмета.

Взяв по три коробки в каждую руку, она развернулась и… в этот момент на нее налетело что-то тяжелое, сбив с ног. Она рухнула на пол. Коробки разлетелись в разные стороны, скользя по полированному мрамору. Тяжесть придавила ее к полу, не давая подняться, царапая форму. Ее вдавили лицевым щитком в пол и крепко держали за руки.

Крона начала вырываться. Она высвободила одну руку и потянулась к сабле. Но попытка не увенчалась успехом – от оружия ее отделяло несколько дюймов.

Острые ножи – или когти, *когти* – вонзились в зажатую левую руку, разорвали рукав, сдернув браслет и царапнув кожу.

Как только браслет отлетел прочь, она почувствовала себя так, будто из тела вырвали нить, удерживающую спасательный круг, надетый на ее сердце. Она чувствовала, как он, невидимый, дюйм за дюймом выходит из нее – рвется сам и рвет тело.

В левый браслет был вставлен магический желтый топаз – камень, пропитанный позаимствованным мужеством. Его магия заполняла пустоты, созданные ее страхами, накладывала повязки мужества на раны эмоций.

Но теперь камня не было. Двадцать семь сотых грамма мужества исчезли.

На спине у нее, возможно, сидел варг, и от этой мысли ее собственное мужество испарилось полностью.

От страха перехватило горло, и с последним глотком воздуха она уловила запах гниющей шерсти и вонючее дыхание. Животный запах. Он заставлял думать о крови и костях, о рвущейся плоти и открытых ранах. И гное. Варг всегда покрыт гнойниками, будто сам воздух заставлял их кожу вскипать и гореть.

Сейчас я умру, мысленно закричала она, хотя паника захлестнула ее настолько, что она едва ли могла выражать свои мысли словами.

Монстр продолжал царапать ее когтями, рвать за плечи и намеревался сорвать шлем. Он бил ее головой об пол, выдавливал воздух из легких и кровь из раны.

На нее вдруг нахлынули воспоминания о том, самом первом нападении варга, когда она была маленькой – много лет назад. И эти воспоминания пронеслись в голове, как рой саранчи. Она знала, что будет дальше. После того как варг сбил вас с ног, он начинает рвать добычу на мелкие кусочки, тщательно пережевывает и только потом глотает.

Сегодня вечером она отвернулась – не могла смотреть туда сквозь волнистую рябь зеленого стекла. Все это она уже видела раньше – в гротескном живом цвете, чувствовала запах пережеванной человеческой плоти и слюны варга, и горячего желудочного сока.

Она видела, как это происходит прямо у нее под носом.

С ее отцом.

В голове внезапно вспыхнула картинка.

Темная, темная кровь. Зияющая дыра на месте горла…

Вдруг в ушах раздался рык, но это был какой-то странный рык – неправильный. Она знала, как рычат варги – это потусторонний звук. Звук, который не может воспроизвести никакое другое существо. Глубокий и одновременно высокий, далекий и одновременно близкий. Рык варга вибрирует, отдается в костях. Этот звук был *другим*.

Ее мужество, может, и испарилось, но у нее был еще один браслет на правой руке. Решимость, дарованная красным гранатом.

Пинаясь и извиваясь всем телом, она потянулась к сабле. Она хотела растянуть сухожилия, нарастить пальцы.

Клинок бессилен против варга.

Но я хотя бы умру с оружием.

Пальцы нащупали головку эфеса, крепко ухватились за рукоять и с силой вытянули клинок, преодолевая хватку за предплечье. Помогая себе криком, она резко повернулась назад, описав клинком гигантскую остроконечную дугу.

Лезвие вонзилось в цель. Существо издало гортанный, булькающий вопль и перестало ее трепать. Крона тут же оттолкнула его, хоть и с трудом. Пока оно билось в агонии на боку, она отползала прочь по полу. В зале раздавались и другие крики. Ругались люди: «Оставь его! Он мертв, оставь его!» Затем послышался удаляющийся топот ног.

На ватных ногах Крона поднялась, выпрямилась. У основания сейфа неподвижно лежала серо-коричневая куча, проткнутая саблей, как закуска – из тех, что подавали на приеме. Под ней растекалась лужа крови, подтверждая ее подозрения.

У варгов нет крови.

Она пнула кучу, перевернула ее и обнаружила огромного мужчину, одетого в костюм, имитирующий варга. Он взял пару кастетов и приварил к ним клинки, сымитировав когти.

Сабля пробила ему шею, но он еще был жив. Ее меч застрял в тяжелой ткани костюма, возле горла. Он зажал рану дрожащей бледной рукой. По телу пошли судороги, когда он попытался вдохнуть.

Без колебаний Крона опустилась рядом с ним на колени. Оторвав кусок рукава, она сделала подобие бинта и затянула им рану.

Страх по-прежнему владел ею и мешал думать. Почему человек был в костюме варга? Почему чудовище снаружи перестало бить в окно? Почему сейф все еще открыт и почему везде так много битого стекла?

Она обратила внимание, что у основания ближайшей кадки с папоротником что-то тускло мерцало. Нежные листья растения, словно защитный занавес, прикрывали ее браслет, заряженный мужеством. Ненадолго забыв про раненого мужчину, она рванулась к нему и натянула на ободранную руку. Под оправой драгоценного камня ее пронзила острая боль, но только на мгновение. Нить, вырванная из тела, теперь будто поплыла внутри, закручиваясь успокаивающими спиралями, пока не достигла груди.

Как только одолженное мужество уничтожило страх, Крона окончательно успокоилась, и случайные кусочки информации встали на свои места. *Большое количество битого стекла, маскировка под варга, другие голоса… Коллекция магических предметов. О нет. Нет, нет, нет…*

Несколько витрин стояли пустыми, но она пока не могла сказать, что забрали.

– Не двигайся, – сказала она раненому, зажав рану ладонями.

Она не была уверена, но боялась, что порез оказался слишком глубоким.

Не умирай. Живи, живи. У меня есть вопросы, и ты должен остаться в живых, чтобы ответить на них.

В варга, стоявшего у широкого окна зимнего сада, иглы летели одна за одной. Каждая вспышка, предшествующая выстрелу, озаряла стрелка – Де-Лия. Она уверенно и решительно двигалась к монстру, расправив плечи, держа его под прицелом. Выстрелы били точно в цель, и вскоре она уложила существо.

Из задних и передних лап торчали длинные иглы, пригвоздившие его к земле посредством магии. Вонзаясь в зверей, куски металла действовали как крепкие колья или копья и лишали их возможности двигаться.

Теперь, когда настоящий монстр был обездвижен, Крона и в нем заметила нечто необычное. Его мех серебристо блестел и был совсем не похож на матово-коричневые и красно-бурые цвета настоящих варгов.

У входа в зал снова раздался топот, крики: звали целителей, просили больничные каталки, обрезки ткани для перевязки.

Все, на кого напал варг, скорее всего, мертвы, и целитель им уже не поможет. Возможно, и напавший на нее человек, переодетый варгом, тоже отнял жизни у нескольких человек.

Будучи все еще на взводе, Крона не решалась позвать на помощь. Если в зале находился один переодетый монстр, который резал людей металлическими когтями, то могут быть и другие. Еще через несколько минут она услышала шаги – кто-то направлялся к ней. Крона осторожно высвободила саблю из шкуры поддельного варга, снова приготовившись к схватке.

Но это была Де-Лия. Ствол ее пистолета все еще дымился.

– Ты в порядке? – сразу же спросила она, осмотрев залитый кровью пол

Ее взгляд под шлемом остановился на мохнатой куче рядом с сестрой.

– Итак, это был прыгун, – выдохнула она, пересекая большими шагами комнату.

– Я в порядке. И это не варг, – сказала Крона. – Это человек. Ему нужна помощь. Нам нужен целитель.

– Теперь понятно, почему в зале раненые. Они их закололи, но не съели. Интересно, почему…?

И тут она поняла, почему. Де-Лия быстро направилась к экспонатам, хрустя ботинками по разбитым стеклам витрин, и посмотрела, что осталось. Остались нож, плафон, шприц, три ожерелья, но – только четыре маски. Брошь тоже исчезла.

– Пропала маска Шарбона, – сказала Де-Лия.

– Это был отвлекающий маневр, – выдохнула Крона. – Значит были и другие.

– Да, – сухо ответила Де-Лия. – И теперь два самых опасных в мире магических предмета снова будут гулять по городу.

Глава 2
Крона

Вот значит, каково это – распускать нити своей жизни, следуя за ними. Чем больше я пытаюсь связать их в аккуратный управляемый узел, тем больше они растягиваются, истончаются и рвутся с сухим треском. Поддерживать порядок нелегко. Ломать всегда проще, чем созидать – таков уж этот мир. Ты нужна мне, но я знаю… Понимаю… Невозможно вернуться в прошлое. И нельзя повернуть время вспять. Сделанного не отменить.

Участок регуляторов второго округа Лутадора оживлялся почти каждый вечер, но сегодня он бурлил тревожной энергией. И регуляторы, и администраторы носились туда-сюда по большой открытой главной площадке, как разгневанные вороны на месте убийства сородича. Таких краж в их практике не случалось. Запрещенные магические предметы умыкнули из их собственной экспозиции – прямо из-под носа. Это был позор.

Провал. Который мог привести к пыткам и смерти.

Исчезла маска Хаоса Шарбона. Того самого Шарбона, который разделывал своих жертв до неузнаваемости, который убивал людей так *жестоко*…

Капитан Хирват (так Крона должна была называть Де-Лию в участке) и Трей поместили плененного варга в камеру изоляции. Того, который стоял у окна. Как и подозревала Крона, они идентифицировали его как пожирателя эмоций. Сейчас они утыкали его почти всеми золотыми иглами, которые имелись в их запасе, и заперли в позолоченной клетке внутри магической стеклянной камеры.

Двое других схваченных варгов были отражателями. От них было очень сложно уклониться: они умели копировать каждое движение жертвы и таким образом предвидели, куда она побежит дальше. Этих они зафиксировали железными иглами в железной клетке и даже скрепили тварей вместе.

Пока они разбирались с монстрами, Ройу, Саша и Табита подготовили оставшиеся магические экспонаты к возвращению в хранилище. Крона прошла мимо стола Табиты, когда та отложила в сторону пустые коробки для камня отчаяния и маски Хаоса. Взгляд Табиты потемнел, и она уставилась на Крону, как на масляное пятно, пока та шла к лестнице, ведущей вглубь участка. Крона не сомневалась, что Табита винила ее в пропаже вещей, даже если она никогда этого не озвучит.

Крону и человека, с которым она вступила в схватку, отправили к местным целителям в подземное крыло хирургии. Де-Лия не разрешила отправить этого человека в государственную больницу. Она тут же арестовала его, несмотря на то что он истекал кровью, лежа на полированном полу.

Когда-то этот участок был военным складом – еще в те дни, когда пять городов-государств постоянно угрожали друг другу войной. Стены были сложены из белого, грубо отесанного известняка, поэтому здесь было холодно даже летом. Большая часть участка находилась под землей и была покрыта слоем дерна.

Комплекс находился в восточной стороне города и был отделен от теснящихся многоэтажных зданий Лутадора несколькими холмами и невысокой стеной. Слева от старого оружейного склада раскинулись казармы, куда большинство регуляторов возвращалось в конце рабочего дня. За казармами располагались конюшни. Войти и выйти можно было через единственный хорошо охраняемый КПП, к которому вела узкая дорога.

Большинство коллег считали казармы домом, но не Крона. Поэтому ей пришлось сидеть у целителя, который обрабатывал ей рану, а не слушать сладкие звуки теплой постели.

Руки целителя скользили по ее руке, а она смотрела на обломок кирпича на противоположной стене. На рану он положил мазь, которая не щипала, и наложил швы, и ей пришлось стиснуть зубы, чтобы сдержать ругательства. Когда он закончил, свежие, белые как соль повязки резко выделялись на ее черной коже. Раны были глубокими, и каждый раз, когда она двигалась, вся рука пульсировала болью.

С одной стороны, было приятно сидеть без шлема и смотреть в глаза целителю, с другой – она чувствовала себя уязвимой и не могла скрыть, как сильно подействовала на нее эта схватка.

– Подними руку, – сказал целитель, мастер Уткин, показывая, как ей следует поднять локоть. – И как?

– Лучше, – солгала она, не желая показывать боль или страх.

Целитель нахмурился. К настоящему времени он уже понимал, когда она притворяется. Слишком давно он работал с ней в участке.

– Хочешь поговорить об этом? – спросил он.

– О чем?

– О страхе. О варгах – настоящем и фальшивом. Прошло много времени с тех пор, как ты столкнулась с ним.

Крона рассеянно почесала рану. Она не любила обсуждать свои чувства. Большинство людей не знали о ее страхе варгов, и она бы предпочла оставить все, как есть. Однако правила требовали держать все под контролем, чтобы сохранить преимущества и полномочия. Слабость была неприемлема.

Но целителям необходимо знать все о здоровье своих пациентов, чтобы должным образом заботиться об их благополучии. Скрыть свой страх от него она не могла.

И ее спецбригада знала. Она уверена, что этот страх был ее черной меткой: сначала Делия берет в их ряды свою маленькую сестренку – и в течение трех лет она прекрасно справляется с обязанностями регулятора, хотя и не совершает подвигов. Но потом у младшей Хирват возникла варгангафобия, и она практически завалила экзамен по стрельбе из пятизарядника.

Крона надеялась, что ее неудача не создаст проблем, что она еще потренируется и улучшит результаты. Большинство регуляторов ни разу не сталкивались с варгами за всю карьеру. Да, регуляторы проходили спецподготовку по нейтрализации варгов, но *только* для того, чтобы знать, как действовать на случай непредвиденных обстоятельств. А за то, чтобы не допустить тварей в пределы Лутадора, отвечал Пограничный дозор. Это их задача.

Варги – это чудовища, населяющие Закрайе – пустошь за краем Долины. Существа, которых невозможно удержать за магическим, созданным богами барьером. Пограничный дозор отвечал за сдерживание как можно большего количества варгов, чтобы они не опустошали деревни и не нападали на города.

Уткин раньше служил в Пограничном дозоре.

Он понимал, что такое варг, знал, какой вред они могут причинить и какой ад могут устроить, сея страх.

– Я не хочу об этом говорить. Проехали, – сказала она.

Его голова была выбрита наголо совсем недавно, густая седеющая борода аккуратно подстрижена. Он подергал себя за кончики торчащих кверху усов, держась прямо, как солдат, которым и был. Военная выправка останется с ним навсегда. Она помнила, что ее отец тоже всегда пребывал в постоянной готовности к неожиданному.

– Страх отразился на работе?

– Нет.

Уткин не стал возражать. Просто замолчал. Повисла полная тишина, долгая, застывшая в ожидании.

– Может быть, – тихо признала она.

– Я сейчас изучаю некоторые новые взгляды на фобию, новые подходы к лечению. Как только я закончу исследование, мне бы хотелось начать с тобой новый курс.

Внутренне Крона оживилась. Другие целители уже давно не предлагали ей ничего нового. Но внешне она себя не выдала.

– Если захочешь, конечно, – добавил он. – Это может быть тяжело и сложно. Но если твои проблемы будут по-прежнему связаны с варгами, то стоит попробовать. Я возлагаю большие надежды на новый метод.

И если это дело будет по-прежнему связано с варгами…? Крона не хотела даже думать, что ей еще раз придется столкнуться с монстрами во время его расследования.

– Мы скоро вернем магические предметы, – тупо сказала она. – Тогда и поговорим.

Он нахмурился, но уговаривать не стал.

– Скажи «а», – приказал он.

Она так и сделала, и он положил ей в рот минеральную таблетку.

– От боли, – пояснил он. – Наплечник ты какое-то время носить не сможешь – пока не заживут раны, ясно?

– Да.

Использование любой личной магии так или иначе сказывалось – физически или ментально.

Он одобрительно кивнул, затем собрал свои снадобья и отпустил ее.

Вместо того чтобы подняться в главную галерею и передать отчет регистратору, она прокралась в ближайший холл. Фальшивого варга привезли в хирургию, и там над ним трудились три целителя и куча их помощников, но в помещении снаружи стояла тишина. Она прижалась ухом к двери, пытаясь уловить хоть какие-то звуки – разговор или лязг металлических инструментов. Но услышала только тишину.

Она толкнула толстую, обшитую панелями дверь и осторожно заглянула. Один целитель стоял, склонившись над пациентом, лежащим на койке. Костюм варга теперь сменила тонкая накидка, на горло была наложена повязка – почти такая же, как у нее на руке, – но сквозь нее уже просочилась кровь. Она заметила татуировки на голени и на левой руке. Татуировки были строго запрещены. Наносить себе увечья считалось омерзительным. Как ни странно, но наказанием за это служило дальнейшее нанесение увечий – удаление художеств с кожи.

На открытой, безвольно свисавшей руке тоже имелись метки. Ее внимание привлекла та, что была на большом пальце – клеймо.

Услышав скрип петель, целитель повернулся.

– Он спит, – голос прозвучал резко.

– Мне нужно допросить его, – сказала она, входя в комнату.

– Навряд ли он сможет быстро заговорить снова. Мастерски вы его прокололи – сохранив жизнь.

– Дело не в мастерстве – просто повезло.

Она сделала вид, что резкий запах медицинского спирта не дает ей приблизиться к койке, но на самом деле она не доверяла себе. Теперь, когда кровь перестала литься – и из ее, и из его ран, – она больше не чувствовала панического желания сохранить ему жизнь. Жаркий гнев ударил ей в голову, во рту стало сухо.

– Когда он очнется?

– Трудно сказать. Но он точно не сможет ничего вам сказать.

– Я надеюсь, что ради себя самого он сумеет написать, – ответила она.

Прищурившись, она еще раз внимательно изучила лицо человека, лежавшего без сознания, и оставила его заботам целителя.

В холле ждала Де-Лия, прислонясь к каменной стене, приставив к стене ногу в ботинке. Она тоже сняла шлем, обнажив строгое худощавое лицо и бритую голову. Ее кожа была даже

темнее, чем у Кроны, почти такой же черной, как форма. Она выглядела спортивной, грациозной, но уставшей.

– Как он? – спросила она.

– Без сознания, – с горечью ответила Крона.

– А ты?

Она оттолкнулась от стены и осторожно положила раненую руку Кроны себе на ладонь, критически изучая работу целителя. Рукава капитанской формы были покрыты серебристыми пятнами.

– Заживет, будет еще один шрам – и все дела.

Де-Лия кивнула, соглашаясь с этим утверждением и одобряя бодрый тон.

– А что с варгами? – спросила Крона.

– Обезврежены. Гонец сообщил о нападении на Пограничный дозор три недели назад. В лагере, когда груз направлялся в хранилище. Было украдено несколько банок с аннигилированными варгами.

– Три недели? На приеме резвились не контейнированные аннигилы, а вполне материальные монстры.

– Тот, кто украл банки, должно быть, принудительно откармливал их, поэтому твари и пришли в себя так быстро.

Де-Крона не могла в это поверить. Если эти вполне осязаемые варги три недели назад сидели в банках, значит, чтобы набрать силу, они должны были съедать по человеку в неделю. Где набрать столько жертв? Отбросы из Подземья? Шахты? Трудовые лагеря?

Варги пожирают людей – только людей. Но если они долго не едят, то становятся бесплотными. Нематериальными. Выглядят, как клочья тумана. Но этот туман все равно может нападать и убивать. Если вы его вдохнете, варг сожрет вас изнутри.

Вот поэтому варги столь ужасны. Их невозможно убить. Нельзя изрубить на куски или сжечь дотла. Единственный способ нейтрализовать их – пронзить иглами, но и иглы должны быть особыми. Всего существует пять видов варгов. А значит стрелок из пятизарядника должен всегда иметь при себе иглы разных типов: золотые, серебряные, железные, никелевые и бронзовые.

После того как вы пронзили варга подходящими иглами, крепко пришпилив его к месту, его необходимо заключить в специальную камеру-изолятор и морить голодом. Тогда он превращается в туман, и его можно втянуть в банку из магического стекла – изолирующую колбу при помощи специального штуцера из подходящего металла. Хороший варг – это варг, изолированный в банке, которая лежит на полке далеко и глубоко в подземных хранилищах Холма-каземата. В таком виде их можно безопасно перевозить и легко переносить – как консервы.

– Сколько варгов было украдено?

– Троих мы захватили. Но могу поклясться, что я пристрелила четверых, – сказала Де-Лия.

– Его могли украсть из другого места.

– Или он мог быть фальшивкой – вроде того, которого поймала ты, – сказала Де-Лия. – Потому что я уверена, что попала в него.

– Все заряды потратила?

Де-Лия отвела взгляд.

– Нет.

Она потерла руку, которой стреляла – на ней был виден легкий химический ожог. Кончики указательного и среднего пальцев тоже были перевязаны.

– А что с пальцами?

– Укололась иглой для штопки вчера утром. Немного покровило – ерунда, – отмахнулась Де-Лия от вопроса.

– Опять? Может, попросишь маму штопать тебе одежду.

Тут Крона заметила, как что-то блестит на коленях Де-Лии.

– А это ртуть? – спросила она, кивая на пятна на форме Де-Лии.

– Да.

– Значит, они облили варгов ртутью, чтобы скрыть их от детекторов Дозора – вот почему те подошли так близко. Никогда бы не подумала, что можно разработать такой… такой план… даже не знаю, как назвать…

– Абсурдный? Дикий? Только сумасшедший мог подумать, что удержит варга под контролем. Бьюсь об заклад, они сожрали и нескольких хэндлеров, потому и набрали силу *так* быстро.

Но этот дикий план сработал, подумала Крона, не меняя выражения лица. Нападение варгов было идеальным отвлекающим маневром.

И если бы у меня был пистолет вместо сабли, у нас было бы гораздо меньше шансов продолжить расследование. Это была не то чтобы интуитивная прозорливость, но определенно счастливая случайность. Черт возьми, если бы у нее в руках был пятизарядник, ей бы ни за что не удалось раскрыть этот обман.

Особо гордиться, конечно, нечем – подумаешь, человека поймала. Зато кто-то унес огромный рубин с отчаянием и маску убийцы. Праздновать, в общем, тоже нечего.

Но поэтому именно я должна исправить эту ошибку. Должна вернуть украденное. Она не могла разочаровать сестру. Иногда Кроне казалось, что она всю жизнь только и делает, что исправляет собственные ошибки. Пришел черед еще одной. В общем, есть Де-Лия и есть Де-Крона. Де-Лия была сильной, красивой, успешной и уверенной в своих силах. А Де-Кроне хотелось обладать всеми этими качествами.

Я исправлю эту ошибку, решила она. *Вот увидишь*.

– Теперь сюда мартинетов направят? Чтобы провести расследование? – спросила она.

Контроль за нарушениями в сфере правового регулирования осуществляли следователи-мартинеты. Если слово регулятора было законом, то слово мартинета было священной и абсолютной истиной.

– Да, они уже здесь.

Сердце Кроны упало.

– Они поставят под сомнение мое назначение в твою бригаду.

– Не поставят. Ты все сделала правильно. Если кто и виноват в случившемся, так это я. И только я.

– Именно это меня и беспокоит. Ты же просила, чтобы меня – твою сестру – назначили в твою группу… А они серьезно относятся к кумовству, – это слово она произнесла с трудом.

– Это не кумовство, – ответила Де-Лия, отталкиваясь от стены.

Ее усталость улетучилась, сменившись напряжением, которое проявлялось в ней в ответ на оскорбление.

– Я собрала сильнейшую команду, тщательно подбирая людей. Каждый из вас обладает особыми навыками. И собрав вас в группу, мы еще больше усилили их. Тебя бы просто не назначали в мою группу, если бы считали по-другому. Я *не принимаю* официальных решений, исходя из личных чувств.

Это было правдой. Де-Лия была эффективна и прямолинейна. Она не позволяла страстям мешать работе, потому что прежде всего презирала некомпетентность, которая сопровождалась такой эмоциональностью.

– Это знаю *я*, – сказала Крона, положив неповрежденную руку на плечо сестры в утешение. – Но не мартинеты.

– И что ты хочешь этим сказать?

– Если ты должна будешь признаться в покровительстве, скажи, что меня не должно было быть в бригаде.

– Тебе не нужно винить в этом себя.

– Почему же? Возможно, если бы на моем месте был кто-то другой, он бы не отвлекся на скорбные воспоминания об отце. И тогда они бы обвинили в случившемся стражей Ночного дозора за непрофессиональные действия. И экспонаты бы не украли, и маска Шарбона осталась бы под контролем регулятора.

– Пусть мартинеты проводят собственное расследование, – сухо ответила Де-Лия. – Вся моя группа действовала профессионально и правомерно. Слышишь? Они не станут приносить в жертву одного из нас, чтобы обвинить ради обвинения. Мы найдем магические предметы и вернем их на место, а воров вздернут. Ясно?

– Да, – Крона заставила себя улыбнуться.

Преданность Де-Лии делу всегда вызывала удивление.

– Отлично. Ты в состоянии продолжить работу? – спросил Де-Лия.

Она поймала себя на том, что прижимает раненую руку к груди, и быстро опустила ее.

– Конечно.

– Тогда, после того как тебя допросят мартинеты, отправляйся в замок Главного магистрата и побеседуй с его сыном и домашней прислугой.

Айендар-младший появился как нельзя вовремя, и это в лучшем случае выглядело подозрительным. Но инстинкты Кроны подсказывали ей, что это просто совпадение.

– Ночной дозор не задержал его?

– Магистрат не позволил.

– А, ну да, конечно.

– С тобой поедет Трей.

Трей был их хорошим другом. Сестры знали его с детства, что вполне может стать еще одним поводом для выявления мартинетами случаев кумовства. Он был упрям и целеустремлен, и Крона знала, что ему не очень понравится это задание. В его обязанности входило взаимодействие с Дозором, и основное внимание он будет уделять им. А визит в дом Айендаров станет нежелательной дополнительной нагрузкой.

Но спорить с капитаном по этому поводу она не стала.

– Понятно, – ответила она. – А маску Леру можно получить?

– Конечно.

Крона развернулась, чтобы уйти, но Де-Лия остановила ее, положив руку на плечо.

– У нас только сорок восемь часов, а потом след, скорее всего, остынет, – сказала она.

– Знаю, – мрачно ответила Крона. – И тогда…

– Если маска Шарбона останется на свободе? Тогда наступит Хаос.

Если в деле замешана магия, то в половине случаев именно этим все и заканчивалось.

Глава 3
Мелани

Два года назад

В городе все пахло роскошью – даже звук колокольчика в лавке. В деревне колокольчики всегда звенят оловянным глуховатым звоном, потому что их делают из маленьких и не очень нужных предметов. И деревенских жителей тоже легко узнать по их раскатистому тягучему выговору, который является визитной карточкой их простого воспитания.

Мелани очень хорошо это знала, когда открыла рот, чтобы обратиться к лавочнику.

– Мне нужна маска, – произнесла она как можно четче и яснее.

И я хочу спасти маму, добавила она про себя.

Тусклые глаза внимательно разглядывали ее от заляпанной грязью юбки до изъеденной молью шляпы, а губы все время недовольно кривились. У лавочника было длинное гибкое тело и не менее длинные конечности и нос. Он открыл рот и медленно заговорил. Мелани не поняла, почему: то ли потому, что словам требовалось много времени, чтобы проскользнуть по такой длинной груди, то ли потому, что он счел ее туповатой.

– Ты пришла в лавку, где продаются маски. Ясно, что за маской. Какая тебе нужна?

Она украдкой поглядела по сторонам. Все стены были увешаны резными масками всевозможных форм и узоров. Яркие и темные цвета сплетались в разнообразные орнаменты, рассказывая самые разные истории. Зияли разверстыми пастями экзотические животные. Злобно ухмылялись демоны, кривя гротескные асимметричные морды. Корчили рожи карикатурные изображения людей.

Она ссутулилась, избегая встречаться глазами с их холодными, пустыми взглядами. Они выжидающе следили за ней, пока она выбирала. *Как много мертвых лиц.* По спине пробежала дрожь.

Она точно не знала, за какой маской она пришла. Может, за рогатой совой? Или вон за той, где на лбу того, кто ее наденет, будет отдыхать свернувшийся в клубок ленивец, а резные ветви джунглей прикроют глазницы? А, может, вот за этой – перевернутое лицо демона, с которого сдергивают шкуру, как тянучку, а владелец будет выглядывать из его открытого перевернутого рта.

– Мне нужна маска целителя. Его звали Август Белладино. Он есть здесь?

Лавочник ухмыльнулся, будто знал что-то такое, чего не знала она. А, может, вспомнил какой-нибудь неприличный анекдот.

– Он есть. Тебе в аренду или купить? Знания мастера Белладино обходятся, – он глубоко нахмурился, – недешево.

Интересно, что он считал дешевым? Любой магический предмет в этой стране стоит дорого. Но между «дорого» для города и «дорого» для деревни лежала целая пропасть.

– В аренду, – ответила она и полезла в сумочку.

Она вытащила почти все свои ампулы с минутами.

– Этого хватит?

В деревне обмен производился по курсу шестьдесят за одну. Один час использования за ампулу с минутой.

Она немного виновато посмотрела на ампулы со временем. Ведь она могла бы передать время маме. Только в этом не было смысла. Это лишь добавило бы ей несколько минут мучений, а Мелани хотелось добыть для нее годы здоровья.

В магазине снова звякнул колокольчик, и Мелани через плечо взглянула на нового посетителя. Вошел молодой человек с темной кожей, на несколько лет старше ее. Он выглядел по-городскому: острые грани, четкие линии.

Ее щеки вспыхнули. Ей было неловко, что ее разговор с лавочником кто-то подслушивал.

Лавочник сердито посмотрел на него, и его раздражение усилилось. Он открыл рот, чтобы что-то сказать молодому человеку, но передумал. Вместо этого он подсчитал минуты Мелани.

– Хватит. На полтора дня.

Ее сердце упало.

– Я надеялась хотя бы на три. Целитель в нашем поселке сказал, что мне надо побыть в маске три дня.

– Тогда приезжай, когда накопишь полную стоимость.

Он нетерпеливо постучал пальцами по прилавку.

– Пожалуйста, – ее голос дрогнул, и она с трудом сглотнула. – У меня больше нет времени собирать время.

Она вынула оставшиеся ампулы из сумочки. Эти последние минуты предназначались для оплаты за гостиницу, но маска была важнее. Если придется, Мелани и ее мать проведут несколько ночей на улице.

– Все равно мало, – холодно ответил он.

Она почувствовала, как что-то коснулось ее руки, и увидела, как темнокожая рука положила целую кучу ампул со временем на прилавок рядом с ее рукой.

– Этого должно хватить, – сказал молодой человек.

Глубокие черные глаза на мгновение задержались на Мелани. Она открыла рот, но не знала, что сказать.

– Я же просил вас больше не приходить сюда, – сказал клерк. – Вы пугаете моих клиентов.

– Я никого не пугаю, – с негодованием ответил он, в возмущении приподняв брови. – Ей я помогаю заплатить. Тебе даю деньги. Ты дашь ей маску?

– А есть ли у нее надлежащие документы? – спросил лавочник, говоря в пространство, мимо Мелани. – Получила ли она разрешение регулятора, чтобы носить ее? Здорова ли она телом и умом?

Мелани снова полезла в сумку. В участке регуляторов, куда она пришла за разрешением, было холодно. Ходили туда-сюда внушительные фигуры – все в черном, с лицами, спрятанными под высокими шлемами. Регулятор, который изучил ее запрос и подписал бумаги, ничего не говорил, просто задавал вопросы по форме. Она старалась не смотреть в темно-вишневое стекло его лицевого щитка.

– Да-да, сейчас…

Она развернула листы бумаги в качестве подтверждения, что ей выдали разрешение на ношение маски нулевой величины пятого уровня важности и что она прошла проверку психического и физического состояния.

Она не знала, что именно означают термины «нулевая величина» и «пятый уровень», и ей было стыдно спрашивать, лишний раз показывая свою бедность, неприкаянность и необразованность. Она знала только то, что магической маской легко пользоваться и что это описание относится к маске мастера Белладино.

Не говоря ни слова, лавочник вышел из-за прилавка и направился к дальней стене. Очень осторожно он снял с крючка одну из деревянных масок с рельефным изображением животного. Это была древесная лягушка, карабкающаяся по виноградной лозе, оглядывающаяся через плечо. Вокруг вырезаны листья, ветки и пара маленьких экзотических птиц. В глазах лягушки были отверстия для того, кто наденет маску.

– Маска мастера Белладино, – сказал лавочник, протягивая ей маску. – Оплачено за неделю.

– Такая легкая, – сказала она, бережно касаясь маски.

В деревне людям приходилось вырезать посмертные маски из кедра или сосны, а не из бальсы[5], привезенной из Асгар-Скана. Никто из ее знакомых не мог позволить себе разрисовать маску, не говоря уж о том, чтобы зарядить ее магией. Прижав маску к груди, она повернулась к молодому человеку.

– Спасибо, – сказала она, – я верну вам долг. Я найду время или могу сразу отработать минуты. Может, я и выгляжу слабой, но могу весь день пахать поле или убирать дом, или…

– Мы что-нибудь придумаем, – лицо его было приветливым, но выражение суровым. – Где вы остановились?

– В гостинице для бедных, на…

Обрадовавшись удаче, она забыла, что ей больше нечем платить за гостиницу. Ее взгляд упал на ампулы. Он прочитал ее мысли.

– Этот вопрос мы тоже решим. Я работаю в гостинице «Крик Сайд» и могу предоставить вам комнату, если захотите.

– Это было бы замечательно. Большое спасибо, месье…

– Лейвуд.

– Мелани Дюпон. Я заберу маму, и мы сразу приедем. Я не могу… я имею в виду… – она была так счастлива, что не смогла найти подходящие слова. – Просто я не думала… – она переминалась с ноги на ногу, желая уйти как можно быстрее.

– Идите. Увидимся вечером.

Голова у нее закружилась от волнения и благодарности, и она убежала прочь. Не успела она открыть дверь и еще раз услышать звук колокольчика, как месье Лейвуд схватил ее за плечо.

– Будьте осторожны, – мрачно сказал он. – Не теряйте бдительность.

Она рассеянно кивнула, уже держа руку на двери. Уходя, Мелани краем уха услышала начало разговора между Лейвудом и лавочником. Она остановилась у двери, чтобы прислушаться.

– Вы не объяснили ей, – сказал Лейвуд.

– Это маска целителя, *нулевой величины*, – сказал он с пренебрежительной усмешкой.

– Не получится, как со мной?

– Все будет в порядке.

Разговор закончился, и она поспешила дальше. Мелани была слишком счастлива, чтобы гадать, что они имели в виду.

* * *

Обратный путь к убогой гостинице был долгим, но Мелани не роптала. Она шла, крепко прижимая к груди средство спасения матери и по пути любуясь скульптурами из декоративного цветного стекла и железа. Город внушал Мелани страх, но был по-своему красив. Вокруг возвышались пятиэтажные строения с широкими разноцветными окнами. В городе не было никаких излишеств. Все было построено с учетом формы и предназначения. Иногда предпочтение отдавали первому, не обращая особого внимания на второе.

Большинство улиц в Лутадоре были устроены так, чтобы тем или иным образом взывать к пяти божествам с помощью узоров из пяти точек и пяти сторон, из-за чего многие улицы пересекались под странными углами. Здания в конце кварталов часто имели острые углы, в

[5] Бальса (бальза) – самое легкое в мире дерево, легче пробкового.

которых находились необычные комнаты. В деревне никто не строит такие странные дома. В деревне ценится практичность, а не символизм, особенно если денег у тебя гораздо меньше, чем здравого смысла.

Но, возможно, это несправедливая оценка. Дело не в том, что Мелани питала неприязнь к горожанам, она просто лучше понимала сельских жителей. В деревне она чувствовала себя как в уютном и удобном доме, там жила ее семья, там все было по-простому. А город казался ей холодным, чужим и многоликим.

Она была так рада, что наконец – *наконец-то* – нашла способ помочь своей матери, что подумала о том, что надо зайти в котерию[6]. Она очень давно не посещала службы. Не из-за недостатка веры, а из-за недостатка средств. До ближайшей к ее дому котерии пришлось бы ехать целый час. Но она боялась оставить мать одну так надолго. А вдвоем с Дон-Лин ехать слишком тяжело. Мелани привезла ее в Лутадор, потому что это была их последняя надежда. Целитель в их деревушке сказала, что жить Дон-Лин осталось не больше месяца.

И у Мелани не было причин сомневаться в этом мрачном прогнозе. Вся семья ее матери умерла от той же тяжелой болезни задолго до рождения Мелани. Требовались решительные меры, и Мелани не хотела сдаваться. Теперь, когда мать практически спасена, она решила, что будет правильно поблагодарить богов лично. В городе было полно котерий. Она купила карту и увидела, что они расположены в местах силы – на холмах или в центре пентаграмм пересечения дорог. По дороге в гостиницу котерий не стояло, но она заметила храм в переулке, когда шла в квартал магии.

Еще бы вспомнить, где…

Она обнаружила, что храм спрятался между какой-то юридической конторой и закусочной, в окне которой висели глазированные утки, а вдали отбивала время часовая башня. Это скорее был подъездной туннель, а не переулок. Но за зданиями он расширялся, образуя общий открытый двор. Полуденное солнце освещало верхушки высоких зданий, посылая яркий луч света прямо на алтарь.

Мелани медленно подошла, не желая беспокоить тех, кто мог молиться внутри. Но внутренний двор храма был пуст.

Там находился белый алтарь из мыльного камня высотой примерно до плеч, с отшлифованными углублениями для небольших статуй божеств. Хотя все божества более или менее похожи на людей, но у каждого имеются и не присущие людям особенности. Близнецы – женщина-Время и мужчина-Природа – обладали тремя комплектами распростертых крыльев. Бесполое божество Знаний опустилось на колени, скрестив руки под подбородком, пустая безглазая маска с острым носом плотно прижата к лицу, тело – в согбенной позе, как у старого человека. Левая рука интерсексуала-хранителя Эмоций лежала на сердце, а правая прикрывала рот, еще один комплект рук обвивал тело божества, похожего на вспышку солнечного света – слишком яркого, чтобы смотреть на него. Последнее углубление по традиции оставили пустым. Там должно стоять Непознанное – таинственное во всех отношениях божество.

В одном из углов алтаря висел венок из веток каштана, а голова божества Природы была посыпана серебристыми хлопьями. В остальном помост был чист и девственен.

Над ним развевалось на ветру белье на веревках. Она посмотрела наверх и не заметила железную подножку, выступающую у основания алтаря. Когда ее ботинок зацепился за нее, она вздрогнула и чуть не упала.

– Да что ж такое…

---

[6] Котерия (*устар.*) – тесный союз или сообщество лиц со своими особыми частными интересами. В данном контексте используется для обозначения места, где люди молятся и совершают религиозные обряды.

Железная подножка вдавилась под ее ногой, сжимая пружину. Она услышала несколько щелчков и звук, как будто падают металлические шарики, но не могла понять, откуда он идет. Вдруг железное ведро, подвешенное сверху на проволоке, наклонилось.

Мелани быстро отпрыгнула, опасаясь, что на нее прольется вода, помои или что похуже. Но вниз полетели крошечные розовые лепестки, осыпая алтарь.

Она поймала один на ладонь, несколько других приземлились на шляпу, а некоторые застряли в кудрях. Лепестки были не настоящие, а шелковые.

Она улыбнулась этому представлению

– Да уж… Такое увидишь только в городе.

* * *

Нацарапав благодарственное воззвание на молитвенном свитке, Мелани вернулась в гостиницу. Она прошла через темный вонючий коридор и вошла в обшарпанную комнату с заколоченными окнами и провисшим матрасом. Даже эта ужасная комнатушка была для них дорогой, несмотря на изрытые крысиными норами стены, странные запахи и гнусные звуки, разносившиеся по коридорам в любое время суток. Даже *эта* дыра была дорогущей. Поэтому Мелани не могла понять, как вообще можно позволить себе жить в городе.

– Мама. Мама, посмотри, – взволнованно сказала Мелани, присев рядом с кроватью без матраса и белья. Она развернула бледное лицо матери к маске. – Посмотри, какая красота.

– Ммм, – согласилась Дон-Лин, с трудом приоткрыв запавшие глаза, чтобы взглянуть на маску. Ее волосы рассыпались веером по грязной подушке, обрамляя костлявый профиль черным ореолом.

Мелани захотелось сразу же надеть маску, чтобы как можно скорее изучить способы исцеления, разработанные мастером Белладино.

Но она заставила себя подождать, пока они не переедут в «Крик Сайд». Само название подсказывало, что там точно будет лучше, чем здесь, где ей приходилось приставлять шаткий стул к двери, чтобы никто не забрался к ним в комнату с дурными намерениями, пока они спят.

При помощи доски, которую они принесли с собой, Мелани приподняла мать с постели и частично поставила ее на ноги. Затем пристегнула ее ремнями к доске с одной стороны. С другой стороны сделала из ремней петли и надела доску себе на плечи, как рюкзак. Дон-Лин уже несколько месяцев не могла самостоятельно сидеть. А ходить она не могла уже много лет. Мать вяло обняла ее сзади.

– Девочка моя. Моя хорошая девочка, – выдохнула она.

Мелани медленно подняла мать, стараясь распределить вес по всей спине.

– Сегодня ты кажешься легче, – обеспокоенно сказала она.

– И хорошо – тебе полегче идти, – сказала мать. – Надеюсь, скоро тебе вообще не придется обо мне беспокоиться. И ты сможешь жить своей жизнью, как и положено молодой женщине.

Да, подумала Мелани, но не по той причине, о которой ты думаешь.

– Конечно, ведь скоро тебе станет лучше, – сказала она.

Мать вздохнула.

– Да, конечно, обязательно станет.

Мелани ждала, что мать спросит ее о чем-нибудь еще, например, почему они переезжают или легко ли было достать маску. Но болезнь совсем обессилила ее и затуманила мозг.

Если Дон-Лин и заметила, как ужасно у них обстоят дела с точки зрения финансов, то предпочитала молчать. А Мелани не хотелось лишний раз расстраивать ее. Дом их совсем обеднел. Медленно исчезала хорошая мебель – ее продавали, чтобы купить лекарства или специальную еду. Крыша местами провисла, а дыры в ней грязной соломой заделывала Мелани.

Когда-то их дом украшало великолепное витражное окно, от которого теперь остался только осколок.

Маска мастера Белладино была их последней попыткой вылечить мать. Если и она провалится, времени не останется совсем – ни в сумочке Мелани, ни в теле Дон-Лин.

Если Мелани не сможет спасти мать, то в итоге останется ни с чем. Тяжело вздохнув, она собрала скудные пожитки и побрела прочь из комнаты и из гостиницы.

Глава 4
Крона

Мама… ты бы видела, как она смотрит на меня, когда тебя нет поблизости. Она знает, что я могла бы это остановить, но не остановила. Это все из-за того дня на горе. Помнишь? Нет, наверное, не помнишь. Для тебя это был просто день – один из многих, когда мы играли вдали от дома. Но для меня… это был день, который отразился на всей моей последующей жизни.

Допрос, который устроили мартинеты, все тянулся и тянулся, и казалось ему не будет конца. Крона все время напоминала себе, что это их работа, что у них, как и у нее, есть обязанности, которые они должны выполнять. Тем не менее, выпустили ее только в четыре утра, и все ее тело изнывало от напряжения, а сила тяжести тянула его вниз сильнее, чем обычно.

И все же ее рабочий день еще не закончился. Если повезет, они с Треем прибудут к Айендарам к шести.

Трей Амадор сидел у себя за столом и заполнял отчет об инциденте вместе с одним из администраторов-ассистентов. Выражение его лица было таким, будто он сейчас взорвется – он напомнил Кроне сторожевую собаку, которая тихо рычит, ощерив зубы, и готова броситься на противника. Его напряжение, похоже, напугало девушку-администратора: если бы на ее месте была новенькая, она бы уже в слезах выбежала из комнаты.

– Да, – говорил он таким голосом, словно жернова мололи муку. – Все наши люди были на своих позициях, я уже говорил. – Он указал на несколько точек на наспех нарисованной карте места происшествия. – Ночной дозор должен был быть готов к работе с ртутью – они даже поставили часовых на каждом КПП. Они утверждали, что даже наняли дополнительных стражей, но их было непростительно мало.

Понятно, что он на грани. Он чувствовал, что провал Ночного дозора – это и его провал.

– Капитан направит кого-нибудь побеседовать с начальником Дозора, – сказала Крона, подходя к письменному столу и напустив на себя вид, наиболее подобающий регулятору. – Мы с тобой идем к Главному магистрату.

Он потер большим пальцем свой вздернутый нос. Его черные волосы и черные, глубоко посаженные глаза оттеняли светлые волосы – такое сочетание чаще всего встречается у людей из Марракева, города-государства, скованного льдами. Члены его большой разветвленной семьи до сих пор жили в самых северных регионах. Предки Кроны прибыли с противоположного конца Аркензира – из города-государства Ксиопар.

– Я бы лучше…

– Приказ капитана, – произнесла она, извиняясь.

Он мрачно кивнул, и она сочувственно положила руку ему на плечо. Он сначала дернулся, но потом накрыл ее руку своей. Они попали в это дерьмо вместе, и не стоит злиться друг на друга.

Как только он поднялся, чтобы пойти с Кроной в галерею масок, администратор вздохнула с облегчением.

Трей шагал твердой походкой, опережая Крону на полшага, хотя был на целую голову ниже ее. По сравнению с большинством мужчин он был невысокого роста, но демонстрировал такую свирепую приверженность букве закона, что мог вполне превзойти по силам кого-то вдвое крупнее себя.

Он остановился у ее стола, чтобы прихватить мешочек с мелом. Маски бывают разных размеров и форм, и ей приходилось пудрить нос и уши, чтобы не натереть кожу до волдырей.

У каждого регулятора было свое место – письменный стол, где они могли изучать доказательства и дела и составлять отчеты. Столы стояли вдоль стен просторного основного этажа участка. Подойдя к своему столу, Крона убрала черно-белые фотографии и конспекты по делу, над которым работала ранее. Оно было интересным, но не требовало особой спешки. Она размышляла над ним уже несколько месяцев.

Хозяин лавки принес маску мастера Белладино, которая загадочным образом перестала функционировать – утратила магию.

Крона на мгновение взглянула на рисунок «метки чародея», который должен стоять на маске, но на том предмете, который был у них на хранении, он отсутствовал. У каждого мага-чародея был собственный сигил[7] или знак, который самопроизвольно появлялся на предмете после того, как работа над ним завершалась – символ возникал сам собой естественным образом. Каждая метка была уникальной – двух одинаковых просто не существовало. Поэтому отсутствие сигила чародея на возвращенной, абсолютно целой маске означало только одно – это была не маска мастера Белладино, а ее точная копия, подделка.

Скорее всего маску подменили, когда брали напрокат, и вместо настоящей маски вернули ее копию. Она проверила всех, кого хозяин магической лавки перечислил в списке арендаторов маски. Всех, кроме двоих. Один скончался, а второго, Шин-Ла ХуРупье, она не смогла найти.

Убрав бумаги в шкаф, она двинулась дальше.

Хранилище разрешенных законом магических масок на участке располагалось в самой глубокой части старого склада. Доступ к нему охранялся несколькими КПП, и проникнуть туда без разрешения было невозможно. Внутри, за тяжелой дверью с железной решеткой, помещение освещали расположенные на высоте газовые фонари, поэтому внутри стоял жутковатый полумрак. Каждую маску, расположенную в специальной нише, освещал светильник направленного света.

Коллекция была скромной, но артефакты обладали определенной силой. Хотя в нишах покоилось лишь тридцать штук, места хватило бы и на сотню. Некоторые регуляторы тратили часть своей скромной зарплаты на собственные маски для личного пользования, но Крона полагалась на государственный запас. Она еще не нашла на рынке такую маску, которая могла бы сравниться с государственной по эффективности.

Она осмотрела все их по очереди. Маска Хатри представляла собой клубок змей, выкрашенных в золотой, серебряный и зеленый цвета и украшенных обычными осколками рубина – без магии. Сложность шестой величины, важность восьмого уровня. Маска Сантьяго была вырезана из красного дерева со специальной пропиткой, без окрашивания, чтобы сохранить естественный оттенок дерева. Элегантные волны и изгибы придавали маске абстрактное впечатление движения, как будто движется воздух или вода. Сложность третьей величины, важность седьмого уровня. А полумаска Мотомори закрывала только нос и рот и была вырезана в форме пасти демона с острыми клыками и сморщенным носом и окрашена в нейтральные цвета, которые никак не смягчали ее свирепый вид. Ее сложность была максимально приближена к десятке из всех, что Крона когда-либо видела – девять целых восемь десятых, и десятого уровня важности. Это была самая сложная и самая ценная маска в коллекции. Она часто проверяла ее и даже иногда надевала, хотя никто другой не осмеливался. Но ее магия сказалась даже на ней. Маска обладала силой убеждения – воздействовала глубоким гипнозом. Крона проработала регулятором всего три года, но примерила все тридцать масок. Рекорд. Некоторые регуляторы, даже самые опытные, не осмеливались прикасаться к маскам без крайней необходимости. Сила масок была могущественна, но столь же могущественно было эхо, обитающее в масках. Расплата за использование силы – страдания, наступавшие после напряженной борьбы с эхом.

---

[7] Сигил или сигилла – символ, обладающий магической силой.

– Ты что-нибудь планируешь предпринять в отношении резиденции Айендаров? – спросила она Трея.

– Думаю, ничего, – ответил он. – Если я сейчас напрягусь сверх второй величины, то, скорее всего, выйду на несколько дней из строя. Так что оставляю эту задачу тебе. Какую хочешь взять?

– Леру.

– Ну, конечно.

Он стоял, перекатываясь с носка на пятку, явно волнуясь, что увидит Крону в действии. Леру была настоящей воительницей. Возможности, предоставляемые ее маской, были одними из самых полезных в коллекции, но немногие могли контролировать ее эхо достаточно долго, чтобы от ношения маски появилась польза. Восьмая величина, девятый уровень.

Она вынула маску из ниши, погладив искусно вырезанные края. Древесина грецкого ореха вздымалась тяжелыми линиями, образуя голову разъяренного кабана, готового к нападению. Широкие белые бивни, сморщенная красная морда. Глазницы вырезаны таким образом, что казалось, будто кабан смотрит сквозь бровь, когда человек в маске смотрел прямо перед собой.

При жизни Флоренс Леру была лучшим специалистом по определению лжи в Лутадоре. Она могла заметить малейшее неуместное моргание или подергивание рта. Она знала, что означает каждый взмах руки и каждый кивок головы. Среднестатистический высококвалифицированный регулятор мог не заметить внезапного изменения интонации опрашиваемого. Но только не Флоренс Леру.

К счастью, в завещании она разрешила сделать свою посмертную маску и зарядить ее магией. Кроме того, она отдала ее государству бесплатно.

Каждый житель Лутадора, начиная от самого бедного бродяги до богатейшего аристократа, должен был лежать в посмертной маске, когда над ним совершали обряд завершения земного пути в традициях божества-покровителя города-государства – Времени. Но, когда дело касалось сложности резьбы, качества дерева, окрашивания и самой дорогой услуги – наделения маски магической силой, значение имели только деньги.

Крона спрятала лицо в мягкой бархатной подкладке маски Леру. Трей завязал ленточки, прижав ее густые кудри, заплетенные в сотни маленьких косичек, крошечные хвостики которых закручивались сами по себе.

Вместе они подождали, пока знания осядут.

Все регуляторы проходили специальный курс обучения работе с масками. Это было не так просто, как думала общественность – можно даже сказать *трудно*.

Поток информации хлынул из маски в разум Кроны, кружась в ее голове, как стая вечерних скворцов. Она задышала глубже, чтобы каждая крупица знаний осела на нужное место в нужное время. Здесь поместилась информация о *мимике лица*, там угнездились данные *вокальной мимикрии. Поза, взгляды и усиленное надувание губ* – все нашло свое место, прежде чем проявилось эхо Леру.

Большинство эх были сговорчивы, как и большинство людей (хотят они того или не хотят). Нулевые величины, единичные величины. Публике разрешалось примерять маски только до третьей величины. Но иногда эхо, возникавшее как отголосок законного владельца маски, начинало бороться с носителем маски за контроль, и тогда маске присваивали более высокий рейтинг.

Леру была женщиной сильной воли, и ее эхо-отголосок было таким же. Эта маленькая все еще продолжающая жить частичка личности Леру выдвинулась на передний план сознания Кроны. Заставила ее вспомнить те места, в которых она никогда не бывала, и людей, которых она никогда не встречала, и философские взгляды, которых она никогда не придерживалась.

Ее брат – нет, брат Леру – впервые играет на цитре на концерте.

Маленькая хижина у пруда, запах ржавых гвоздей и старой древесины.

И чувство, что все люди, в конечном итоге, лгут, даже если думают, что говорят правду.

Эхо хотело управлять телом Кроны, привести ее к старому столу Леру и заставить засесть за работу над старыми делами Леру. Ему хотелось притвориться живым.

Но Крона знала, как его подавить. Как утихомирить сгустки чувств и подчинить неприветливое «чувство собственного я» владельца маски.

Эха – это не совсем частицы ушедших людей. Они не люди и даже не наделены чувствами. Это просто оттиски, резонирующие сквозь заряженное магией дерево. Просто отзвуки, рикошетом отскакивающие от хозяина в поисках разума, чтобы заполнить его и обосноваться в нем.

Эхо Леру ослабло, как только осознало, что находится в мозге регулятора. Крона заставила его поверить, что оно сделало свою работу, что теперь оно одно целое с новым телом – все это она проделывала, тщательно запирая его в глубине своего разума. В безопасности и вне видимости.

Именно это умение и считалось особым умением Кроны. Конечно, она не была звездой, стреляя из пятизарядника, но зато она могла лучше всех контролировать эхо. Даже те, кто отслужил не один десяток лет в участке, не могли подавить отголоски так быстро и полно, как она.

– В порядке? – спросил Трей.

– В полном, – ответила она с улыбкой, хотя знала, что он не видит выражение ее лица под маской.

– Как тебе удается так быстро приручить их?

Она не могла объяснить свой навык словами и даже не была уверена, что этому можно научить.

– Возможно, именно это умение я и сохраню в собственной посмертной маске, когда придет время.

– Хорошо, храни тайну дальше, – добродушно согласился он. – Ну что, вперед – отыскивать наши магические артефакты?

Она кивнула, и голова кабана надавила ей на щеки. Пора исправить ошибку, оправдать своего капитана, чтобы сестра могла гордиться ею.

Глава 5
Мелани

Два года назад

– Вам удобно, мадам Дюпон? – обратился мсье Лейвуд, но не к Мелани, а к ее матери.

С ее матерью давно уже никто не разговаривал напрямую. Окружающие всегда вели себя так, будто она глухая или будто ее вообще нет.

– Замечательно, – прошептала Дон-Лин Дюпон, укутываясь в одеяло. – Такая прекрасная комната.

Столы и шкаф сделаны из полированного красного дерева. Перину покрывали тонкие простыни – такие белоснежные, что Мелани подумала, что навряд ли кто спал на них раньше. Номер был шикарным.

Мсье Лейвуд кивнул и отошел от кровати.

– Для нее? – спросил он Мелани, кивая на маску, которая стояла на подоконнике, прислоненная к стеклу.

Он не стал высказываться по поводу сильного марракевского акцента Дон-Лин, как обычно делали незнакомцы, и не спросил Мелани, из какого города-государства был родом ее отец. Он не спросил, каким образом достались ей каштановые кудри и янтарные глаза – так непохожие на глаза ее матери. И вообще вел себя очень естественно, чтобы они не чувствовали себя бедными родственниками среди этой роскоши.

– Да. У нее мышечная болезнь, из-за которой постепенно она теряет возможность двигаться. Даже сердце не сможет биться в конце, – она опустилась на стул и посмотрела в окно на оживленную послеполуденную улицу внизу. – Я обращалась ко многим целителям – каких только могла найти. И все мне говорили: «Тебе нужен Август Белладино». Когда я узнала, что он мертв, я была уверена, что после него должна остаться маска – настоящая, магическая. Опытный мастер не позволил бы своим знаниям исчезнуть после смерти.

– Некоторые эксперты не могут позволить себе зарядить маски магией, – сказал он, – а некоторые предпочли бы заработать время и прожить его.

– Да. Но, к счастью, мастер Белладино смог… и сделал.

Он сел рядом с ней на почтительном расстоянии.

– Вы же владелец гостиницы, да? – внезапно спросила она.

– Да, – ответил он.

Некоторое время они молчали. Постепенно дыхание Дон-Лин выровнялось. Мелани была уверена, что она уснула.

– Хотите спуститься в гостиную? – спросил мистер Лейвуд. – Пока ваша мама отдыхает?

Она кивнула и последовала за ним по лестнице.

* * *

Они сидели за небольшим столом, склонившись над полными кружками пива, из которых они не сделали ни глотка. Гостиная располагалась в длинном узком холле между парадным входом в гостиницу и сигарным баром. С одной стороны, в стене была ниша, в которой расположилась деревянная барная стойка. Было видно, что за ней хорошо следили – дерево натерто воском, и на нем нет ни единой царапины. С другой стороны, у окон, выстроились в ряд столики на двоих. Там сидел единственный посетитель – мужчина в аккуратном жилете и куртке, без нижней рубахи. Он читал газету и без конца хмурил брови.

– Когда я вышла из магазина, вы были чем-то встревожены, – сказала Мелани, слегка постукивая ногтями по кружке.

От запаха пива в носу слегка покалывало.

Лейвуд язвительно рассмеялся над ее бесхитростным замечанием.

– Однажды я тоже решил использовать маску, и у меня остались плохие воспоминания, – он кивнул в сторону бара. – Вон она – на стене. Хочешь взглянуть?

Она не была уверена, что хочет, но он встал, и она пошла за ним. Стены гостиницы были увешаны масками, но та, на которую он указал, отличалась от остальных. Маска изображала ворону с длинным черным клювом и блестящими металлическими перьями. И была рассечена пополам.

Она охнула, когда увидела это. Осквернение маски считалось кощунством. Разрушить магию означало уничтожить дар богов – дар Знания. *Как такое могло произойти?* Ей очень хотелось спросить, но она не решилась, опасаясь обидеть месье Лейвуда.

– Мой отец, – сказал он. – У нас были… *нездоровые* отношения. Когда он умер, я подумал, что смогу лучше его понять, если куплю его маску и ненадолго надену ее. Но это оказалось плохой идеей.

Скручивая складку на юбке, она ждала, пока он объяснит. Вид у него был такой, что он не то чтобы хочет – скорее ему *придется* объяснять.

– Мой отец был плохим человеком. И пока я был в его маске, даже недолго, я тоже становился плохим. Честно говоря, я мало что помню из происходившего, но к счастью никто не пострадал. Как только я снимал маску, я становился самим собой, и воспоминания о его сознании испарялись.

Хотя он говорил легким, небрежным тоном, но Мелани – сквозь швы его благородных покровов – видела, что ему нелегко. Он пытался дистанцироваться от того, что произошло. Она поняла, но не почувствовала всю глубину травмы, которую несло такое прошлое.

Этот добрый человек подвергся насилию, носил маску своего насильника и изо всех сил старался не переложить тяжесть своих переживаний на незнакомку.

Он продолжал улыбаться и оставался открытым. Только глаза были очень грустными.

– Поэтому я слоняюсь у этой лавки, – продолжил он. – Пытаюсь предупредить людей. О том, что передаются не только знания, но и личность. А, может, и еще что-то… – Он зажал рот рукой, будто его затошнило. – Просто будь осторожна. Хотя ношение любой маски вызывает напряжение. Предполагается, что с маской нулевой величины работать просто. Эхо человека внутри останется скрытым, тихим. Но. *Но*. Оставайся собой и будь сильной – даже если ты не чувствуешь, что что-то пытается вторгнуться в твой разум, все равно держи оборону. Маска моего отца была третьей величины сложности, и, хотя другие могли сдерживать его эхо, я не смог. Не знаю… Думаю, что величина сложности учитывает далеко не все. Я мало что знаю о мастере Белладино, но говорят, что он был гением. А у гениев иногда бывает забавный взгляд на мир, хорошо это или плохо.

Мелани похлопала его по руке.

– Спасибо. За то, что предупредили. И спасибо за все. Мне лучше вернуться. Мама проснется и захочет есть.

– Конечно. Если вам что-то понадобится, моя комната наверху у лестницы.

* * *

Село солнце, и уснула мать. И только тогда Мелани решила, что пора. Она зажгла свечу, достала чернильницу, ручку и свиток пергамента.

С легкой дрожью в животе она перевернула маску и положила ее на стол резной стороной вниз. Мягкая обивка и шелковая подкладка внутри притягивали к себе – зазывали. Она

медленно надела маску на лицо, подождала, чтобы привыкнуть к ней. Затем завязала черные ленты под волосами и стала ждать, когда в нее проникнет магия.

В руке она держала перо, но не сразу поняла, что происходит. На нее хлынул океан информации – слова, методики, составы. Казалось, этот поток благополучно миновал ее мозг и теперь лился прямо на бумагу. Она видела, как появляются на бумаге слова, много слов – сами по себе, снова и снова. Вскоре у нее появилась целая рукопись гигантских бесполезных чернильных пятен.

Левой рукой она схватила себя за запястье правой, оторвала перо от бумаги и несколько раз глубоко вдохнула, чтобы успокоиться. Ее сердце билось так, будто за ней гнались, а пальцы на руках и ногах дрожали от едва сдерживаемой энергии. Все, что жило в маске, пыталось вырваться из нее – информации оказалось слишком много. Ей нужно было понять, как справиться с этим потоком.

Именно об этом пытался предупредить ее мсье Лейвуд – о вторжении, волной несущимся сквозь нее так, что она не могла его контролировать. Ей нужно быть сильной, чтобы устоять на ногах.

По одному слову за раз, сказала она себе. *Сконцентрируйся. Сосредоточься на мышечной болезни. Что нужно сделать?*

Ее правая рука снова попыталась уйти в галоп, но она взнуздала ее и продолжила работу, выпуская на бумагу только по слову за раз. В ее голове включились фильтры для информации, и она теперь улавливала обрывки нужных ей мыслей, части составов. Среди прочего выпрыгнул список ингредиентов, и она терпеливо записала его.

Почему местный целитель сказал ей, что на это потребуется несколько дней? Вся информация уже была у нее – здесь и сейчас. Потребовалось всего несколько секунд, чтобы маска выдала ее.

Но чтобы разобраться в этом процессе, требуется больше времени.

Да, я помню. Она вспомнила все, что требовалось для избавления от недуга. Впервые она осознала, что медицина и приготовление зелий – сплошная математика. Уравнение, с одной стороны которого болезнь, с другой – лечение. И эти стороны должны нейтрализовать друг друга. Результат решения всегда должен быть равен нулю.

Чтобы нейтрализовать мышечную болезнь…

Она делала пометки рядом с каждым ингредиентом. Работа шла медленно, нужно было записать и сделать расчеты. Символы пытались выскочить из-под пера с ужасающей скоростью, и если бы она не сдерживала себя, то не смогла бы разобрать ни слова.

Заболевания мышц у всех проявлялись по-разному, поэтому и состав лекарства для каждого человека был индивидуален. Ей пришлось вспомнить все подробности болезни ее матери – какие смогла. Извлечь воспоминания оказалось непросто – мастер Белладино давил на ее сознание, не желая делить его с ней.

Мелани проработала всю ночь и все утро, прервавшись только раз, когда мать попросила еды. Она пошла на кухню, чтобы заказать еду, воду и хлеб на весь день. Мальчик, записавший ее просьбу, ловко проигнорировал маску.

Это был единственный раз, когда она вышла из комнаты. Один раз зашел Лейвуд, чтобы убедиться, что с ней все в порядке. Не вставая со стула, она махнула ему рукой, чтобы не мешал, заверив, что у них все прекрасно.

Когда она закончила, снова наступила ночь. Теперь ей нужно в аптеку. В окне мерцали звезды, и все лампы в холле были погашены. Гостиница приготовилась ко сну.

Но ей хотелось как можно скорее начать смешивать лекарства. Ее мать так долго болела. Приняв решение, она решила зайти к мсье Лейвуду и попросить, чтобы он проводил ее до аптеки.

Протянув руку, она развязала ленты, и маска соскользнула с лица. Не желая терять время понапрасну, она взяла плащ, список с пометками и поспешила к двери.

На полпути к его комнате она вдруг остановилась и посмотрела на список. Названия, перечисленные в списке, были ей знакомы, но пометки показались совершенно бессмысленными. Будто их записывал кто-то другой, причем шифром. Что это все значило? Неужели она просто вообразила, что знает, как вылечить мать? Нет, у нее точно была информация, но теперь она вылилась из нее, как вода сквозь сито. Еще через мгновение даже некоторые ингредиенты стали ей незнакомы. Ей нужна маска. Без нее она не сможет сделать ничего.

Глава 6
Крона

Семья – забавная штука, правда? Прекрасная и ужасная. Одни угождают в нее как в ловушку, другие обретают свободу. Значит, гора, да. Помнишь, что мы называли «горой»? Тот холм за Котерией Пятерых, когда мы жили в загородном доме. Когда папа был еще… Холм казался нам таким огромным – целая гора со скалами и голыми камнями. Однажды, когда мы были еще совсем маленькими, мы нашли между двумя камнями пещеру – на самом деле трещину. А внутри… то, что обнаружилось внутри, изменило меня целиком и полностью. Ты и не вспомнишь, но я никогда не забуду.

Сначала Крона и Трей хотели ехать в замок верхом на лошадях, но потом передумали. Они знали, что у них есть основание для ареста в доме Айендаров, и эта мысль беспокоила их. Поэтому они решили воспользоваться каретой.

По дороге они размышляли о мотивах грабителей.

– Мне кажется, это ограбление с целью продажи, – сказал Трей.

Он попытался принять непринужденную позу, но карету на кривых колесах так трясло на неровной булыжной мостовой, что он с трудом удерживал равновесие.

– На продаже одного только камня можно столько заработать, что несколько бездомных побирушек могут с комфортом уйти на покой.

Нет, подумала Крона, *не думаю, что камень всплывет на черном рынке*.

– Кто рискнет купить такую легко узнаваемую вещь? Это же не обычные камни, которые можно извлечь из оправы, обработать по-новому и сбыть. И при этом, даже если бы речь шла просто об ампулах со временем, почему воры не взяли ничего другого? На одних ожерельях можно заработать целое состояние даже без магии.

– Думаю, они не ожидали, что ты разгадаешь их отвлекающий маневр. Ты спугнула их, прежде чем они успели захватить остальное.

Она смотрела на улицу через открытое окно, подперев подбородок кулаком. Им нужно было выехать с территории участка и доехать до города, чтобы попасть на главную дорогу, ведущую на юг. Карета проезжала мимо городских домов. Черепица на многих крышах потрескалась или вообще исчезла. Все дверные проемы укрыты тенью – даже те, что находились рядом с газовыми фонарями. Они были похожи на зияющие, прямоугольные рты, внезапно открывшиеся от удивления. С наступлением темноты многие старались не выходить на улицы. Всегосударственный комендантский час отменили три года назад, но крестьяне все еще боялись столкнуться с безжалостными стражами Ночного дозора.

Вдалеке за крышами над восточным краем Долины собиралась буря. Вспышки пурпурных молний освещали скалистые вершины, пронизывая вездесущие облака. Несмотря на то, что буря находилась в нескольких милях, в воздухе пахло дождем и озоном.

– Эти два предмета, которые они украли… они – особенные, – сказала она. – Они… дополняют друг друга.

Брошь Розетты с камнем отчаяния и маска Шарбона. Она презирала вычурные названия, придуманные газетами, вроде «Маски хаоса», или прозвище, которое они дали самому Шарбону – «Цветочный мясник». Газетчики контролировались государством, но все равно иногда были уж слишком небрежны в выборе слов. Многие даже она бы не одобрила, не говоря уж о Первом и Втором Великих Маркизах.

– Это, скорее, похоже на набег, организованный каким-то кланом. Уж слишком хорошо все было спланировано для обычной банды негодяев.

– Я думаю, что методы Шарбона будут слишком сложны даже для них, – сказал Трей. – Кроме того, указы Второго Великого Маркиза раздавили преступные группировки. Обложили их таким налогом, что им и существовать теперь не на что, раз мы и нам подобные не смогли поймать их с поличным.

– А это означает, что они ищут новые источники дохода, – отметила она.

– Значит, ты *считаешь*, молодой месье Айендар здесь не при чем? Если только ты не обвиняешь его в заго…

– Нет, нет, – быстро сказала она. – Не думаю, что он замешан. Уж слишком вовремя он появился. Только богиня могла организовать такое.

Карета покинула город, миновав темный зимний сад. На открытой дороге, с редкими деревцами, стук копыт лошадей казался громче – и все же этот ритмичный стук грозил убаюкать Крону. Несколько раз она щипнула себя за запястье, стараясь сохранять бдительность. Сельскохозяйственные угодья, принадлежавшие знати, раскинулись защитным зеленым одеялом вокруг границ города. Несмотря на огромные размеры, Лутадор все же был *городом*. Все прочее, находившееся под контролем государства, представляло собой целомудренную сельскую местность, вплоть до ледяной границы с Марракевом на севере, и окруженного джунглями Асгар-Скана на юге.

На востоке и западе лежал край – граница Аркензира. Великой долины, которая окружала все – великой долины, которая и *была* всем. Путь человечества из пустошей в Долину описан в 387 свитках Абсолона. Пять божеств прорезали этот путь специально для них – людей. Чтобы защитить хрупкие создания от великого и ужасного Тало: существа, создавшего этот мир вместе с ужасными жестокими зверями, которые правили им.

За краем Долины с ее пятью городами-государствами не было ничего – только пустошь. Закрайе. Бесплодные земли, населенные варгами и еще более страшными чудовищами. Там никогда не наступала ночь. Поверхность земли была выжжена, воздух ядовит, и зелень там не росла.

Никто не смог бы жить за пределами защищенной колыбели жизни, которой служила долина Аркензир. Ее отец был стражем Пограничного дозора, и в детстве часто рассказывал ей о магическом барьере, окружавшем Долину по краю, сдерживая монстров и Тало. Широкая полоса чистой божественной силы, невидимая до тех пор, пока вы не окажетесь прямо на ней. Тогда сквозь вас начинает пульсировать жар, и чем дальше вы идете, тем плотнее становится воздух, а потом возникает ощущение, что вы идете сквозь паутину. Затем начинает угасать свет, мир темнеет, превращаясь в черный пурпур, который пронизывают вспышки зеленого по мере подъема на вершину. И чем выше вы поднимаетесь, тем больше темнота заливает все вокруг, кроме расплывчатых контуров, не позволяя увидеть выжженную пустынную поверхность. А потом, говорил отец, наступает момент, когда физически дальше идти невозможно, иначе навсегда застрянешь в ловушке столкновений сил и превратишься в статую, заточенную между мирами.

Она не знала, была ли эта последняя часть тщательно охраняемой тайной Пограничного дозора, или же отец придумал это, чтобы напугать ее.

Магические силы на краю Долины наполняли окружающую среду силой божеств. Так и создавалась магия: сначала собирали ветви деревьев и растительные волокна, добывали металлы, драгоценные камни и песок, которые впитали магию богов. Затем придумали технические устройства, которые объединили все это и заставили магию работать.

Иногда ей хотелось увидеть Закрайе самой. Прямо сейчас, издали, оно выглядело прекрасно, даже несмотря на грозовые тучи, собравшиеся у самых высоких пиков. А иногда – когда она серьезно раздумывала о собиравшихся там существах, которые толкались, царапались и пытались сломать барьер, или о том, что только варги могли его преодолеть – она была рада, что у нее нет причин идти туда.

Когда они проезжали мимо большого сада, в повозку проник пряный запах эвкалиптов и отвлек внимание Кроны от Закрайя. Деревья были толстыми, суковатыми, с искривленными ветвями и тонкими листьями. В темноте они выглядели, как некие существа, страдающие от агонии.

Еще через несколько миль они прибыли к замку Главного магистрата. Слабое сияние в небе обещало скорый рассвет. Оба регулятора закрепили свои шлемы перед выходом из повозки.

Камердинер в парадной форме и белоснежных перчатках, с тщательно отутюженными швами проводил их в фойе. У него были очень густые белые брови – Крона такие видела впервые – и чрезвычайно бледный цвет лица. На бедрах вместо ремня был повязан красный шарф – в знак солидарности со скорбящими хозяевами. Крона, которая так и была в маске Леру под шлемом, заметила краткую вспышку неприязни на лице мужчины. Ему не понравилось их вторжение – будто они оторвали его от какого-то занятия, но она не знала, от какого.

– Для начала нам нужно поговорить со всеми, кто присутствовал на юбилее. В частности, с сыном Главного магистрата. Его зовут Фибран, да? – сказала она.

Он слегка поджал губы и лишь потом ответил:

– Еще не все встали. А внучка магистрата…

– Умерла, мы знаем, – сочувственно ответила она.

Раздражение.

– Нет, *еще одна* внучка, она все еще очень больна, но целитель говорит, что она выздоровеет. Мать девочки не оставит ее одну.

– А отец девочки? – спросил Трей.

– Магистрат просил, чтобы его пока не беспокоили. Он в библиотеке. У него небольшой жар, – он сильно нахмурился, явно не желая лгать.

– Нам все равно нужно его увидеть.

– Конечно, – сказал он, радуясь, что может переложить ответственность за вторжение на регуляторов.

Противостоять работодателю легче, чем государству.

Он провел их в гостиную со множеством полок с книгами и мягкими плюшевыми диванами. В воздухе витал сухой запах гвоздики и лаванды и чувствовались нотки пепла. Кто-то недавно жег в комнате ладан – возможно, чтобы скрыть другой запах. Такое сочетание она замечала и раньше – в похоронных бюро.

Ни Трей, ни Крона не сели. Они стояли в полной готовности начать допрос первого опрашиваемого, как только тот переступит порог.

– Магистрат скоро подойдет, – сказал камердинер, прежде чем повернуться и уйти, и чуть не врезался головой во взволнованную девушку с длинными распущенными каштановыми кудрями и изможденным уставшим лицом. Оба отшатнулись друг от друга. На лице девушки возникло удивление, а затем испуг. Крона не могла сказать, кто спровоцировал такую реакцию – они или камердинер.

Она быстро взяла себя в руки, присела в небольшом реверансе перед камердинером, а потом протиснулась мимо, избегая контакта с ним любой ценой. Со своей стороны, пожилой мужчина вовсе не сожалел об этой встрече.

– Осторожно, Занозка.

На лице у женщины мелькнуло недовольство, но она все равно невольно улыбнулась.

Покачав головой, камердинер закрыл за собой дверь, *громко хлопнув*.

– Простите, – сказала женщина, обращаясь к ним и сделав еще один быстрый реверанс. – Я просто заберу свои вещи и больше не побеспокою вас.

Она говорила слишком четко, будто стесняясь своего деревенского акцента. На ней был тяжелый халат целительницы, но она казалась слишком молодой, чтобы полностью овладеть

этим искусством. На ее лбу висела металлическая ферроньерка[8] с крупной зеленой эмалевой подвеской в центре – весьма необычный аксессуар для целителя.

Когда она попыталась вытащить из-за письменного стола небольшой дорожный чемодан, Крона остановила ее легким прикосновением к плечу. Женщина прижала чемоданчик к груди, распластав пальцы по штампу с золотыми буквами, образующими инициалы КЛМ на боку.

Крона улыбнулась, чтобы успокоить женщину; хотя ее лица не было видно, улыбка добавила мягкости голосу.

– Присядьте, пожалуйста. Прошлой ночью на праздновании юбилея произошло нападение и кража – сразу же после прихода Фибрана Айендара. Пожалуйста, ответьте на несколько вопросов о семье и их недавней утрате?

Она попыталась протестовать.

– Я была все… – но передумала. – Конечно. Меня зовут Мелани Дюпон, – сказала она, скованно усаживаясь в наименее удобное кресло в комнате.

– Вы учитесь у семейного целителя? – спросил Трей.

– Да, – ответила она с резкостью человека, которому без конца задают один и тот же вопрос.

– Вы, должно быть, очень талантливы, – сказала Крона.

– Спасибо, – тихо поблагодарила Мелани, твердо глядя в лицевой щиток шлема Кроны.

Крона прищурилась, вглядываясь в каждый миллиметр выражения лица Мелани.

– Вы работали на Айендара раньше, до того, как заболели его внучки? – спросил Трей, скрестив руки на груди, как железные прутья.

Его пальцы слегка постукивали по коже на руке, выстукивая закодированные сигналы на стеклянной пластине под кожей. Пластина стенографа – или ансибла[9] – была связана с набором стеклянных пипеток, заполненных чернилами, так же, как были связаны вкладыши на ушах и капсулы реверберации. Пипетки находились в участке, реагировали на его нажатия точками и тире и выкладывали запись, которую потом расшифровывал администратор.

– Да, – сказала Мелани.

– Но недолго, – продолжил Трей.

– Нет, – ответила она, явно не среагировав на выпад в сторону ее молодости.

– А где вы были вчера вечером?

– Здесь. Ухаживала за Стеллиной.

– Кто-нибудь может это подтвердить?

– Ее мать.

– А где был ваш наставник?

– Мастер ЛеМар всегда уходит домой, чтобы ужинать с семьей. Никогда не делает исключений. Его не будет еще несколько часов.

– Чем болеют девочки? – спросила Крона.

Мелани на мгновение прикрыла глаза.

– Черноводная лихорадка. В наши дни такое встречается очень редко, даже в Асгар-Скане. Мне удалось нейтрализовать инфекцию и избавить обоих близнецов от паразита, но печень Абеллы… Бедняжке было всего девять. Какое это имеет отношение к ограблению?

Крона и Трей переглянулись.

– А девочки были близнецами? – сказала Крона слегка дрожащим голосом. В Лутадоре близнецы считались величайшим благословением. Богиня-покровительница города-государства, Время, тоже была близнецом. И к высшим должностям тоже допускались только благо-

---

[8] Ферроньерка – женское головное украшение с драгоценным камнем, прикрепляемое на ленточке или обруче на лбу.

[9] Ансибл – вымышленное устройство, которое представляет собой аппарат мгновенной связи между объектами, находящимися на расстоянии друг от друга.

родные близнецы. Первый и Второй Великие Маркизы – полновластные правители Лутадора – были близнецами. После смерти нынешней пары маркизов принять участие в избирательной кампании на пост маркиз или маркизов могли только те, кто родился близнецами.

Мелани покраснела, осознав свою ошибку.

– О, я… Пожалуйста, семья не хотела говорить, что они близнецы, пока они не достигнут пятнадцатилетия.

Сокрытие рождения близнецов от общественности было обычным ходом среди высшей знати. Да, близнецы считались благословением, но с политической точки зрения они были знаком.

Это открытие было важным. Но оно еще больше осложнит их сегодняшний опрос обитателей замка. Крона и Трей уже хорошо понимали, насколько осторожно они должны действовать под этой крышей – ведь Главный магистрат одним движением пальца мог уничтожить их карьеру. Он уже не дал стражам Дозора задержать сына. А теперь, если он узнает, что им известен один из его политических секретов…

Но это была не та информация, о которой можно забыть.

Трей взял скамеечку для ног и сел, чтобы оказаться на одном уровне с целительницей.

– Значит, Главный магистрат планировал подготовить их к должности? Чтобы они попытались побороться за звание следующей пары Великих маркиз?

– Возможно… я не знаю, – сказала Мелани. – Нам нужно было знать их настоящий возраст, чтобы определиться с необходимым лечением, и это единственная причина, по которой семья – ну, мадам Айендар – раскрыла информацию мастеру ЛеМару.

Мелани поерзала на стуле, понимая, что могла непреднамеренно раскрыть политическую интригу.

Маска Леру покалывала лицо Кроны. Что-то было не так с ответами этой девушки. В ее поведении сквозило скрытое раздражение. Нежелание общаться, которое казалось не имело отношения к близнецам.

– Главный магистрат знает, что их мать рассказала вашему мастеру семейную тайну?

Мелани уткнулась взглядом в колени.

– Я не знаю.

И тут в гостиную вошел сам Главный магистрат, будто у него горели уши, будто он чувствовал, что речь идет о нем, и это чувство пригнало его в гостиную.

– Госпожа Дюпон?

Ученица целителя встала и снова слегка присела в реверансе.

– Простите. Я пришла за вещами, и эти господа сообщили мне о вчерашних неприятностях.

Ее глаза умоляли регуляторов: *«Пожалуйста, не говорите ему о моей оплошности»*.

Они не могли попросить магистрата подождать в его собственном доме, поэтому они позволили Мелани уйти, но не раньше, чем записали дорогу к ее дому, заверив, что зайдут в ближайшие несколько дней.

– Прежде, чем ты уйдешь, моя дорогая, – сказал Айендар-старший целительнице, взяв ее маленькую руку в свои массивные лапы, – загляни к садовнику. Ему надо знать, одобрите ли вы белые лилии.

– Я не знала, что белые лилии обладают лечебными свойствами, – сказала Крона, надеясь, что маска все-таки поможет ей разгадать, что не так с девушкой.

Если бы ей повезло, она бы прямо здесь вывела целительницу на чистую воду…

Но Мелани промолчала.

– Да дело в другом, – сказал Главный магистрат. – Госпожа Дюпон выходит замуж через две недели, и я предложил ей использовать территорию замка для церемонии.

– Всего через десять дней… – сказала Крона, немного пораженная.

Свадьба в доме, где только что умер член семьи, казалась странной, но иногда такое случалось. Лицо Мелани на мгновение побледнело, как будто она боялась. Не волновалась, нет – именно *боялась*, что они начнут ее расспрашивать.

Почему? Что пытается скрыть молодая целительница?

– Как вы любезны, монсеньор, – польстил ему Трей.

Это и вправду было большой *любезностью*. Многие ли аристократы – из тех, кого Крона знала – предложили бы свой дом для праздника представителей класса ремесленников? Нет, немногие.

– Монсеньор очень хорошо относится к моей семье, – сказала Мелани и, сделав третий и последний реверанс, вышла из комнаты.

– Удивительно, что эта девчонка до сих пор не вывернула себе колени, учитывая, сколько раз она так приседает за день, – усмехнулся магистрат, и его густые черно-серые усы подпрыгнули вместе с животом.

Учитывая обстоятельства, он выглядел потрясающе бодрым. Все так, как сказал его скорбящий сын: *«Проследить за тем, чтобы все улыбались, никто не дул губки, никто не царапал обувь и не ломал ноготки»*. Никогда и не перед кем не терять лицо.

В своих ответах Грегор Айендар был очевиден, как витражи в храме. Он отвечал на все вопросы о юбилее с безупречной честностью. Не имело значения, какой вопрос ему задавали – касающийся его семьи, например, о сцене, устроенной его сыном, или более общий.

Намеки на ложь появлялись только тогда, когда они давили на него по поводу его политических устремлений. И даже тогда он ловко уклонялся от прямых ответов, избегая лжи любой ценой.

– Субмаркиз Дэвид и субмаркиза Даниэлла были Айендарами, так что государственная служба – это действительно наше семейное дело.

Сидя в кресле, удобно откинувшись на спинку, он сложил руки на животе.

– Стать Главным магистратом невозможно, если нет амбиций, правда?

После еще нескольких раундов хитрых ответов Крона собралась с духом и решилась спросить про близнецов. Это было необходимо, и, если он разозлится и выкинет их из дома, пусть будет так.

– Ваши внучки были близнецами?

Сразу он не ответил, и тогда она продолжила:

– Возможно, кража тем вечером была политически мотивирована. Кто мог знать?

– Никто кроме наших ближайших родственников не знал, – мрачно ответил он.

И в воздухе тяжело повис еще один невысказанный вопрос: *«Откуда* вы *знаете?»* Но ни Крона, ни Трей не ответили.

Про кражу Главный магистрат не смог рассказать ничего нового, поэтому они не стали возражать, когда он встал и вышел из комнаты. Они опросили каждого работника, начав с камердинера, месье Горация Гэтвуда, который постоянно подогревал свое раздражение, без конца поглядывая на карманные часы.

– Жена ждет вас домой к завтраку? – спросил Трей в какой-то момент.

– Боюсь, что жена давно покинула меня, – запальчиво ответил он.

Маска Леру уловила движение глаз – застарелое горе, гнев и полуправду.

– Ох, простите.

– Но да, у меня есть планы на утро.

Он быстро рассказал, где находился и что делал с самого начала юбилея. Регуляторы не увидели причин для его задержания, и он умчался по своим делам.

Горничные – во всяком случае, те, которые уже вполне проснулись, – все выразили горячее возмущение, когда их попросили рассказать, чем занимались их хозяева. Кухонный персонал был гораздо более склонен посплетничать, но мало что знал о том, что произошло.

За служащими пришла очередь жены магистрата, которая весь вечер провела рядом с мужем. Последними допрашивали родителей девочек. Трей и Крона поднялись по широкой лестнице на верхний этаж, чтобы поговорить с скорбящей матерью.

Детскую освещала одинокая свеча. Дети в знатных семьях обычно переезжали в собственные комнаты, как взрослые, когда им исполнялось десять лет – по завершении второй пятилетки – обряд инициации, который бедняжка Абелла уже никогда не пройдет.

Каждый предмет мебели в огромной спальне-игровой был уменьшен, чтобы идеально подходить для крошечных рук и коротких ножек. В маленькой кровати, рядом с диванчиком у окна, свернувшись, лежал маленький ребенок. Рядом с ней на полу стояла на коленях ее мать, устремив взгляд темных глаз в противоположный конец комнаты, где стояла точно такая же кровать – пустая.

Изящный мольберт был задвинут в угол, закрывая доступ к книжной полке. На зажиме, прикрепленном к деревянной треноге, безжизненно висела стопка рисунков с потрепанными краями. Еще несколько лежали согнутые пополам на полке, и множество валялось на полу. Обычно Крона не придавала большого значения детским рисункам в детской комнате. В них не было ничего особенного. Но эти… наводили страх.

На каждом изображено одно и то же существо: гуманоид в рваных синих одеждах. У одних были бледные лица, у других – темные, но все покрыты разводами синих клочков. Деспотичный вид, ноги широко расставлены, и чувствуется некая угроза. Пальцы, аномально длинные, заканчиваются острием, как ножи. Рот делит голову пополам, и каждый ухмылялся пастью с неестественным количеством заостренных зубов. Голова покрыта шипами разного размера – рога или вросшие клинки.

Марионетки Тало.

Страшные сказки на ночь.

Тало не мог нарушить границу, в этом можно было быть уверенной. Только его варги пробирались внутрь. Но в сказках все по-другому.

В сказках говорилось, что сам Тало не мог проникнуть в Долину, но он кое-что придумал, намного позже времен Абсолона. Он создал марионеток в Аркензире – временных существ – зомби без собственной воли или желаний. Сосуды, с помощью которых он наводил ужас, сбивал с толку, разговаривал и насмехался. Говорили, что особенно Тало любил выискивать лжецов и тех, кто имел тайные причины стыдиться или бояться чего-то. Поэтому, испытывая глубокое чувство вины, можно случайно вызвать марионетку Тало.

Был даже такой стишок. Она хорошо запомнила его с детства.

Тало живет в твоих глазах,
Тало живет, чтобы ты был в слезах.
Марионетки Тало крадутся с дождем,
В мозг проникают – им все нипочем.
У тебя не будет своего лица,
Ты позабудешь и мать, и отца.
Впустишь марионетку Тало в разум,
И тогда конец
Придет
Тебе
Сразу.

Они могут стереть память, стать невидимками, украсть секреты и вырвать внутренности. Но это всего лишь сказка. Миф. Такие проявления Тало нигде в свитках не упоминались.

Просто ночная страшилка, но ею охотно пользовались многие родители, пугая детей, чтобы они себя хорошо вели, чтобы признавались в шалостях. Сердце Кроны до сих пор начинало биться быстрее при воспоминаниях о снах, что они пришли за ней. Однажды ночью, во время грозы, когда ей было восемь, она так испугалась, что выскочила под дождь и выкрикивала извинения небу.

Крону нервировало не количество рисунков марионеток Тало. Дети часто рисовали монстров. Что ее особенно тревожило, так это глаза.

Она опустилась на колени, чтобы взять один из смятых набросков, а Трей подошел к женщине.

– Мадам? – произнес он.

Она не шевельнулась. В тишине комнаты слышались звуки расправляемой жесткой бумаги – это Крона разглаживала листы. Кто-то со злостью исчеркал графитом лица марионеток Тало – на всех рисунках. Черкал по кругу, давил, закрашивал глаза, пока карандаш не прорвал бумагу.

В желудке у Кроны появилась тяжесть – будто она проглотила стакан масла.

Если бы Де-Лия в детстве нарисовала куклу Тало, Крона наверняка выткнула бы ей глаза, разорвала картинку или бросила бы в огонь. Это были такие монстры, которых всегда боишься заметить краем глаза, о которых не хочешь даже думать, потому что их можно вызвать силой мысли.

Но такие детские страхи, желание уничтожить изображение отличались от того, на что Крона смотрела сейчас. Кто бы ни сделал эти зарисовки, он набросился на них с отчаянием, как будто презрение и ненависть к монстрам существовали на некоем *привычном* уровне.

– Ваш камердинер объяснил, почему мы здесь? – продолжил Трей, приближаясь к Тие Айендар, как к раненому животному. – О вчерашнем вечере…

– Да, – хрипло ответила Тиа, не сдвинувшись с места.

В тусклом свете она выглядела как кукла, изготовленная в натуральную величину, с остекленевшими невидящими глазами.

Крона уронила рисунок на пол – как будто случайно, а сама более внимательно посмотрела на женщину. На ее шее была отчетливо видна колотая ранка. Было похоже, что кто-то вколол ей что-то – может, транквилизатор или какой-то другой наркотик. Остаток этого средства сочился из прокола, и при слабом освещении немного походил на ртуть.

– Мадам, простите, но…

Крона умолкла, вытирая вещество подушечкой большого пальца в перчатке. Она показала его Трею, который кивнул.

Трей задавал обычные вопросы, и мадам Айендар отвечала односложно – утвердительно либо отрицательно. Маска Леру с ней была бесполезна, поскольку выражение лица женщины не менялось вообще, а рот едва двигался, чтобы произнести основные звуки. В данный момент Тиа Айендар казалась не только неспособной на обман, но и вообще навряд ли понимала, что происходит. Многие вопросы Трею пришлось задавать по несколько раз, прежде чем она выдавливала ответ.

– Когда ваш муж был на приеме, с вами находилась помощница вашего семейного целителя?

– Ммм?

– Госпожа Дюпон сказала, что вы можете подтвердить, что она была с вами.

– Ммм.

– Она была здесь, с вами?

Нет ответа. Посредине допроса Крона положила руку на плечо Трея.

– Продолжать нет смысла, – сказала она через капсулу реверберации. – Ничего мы не добьемся. Ее сознание подавлено – она могла сама организовать преступление, и ее несчастный

разум тут же забыл об этом. Когда мы отправимся к юной целительнице, нужно будет спросить, что ее мастер прописал этой несчастной. Нужно также направить группу, чтобы поговорить с ним лично.

Трей закрыл за ними дверь, и они спустились по лестнице. Наконец они добрались до библиотеки и Фибрана Айендара. Все еще одетый в официальный красный наряд, мужчина безвольно сидел в кресле с высокой спинкой.

Если бы не серьезность ситуации, они бы рассмеялись, когда увидели Фибрана. Кто-то накинул ему на голову свадебную фату цвета морской волны, скорее всего, ту, которую мадемуазель Дюпон наденет через две недели. С подола свисали десятки крошечных аквамариновых бусин, весело мерцая, когда на них падал свет лампы для чтения.

На лице Фибрана блуждала глупейшая улыбка. Он был похож на персонажа, которого Крона когда-то видела в детской книге. Или на счастливого пьяницу. Видимо, магические камни с радостью затуманили его разум. Он точно знал, что ему следует скорбеть – подпитываться отрицанием и печалью, но вместо этого кипел от восторга.

– Входите, – заявил он, широко разведя руками в стороны в приветствии. – Вы пришли, чтобы рассказать мне подробности о краже особо важных предметов, госпожа регулятор? Это была ты? Или ты? – Он жестикулировал, указывая то на одного, то на другого. – Неважно! – объявил он мгновение спустя. – Вы все похожи. Кто бы это ни был, они были так добры – ублажали меня, потому что мой ребенок умер.

– Приносим вам соболезнования, – тихо сказала Крона. – Пожалуйста, примите наши извинения за беспокойство в столь скорбное для вас время, но нам нужно знать, не вспомнили ли вы что-нибудь еще о прошлом вечере? Может, видели что-нибудь необычное?

– Да там же все было необычное, – игриво заявил он. – Необычное место, необычное время. Юбилей – это вообще необычное событие. И варги! – Он резко встал, будто на него снизошло озарение. – Варги в границах города – это очень, очень странно. – Он снова сел. – И стражи Ночного дозора волокли какие-то грязные ковры. Они что, проводили уборку во время приема? Да, очень странно.

Крона какое-то мгновение переваривала информацию.

– Грязный ковер? Как он выглядел? Как коврик из шкуры животного? Лохматый?

– Да… это могла быть шкура медведя. Или ленивца. Вы видели, какие жакеты делают из шерсти ленивца в Асгар-Скане? Месяц назад я возил девочек на Великие водопады, и Абелла спросила, где же все эти голые ленивцы, ведь в магазинах так много курток из их шерсти.

Фибран истерически рассмеялся, хотя ему явно хотелось всхлипнуть.

– Сколько их было? Стражей с ковром, которых вы видели?

– Трое, – ответил он, показав соответствующее количество пальцев.

– Возможно, я видела именно их, – тихо сказала она через капсулу реверберации во рту. – Как раз перед тем, как появился настоящий варг.

– Наши преступники стражи? – пробормотал Трей.

– Возможно.

Трей выругался себе под нос.

– Я знал, что опрос Айендаров – пустая трата времени. *Нам* следовало отправиться в Ночной дозор.

– Тогда *мы* бы не узнали о близнецах, – ответила она.

– И что?

– Месье, – обратилась она к Фибрану. – Когда ваши дочери заболели черноводной лихорадкой?

– Мастер-целитель сказал, что это, должно быть, случилось во время поездки к водопадам.

– Не помните, не происходило ли что-нибудь необычное, пока вы были за границей? Может, девочки делали или говорили что-нибудь странное? Может, они близко общались с каким-нибудь незнакомцем?

– Возможно. Может быть. С мужчиной или… нет. Не знаю.

– Кто-нибудь из них пропадал на какое-то время? – продолжала настаивать она. – Может, вы потеряли их из виду, хотя бы на мгновение?

– Они же дети, – сказал он, раскрыв рот, изумляясь столь глупому вопросу. – Ты пробовала постоянно следить за детьми на улице? Это невозможно.

– Конечно, – признала она, виновато поклонившись.

– Что думаешь? – спросил Трей через капсулу-ревербератор.

– Я думаю, что это было не случайное воздействие Природы – то, что девочки заразились редким паразитом.

– Думаешь, кто-то пытался убить пару девятилеток?

Ее охватила грусть, на языке появилась липкая горечь. Почему мир так суров? Так жесток?

– Я думаю, что кто-то *преуспел наполовину,* – ответила она.

Опять же, часто все было не так, как казалось… например, беспокойство и страх чрезмерно вежливой мадемуазель Дюпон. Из-за ее поведения маска Леру напряглась, и Крона почувствовала покалывание. А женщина, которая, по утверждению мадемуазель Дюпон, могла подтвердить ее местонахождение, не смогла это сделать – из-за того, что было отуманена горем или тем, что ей ввели – но это и не имело особого значения. В любом случае, что-то здесь было не так.

Что же скрывала ученица целителя?

Глава 7
Мелани

Два года назад

Когда Лейвуд открыл дверь, вид у него был такой, словно увидел призрак. Он быстро подавил удивление, но она его уловила. Мелани не подумала о том, как выглядит с лягушкой вместо лица.

– Мы должны пойти в аптеку, – требовательно сказала она.

Такое нетерпение было ей несвойственно. Но на кону стояла жизнь ее матери. Поэтому ей не хотелось тратить время на всякие любезности.

Он отступил в сторону и жестом пригласил ее войти. В очаге за его спиной потрескивал огонек, и в комнате витали пряные запахи.

– У вас, селян, свои представления о времени.

Это была шутка, но Мелани не рассмеялась.

– Мне нужно купить все эти инструменты и снадобья в местной аптеке, – она вынула список и развернула у него перед лицом. – Быстро. У нас нет времени.

Рассеянно кивнув самому себе, он надел куртку.

– Вам повезло, что владелец аптеки – мой друг. Он откроет аптеку для нас.

Она прошла мимо него в коридор, высоко неся голову в напряженной позе. Она почувствовала это – некое окостенение, которого в обычном состоянии с ней не происходило.

С радостным свистом на губах Лейвуд запер дверь. Затем он протянул ей руку. Она отказалась и тут кое-что поняла.

– Ты мальчик Виктора. Себастьян.

Живой румянец стек с его щек.

– Да.

– Как он поживает?

Лейвуд отвернулся и напряженно уставился на медное кольцо для ключей.

– Он умер. Я же говорил тебе. Умер два года назад.

Она начала спускаться по лестнице. Информация казалась одновременно новой и старой. Слышала ли она о смерти Виктора раньше?

– Он ведь был немного странным, да? Немного… не вписывался в нормы?

Она пошатнулась.

Работа, вспомнила она. *Я что-то… изучала… И Виктор…* Она переключила внимание и стряхнуло непонятное ощущение. *Нет, я никогда не знала отца Лейвуда*.

– Мелани? – спросил он. – С тобой все в порядке? Это маска…?

В душе она чувствовала себя самой собой. Да, она была более резка, чем обычно, но никогда раньше она не была так близка к своей цели. И все же что-то в ее сознании принадлежало ей, а что-то поступало извне.

– Все в порядке, – ответила она. – Да, маска. Но я держусь.

Они замолчали, вышли из гостиницы и направились по улице.

* * *

В более бедном районе, где они с матерью остановились раньше, жизнь на улицах кипела всю ночь. Мелани думала, что такие приливы и отливы жизни – неотъемлемая черта жизни

в городе, бесконечный танец, но этот район оказался тихим. Все уважаемые люди разошлись по домам и мирно спали.

Они прошли мимо нескольких продавцов, кучки спящих бродяг и одной женщины, одетой так же, как Мелани, но с ярко накрашенным лицом, которая предложила Лейвуду себя вместо Мелани.

– Нравится трахаться с маской? – выкрикнула она, когда он не ответил.

Они свернули за угол, и Мелани хватило ума сделать вид, что она возмущена.

– Можно подумать, что там, откуда вы приехали, у вас нет ночных бабочек, – сказал он.

– Таких, кто будет грубо приставать сразу к двум джентльменам, нет.

– Что?

– Ничего.

Аптека представляла собой здание странной формы с шестиугольным куполообразным потолком, целиком сделанным из кобальтово-синего стекла. Когда Лейвуд зажег масляные лампы, он как-то особенно водянисто засиял.

Владельцу аптеки не понравилось, что его разбудили среди ночи. Несмотря на это, он дал Лейвуду ключи и велел вернуть их утром вместе с деньгами. Мелани была рада, что им не пришлось ждать, пока человек переоденется в шлафрок, чтобы сопровождать их.

Теперь Мелани спешно читала названия ингредиентов на окружавших их горшках, тюбиках и пузырьках. Отправив Лейвуда в один конец магазина, сама она пошла в другой.

– Притормозите, – сказал он, взяв ее за руку. – Необходимо все сделать правильно. Вы так долго шли к этому, и теперь не стоит спешить, чтобы ничего не испортить.

– Но время уходит … – она почувствовала себя неловко. Что-то сместилось в ее мире. Мир не вернется на место, пока ее мама не выздоровеет. – Мое время не принадлежит мне, пока ей не станет лучше.

– Настоящее время или ампулированное?

– И то, и другое.

Она увидела нужный ей минерал – комок желтой серы – и схватила его с полки.

– Что вы будете делать потом? Когда вам не придется проводить целый день, ухаживая за ней?

Лейвуд резко отпустил руку Мелани, словно осознав, насколько интимным кажется этот жест в полумраке.

Она вздохнула и какое-то время молча смотрела на список. Он лез не в свое дело, а она не была уверена, что хочет делиться с ним планами.

– Не знаю. Сколько себя помню, столько она болеет. Отец был намного старше ее – какое-то время мне пришлось ухаживать за ними обоими. Честно говоря, я никогда не думала, что наступит день, когда я стану не нужна ей, – она подняла глаза. – Вы правы. Что я *буду делать*?

– Пока у вас еще есть время подумать об этом. Время понять, как проводить время.

Они молча подобрали еще несколько предметов. Но как Мелани ни старалась, она так и не смогла обнаружить одну очень важную вещь: специальный большой шприц. В этом не было ничего удивительного. Знания Белладино подсказали ей, что такие магические устройства находятся под жестким контролем. Шприцы были у сборщиков налогов, которые прятали их, скрывая от глаз общественности. Но время от времени они требовались и целителям. А большинство горожан, покупая пудру и тоники, вероятно, даже не догадывались о существовании такой могучей магической силы. У аптекаря такого положения, как друг Лейвуда, наверняка есть доступ к игле и все необходимые разрешения, но где же он хранит этот ценный инструмент – у себя или где-то в другом месте?

Тихий голос в глубине головы напомнил ей, что у нее нет документов на дополнительные магические предметы. Только на маску. Насколько дороже это может стоить? Сможет ли она получить такие документы или ее возможности ограничены?

Белладино подсказал, что ей нужен сейф. Скорее всего, он не заколдован, но точно хорошо заперт. Она не разбиралась в замках, но что-то в ее голове назойливо шептало, что не стоит об этом беспокоиться. Белладино был уверен в себе и знал, что поможет ей найти выход.

Сейф оказался в задней части аптеки. Большой, внушительный. В таком можно хранить не только ампулы со временем, но и минералы, и химикаты, которые могут оказаться слишком опасными, если их оставить без присмотра. Сейф был плотно закрыт тяжелым замком.

Не может быть, чтобы это оказалось так просто, усмехнулась она про себя, осматривая замочную скважину и взглянув на стойку, где Лейвуд оставил кольцо с ключами. Когда он повернулся спиной, она схватила ключи, хотя рука ее напряглась, а тело сопротивлялось. Все-таки она не была воровкой. Ясно, что аптекарь и не думал, что они залезут к нему в сейф. Ясно, что и она не собиралась брать то, на что не имела разрешения. Но с другой стороны, аптекарь же ничего не сказал им про то, какие ключи можно брать, а какие нельзя. Он отдал всю связку.

И по закону, я в полном праве использовать такую иглу, сказала она себе. Это прозвучало одновременно правдой и неправдой. Разрешения на иглу у нее не было… или было? Ее память будто покрылась пеленой, воспоминания расплывались.

Подождите, да, конечно же, у нее *было* разрешение на использование такой иглы. Как она могла забыть?

Она с легкостью открыла сейф. Внутри лежало множество самых разных принадлежностей, на большинстве из которых были наклеены длинные этикетки с указанием того, с чем их *нельзя* смешивать. И там, у самой стенки, в запертой стеклянной кювете хранился шприц. Его цилиндр покрывали замысловатые узоры, и он казался таким красивым. В течение нескольких минут Мелани пыталась открыть крошечный замок на кювете, но все ключи были слишком велики. Поэтому, недолго думая, Мелани взяла гирьку от весов и стукнула по кювете. Раздался звон стекла.

– Что это было? – крикнул Лейвуд.

– Ничего. Футляр сломался. Но я возмещу, – отмахнулась она от его беспокойного голоса.

– Будь осторожна, пожалуйста.

– Конечно, конечно.

Она закрыла сейф и положила ключи на стойку.

Снова наступила тишина. Время от времени она поглядывала в его сторону и обнаруживала, что он наблюдает за ней. Это вызывало у нее странные, противоречивые ощущения внизу живота.

– Я помню, как мое время заливали в ампулу, – внезапно сказал он.

– Не может быть, – засмеялась она.

Он, наверное, думает, что я в мрачном настроении, и решил меня посмешить. Время берут у младенцев.

– Честно, помню. У меня взяли время позже обычного, потому что отец пытался обмануть сборщика налогов. Он просто не заявил о моем рождении.

Она прекратила поиски и закрыла шкаф, который исследовала. Она хотела спросить его, пытался ли отец защитить его, позволить сохранить его время или он намеревался продать его на черном рынке, чтобы выручить побольше денег. Пять лет – столько времени забирают на уплату налога на время. Его заливают в маленькие магические ампулы и стеклянные диски – четыре года идет в казну города-государства, один в карман родителей. Потом и ампулы, и диски циркулируют в качестве денег, пока кто-то не накопит достаточно богатства, не выкупит его и не вспрыснет в себя. Конечно, выкуп и впрыск означал, что нужно снова заплатить налоговикам, чтобы они могли извлечь время из стекла и сделать инъекцию. Инъекцию из капельки вашего времени, капельки еще чьего-то. В общем, по капельке от каждого.

Таково было повеление богини. Время необходимо делить, время необходимо обменивать, время должно циркулировать.

Хотя Мелани больше всего интересовали мотивы его отца, о котором она знала то, что знала, она спросила совсем другое:

– На что это было похоже? Похоже на то, как берут налог на эмоции по достижении возраста трех пятилеток? У меня брали всего три года назад.

Всего три года назад? Кажется, целая жизнь прошла.

– У меня брали семь лет назад. И нет. Нет, это такой странный всплеск эмоций, а потом притупление. Это было… болезненно. Но я чувствовал легкое головокружение, эйфорию. Они взяли больше, потому что набежали штрафные проценты.

– Это несправедливо. За это должен был заплатить твой отец.

– Он и заплатил. В тройном размере.

Мелани резко вздохнула.

– О, я…

Но Лейвуд продолжил:

– Этот инцидент заставил меня кое-что понять в очень раннем возрасте – о жизни. Вот почему я так много работал. Я не унаследовал гостиницу от родителей. Я заработал все сам. Настоящее время намного ценнее, чем время в ампулах. У него и курс обмена выше. Я решил, что хочу потратить свое, как можно более продуктивно, чтобы получить максимальную прибыль. Таким образом, когда я буду близок к смерти, мне не захочется докупать время – откладывать лишние дни, месяцы или годы. Потому что я не буду ни о чем сожалеть. Думаю, что только те люди, которые зря тратят свою жизнь, потом стараются наскрести лишние минуты.

– Это не очень справедливо, – сказала Мелани, думая о своей матери, – что время можно добавить только в конце жизни, а не в середине.

– И кто хорошо проводит эти последние докупленные минуты? Люди, которые умирают молодыми, вообще не думают о выкупе времени. Только старики. А если ты не аристократ, то, скорее всего, у тебя навряд ли останутся ампулы со временем на оплату ухода, который необходим в конце столь неестественно долгой жизни. Люди доживают до семидесяти, даже восьмидесяти лет. Представляете?

– Где-то я слышала, что пара маркизов дожила до ста двух лет.

– Вот именно – маркизов. А такие, как я? Я могу докупить себе время, но не настолько много, чтобы обеспечить достойный уход в последующие годы. Я не хочу лишних минут мучений, когда превращусь в разбитого старика, страдающего недержанием.

Он подошел к ней с сумкой, в которой лежала уже примерно половина ингредиентов из списка.

– И знаешь что? – шепотом спросил он. – Если люди перестанут покупать время, думаю, эта жатва подойдет к концу. У младенцев не будут забирать их время, как и должно быть.

У нее перехватило в горле, а взгляд заметался по пустой комнате, как будто жрецы Времени могли внезапно выскочить и обвинить их в богохульстве. Она никогда не слышала, чтобы кто-то осмеливался сказать, что нельзя брать налог на время. Что младенцы не должны платить государству по счетам, как это делали все до них. Что и сам налог может быть… несправедлив.

– Звучит идеально, – ответила она хриплым шепотом.

– Так и должно быть, – пожал он плечами.

Глава 8
Крона

Я сказала тебе держаться подальше от пещеры и стоять на страже. Я хотела доказать, что я храбрее. Ты всегда ходила по дому, как петух, который осматривает свой курятник, считая себя султаном. Как ребенок, который считает себя принцессой и не знает, как хрупка на самом деле жизнь. Но эта история не о тебе, она – обо мне и темной пещере. Я карабкалась между серыми камнями, обдирая нежную детскую кожу, тыкала языком в расшатанный зуб, чтобы сосредоточиться. Каждое мое движение, каждый камень, который вылетал из-под ноги, издавал разносившиеся эхом звуки. Когда я почти пробралась внутрь и присела перевести дух на земляном полу, я заметила, что в глубине пещеры мерцает золото. Настоящее золото. Я была уверена, что нашла спрятанный разбойниками клад.

К тому времени, как Трей и Крона вернулись в участок, дневной свет уже согревал земли Долины.

– Идите домой, – проинструктировала их Де-Лия, когда они вошли. – У регистратора есть ваши записи; он почти закончил расшифровку. Идите домой и поспите.

Трей взял ее за руку.

– А ты?

Она кивнула на группу мужчин в углу, украшенном стеклянными бараньими рогами, которые разговаривали с начальником Де-Лии. Они выглядели довольно сурово.

– Мартинеты до сих пор тут? – прошипела Крона. – Я же тебе говорила…

– Ну да, спасибо тебе большое, – резко ответила Де-Лия. – Я должна ответить за наш провал. Значит отвечу.

Она не подчеркнула голосом слово «наши», но Кроне все равно это не понравилось.

– Я останусь с тобой, – сказала она.

– Нет. Иди домой. Если они хотят бросить в меня камень, обвинив в кумовстве, твое присутствие уж точно не поможет.

– Тебе тоже нужен отдых, – сказал Трей. – Если не будешь нормально спать, опять начнешь бродить во сне.

– Вот поэтому у меня в кабинете раскладушка.

– Хорошо, – ответил он, – только не забывай ею пользоваться.

Крона бросила на Де-Лию последний взгляд, полный вины и сочувствия. Она все еще носила маску Леру. А в маске она становилась немного безвольной. Поэтому она развернулась и пошла к конюшне. Но по дороге домой к ней вернулись силы. Хотя многие не смогли бы даже стоять прямо после схватки разума с эхом Леру.

У Де-Лии была квартира в издательском районе, который располагался в восточной части города. Она находилась прямо над типографией, и в здании часто пахло ламповой сажей и зеленой смолой. Крона переехала к Де-Лии, чтобы помогать ухаживать за матерью. Большинство не состоящих в браке регуляторов жили в бараках, но капитаны и высокопоставленные регуляторы получали льготы – например, квартиры. А Кроне разрешили жить с сестрой.

Благодаря этому Крона могла экономить большую часть своих ампул со временем. Но для чего она их копила, она и сама не знала. Чтобы купить маску? Поехать к водопадам или найти предков в Ксиопаре? Купить какой-нибудь музыкальный инструмент? Она вспомнила чудесный концерт в театре Великих маркизов – тогда они разыскивали виолончелиста за подделку магии, но это нисколько не отразилось на его игре. Да, виолончель она бы себе прику-

пила. А, может, ей повезет накопить на все это вместе или на что-нибудь еще, чего она пока никогда не видела.

В любом случае однажды она потратит свое время на что-нибудь особенное.

Их район был хорошо продуман. В квартале, сосредоточенном на печати и литературе, вряд ли бы поселились люди, склонные к криминальным забавам. Жители города были в основном образованными торговцами, разбавленными несколькими служащими, стоявшими на страже государства, как и Крона. Однако, чтобы добраться из участка до дома, ей приходилось идти по более захудалым районам города. И даже в такой ранний час Крона встретила одинокую ночную бабочку – в рваных, поднятых выше колен юбках и с неумело и вульгарно накрашенным лицом, представляющим собой ужасную пародию на макияж знатной особы.

Шлюха на мгновение приблизилась к Кроне, глядя на лошадь с чрезмерно сладким выражением на лице, и лишь потом обратила внимание на форму Кроны. Женщина решила не навязывать свои услуги регулятору. Хотя оплата за любовные утехи являлась вполне законной, ушлые бабочки знали, что иногда не стоит приставать к клиентам, вооруженным лучше, чем они. Сухо фыркнув, она снова продефилировала в тень, покачивая бедрами и довольно неприлично почесывая зад.

Вскоре Крона добралась до своей улицы и вздохнула с облегчением, когда увидела арочную дверь, ведущую в многоквартирный дом. Деревянное полотно было окрашено в глубокий синий цвет, и кое-где вставлены маленькие желтые стекла: создавалось впечатление, что по синей глади ползают большие медоносные пчелы.

Рядом с домом находилась государственная конюшня, где государственные служащие этого района по вечерам оставляли лошадей. Крона спрыгнула с лошади, передала ее начальнику конюшни, рассеянно похлопав животное по крупу – она была привязана к своей лошади, но крупные животные никогда не привлекали ее, а затем зашагала обратно к синей двери с пчелами.

Она вытащила медное кольцо для ключей, и ей показалось, что оно весит больше, чем обычно. Все ее тело казалось сегодня тяжелее. Она могла уснуть в любой момент и просто надеялась, что сначала ей удастся добраться до постели.

Вдруг за спиной раздался торопливый топот, и сердце у нее оборвалось.

Ну что там еще такое?

Вздохнув, она развернулась. К ней бежал Родриго, соседский мальчишка, который часто приносил ей записки от агента-информатора и газеты по утрам. Она напряглась, надеясь, что не увидит сейчас заголовок, кричащий о возвращении Цветочного мясника.

В руках у мальчишки, без всяких сомнений, был конверт.

– Госпожа! Госпожа! – кричал он, боясь, что она скроется за дверью.

– Чего это ты бегаешь с письмами с утра пораньше? – спросила Крона, изо всех сил стараясь не говорить нараспев, поскольку Родриго ненавидел, когда с ним разговаривали, как с ребенком.

По мнению Кроны, ему было не больше двенадцати, а это такой возраст – уже не ребенок, но еще и не взрослый.

– Зарабатываю, – быстро сказал он, протягивая ей письмо и пустую ладошку.

Она покопалась в сумке, достала кошелек, нашла несколько дисков-пятисекундников и бросила в его ладонь. Прозрачные стеклянные монеты глухо звякнули.

– От Тибо? – спросила она, глядя на кривые каракули, которыми была нацарапана ее фамилия, и вставляя ключ от дома в замок.

– А от кого ж еще, – Родриго спрятал время в карман и поежился, обхватив себя руками, когда внезапно подул ветер. – Наверное, теперь вы не скоро о нем услышите.

Она уже наполовину повернула ключ в замке, но остановилась.

– А почему?

– Да он опять достал каких-то ночных стражей. Видел, как двое надели на него наручники и уволокли.

– Что же он натворил этот раз?

– Развыступался слишком сильно, насколько я знаю. Может, и еще что выкинул, трудно сказать. Но в этот раз он точно просидит за решеткой больше двух недель. Если… – Родриго ткнул большим пальцем в свой коричневый нос и неловко переступил с ноги на ногу.

Крона знала, почему он притормозил. Она бросила ему еще один диск, который как раз и приберегла для такой паузы.

С улыбкой Родриго поймал его и спрятал без лишних слов.

– Если один из этих стражей не забьет его до смерти. Я думаю, он обозвал его жену и, может быть, еще и сына. Точно не слышал. Все, что я знаю, это то, что стражи были в ярости и готовились отметелить его как следует.

Прекрасно. Хотите проблем? Обратитесь к Тибо.

– Не знаешь, в какую тюрьму его увезли?

– За пятиминутник скажу, конечно.

– Да ты меня уже обобрал до нитки, малыш.

Она покачала головой, смирилась и вытащила диск со временем.

– Не называйте меня малышом.

Пришлось снова тащиться в конюшню, за лошадью, черт бы ее побрал.

* * *

На железных шипах, обрамляющих крышу одноэтажной тюрьмы, устроили потасовку красно-желтые певчие птицы, борясь за местечко получше. По шипам вплоть до входной двери стекали белые полосы помета, повествуя о долгой истории взаимоотношений птиц и приземистого здания.

Когда она вошла, сердитое щебетание стало громче, и даже шлем едва приглушал его. Это лишь подчеркнуло, что новый день она встречает вместе с недосыпом.

Внутри у входа восседал страж, откинувшись на спинку шаткого стула и водрузив ноги на стол. Он вздрогнул, и ноги соскользнули вниз. Он никак не ожидал увидеть в тюрьме регулятора в такую рань. Да и позже не ждал.

Пол под ботинками Кроны заскрипел, между досками взметнулись клубочки пыли. Тюрьма была маленькой и ветхой: из тех, в которых пьяницы теряют часы, из тех, куда ни один правоохранитель в здравом уме не приведет настоящего преступника.

– Чем могу вам служить, Госпожа? – пробормотал страж, заикаясь, и начал нервно перекладывать бумаги и передвигать графин, наполовину заполненный чаем, с одной стороны стола на другую.

– К вам недавно привели мелкого воришку. Высокий, белокурый, симпатичный мужчина, пару лет назад перевалил шестую пятилетку.

Сторож сухо фыркнул и размял шею, щелкнув суставами.

– Не припомню никого похожего. Все, кого привели ночью – бродяги.

Тибо вряд ли можно было назвать бродягой, скорее – щеголем, на бездомного он никак не тянул. И Родриго не стал бы ей врать – незачем и слишком рискованно.

Вдруг из-за тяжелой двери одной из тесных камер, расположенных в глубине коридора с левой стороны, вне поля зрения, раздался слабый крик. Даже не крик, а жалкий стон, приглушенный дверью.

Это не был чей-то испуганный вскрик или обычный окрик рассерженного сокамерника. Этот вой навевал воспоминания о внезапной боли и резких ударах. Тело Кроны напряглось, плечи развернулись, и она немедленно устремилась на звук.

– Открой дверь.

Страж выбрался из-за стола, неловко пытаясь преградить ей путь.

– Вам туда нельзя. Чтобы вмешаться в действия Дозора, вы должны получить ордер вышестоящего органа. У вас есть ордер? Нет? Значит я имею полное право не пускать вас.

Раздался еще один крик, гортанный и резкий – быстрый, как удар. Он эхом разнесся в помещении.

Тысяча резких реплик вертелось у нее на языке, но она не стала их озвучивать. Она знала Родриго давно и знала, что он не склонен к преувеличениям. Если он сказал, что стражи собираются забить Тибо до смерти, значит так оно и было. И каким бы невыносимо безрассудным и шальным ни был Тибо, она никогда не пожелала бы ему ни минуты боли. Сейчас не время защищать свою гордость словесной перепалкой.

– Вам лучше уйти, регулятор.

Это самодовольное предложение было подкреплено звуками глухих ударов и криками боли.

Если бы она не была полностью измотана – если бы не была ранена, не подверглась нападению варга, не была шокирована и унижена всего несколько часов назад – она бы попыталась его урезонить. Крона всегда была за справедливость.

Но сейчас она стояла здесь, и у нее ныло и тело, и разум, и эта крыса-страж был последним препятствием между ней и ее другом, хотя она никогда бы не назвала его так вслух.

Медленно двигаясь вперед, словно ее конечности были заполнены песком, она выхватила саблю, дав стражу достаточно времени, чтобы среагировать.

– Тебе лучше открыть дверь, – ровно сказала она, повторяя его высокомерный тон.

Он нахмурил лоб, смутился, что вполне устроило Крону. На лице отражалось все, что он думал: *«Но мы же на одной стороне. Я член Дозора, вы не можете просто так… ради него? Вы угрожаете ради него члену констебулярии*[10]*?»*

– Что вы, черт возьми, д…?

– Ключи, быстро, – потребовала она, выпрямившись и расправив плечи, используя свою униформу в полной мере.

Неуверенно его рука потянулась к карману. Крона понимала – если он ее впустит, ему придется отвечать перед своими коллегами. И если они были готовы прибить Тибо, значит они не станут долго раздумывать и отдубасят и своего славного привратника.

Значит, она не оставила ему выбора. Подняв клинок, она держала его на уровне его горла.

– Долго еще собираешься держать меня здесь? – тихо спросила она, наклонясь ближе, чтобы убедиться, что ее безглазый лицевой щиток отразился в его глазах. – Этот человек там значит для меня гораздо больше, чем ты готов дать.

Его трясущаяся рука исчезла в кармане брюк и быстро, как змея, выскользнула обратно. Он вставил ключ в отверстие, затем отступил, стараясь держаться подальше от ее сабли. Он сцепил руки, снимая с себя всякую ответственность, и жестом указал на дверь.

– Вы силой заставили меня открыть дверь, – коротко сказал он гадким тоном заговорщика.

С отвращением Крона почти приложила его прикладом меча под глаз. Только для приличия. Чтобы его история про куриное дерьмо прозвучала правдиво.

Но времени на игру у нее не было. Крона медленно приоткрыла дверь, чтобы хорошо рассмотреть камеру, но не раскрыть себя.

Блок с камерами был немногим больше, чем большой шкаф. В передней части находились три действующие камеры, из оснований решеток которых вываливались камни, и еще как минимум с полдюжины камер, непригодных к содержанию преступников. Некоторые исполь-

---

[10] Констебулярия (*уст.*) – полицейская служба.

зовались в качестве кладовок, у некоторых не было дверей, а в некоторых вообще отсутствовали решетки.

Эта тюрьма могла продержаться только до визита комиссара, и тогда ее сразу снесут. В двух первых камерах содержались полусонные бродяги, затыкавшие уши руками, чтобы не слышать вопли, исходящие из третьей камеры, в которой находился Тибо.

Ее вор со скованными руками сидел, скрючившись на койке, изо всех сил вжимаясь в угол камеры.

– Ааа! – заорал он, когда в его подошву влетел тяжелый сапог.

Зная, что лучше не торопиться, Крона оценила ситуацию.

Всего стражей было четверо. Двое в камере с Тибо, двое снаружи. Все они были в потрепанных куртках и заношенных подтяжках и выглядели лишь немногим лучше бродяг.

Она быстро осмотрела их оружие, предполагая, что они не из тех, кто быстренько подчиниться по приказу регулятора или кого другого. Если все пойдет плохо, ей нужно знать, кто представляет наибольшую угрозу. Его нужно будет нейтрализовать первым – уговорами или силой.

Оба мужчины за пределами камеры прислонились к решеткам соседней камеры в узком коридоре блока, скрестив руки и отвернувшись от нее. Даже их фигуры выражали самодовольство, и они одобрительно кивали друг другу, когда их коллеги в камере наносили красивый удар.

У них не было ни кобуры, ни ножен. Если ей повезет, в их распоряжении будут только ножи.

Она разглядела профиль одного из них, мельком обратив внимание на его особенно миниатюрный нос и эльфийский подбородок. Он был молод, новичок. Мягкий.

У второго были натруженные руки, сутулая спина и выпирающий живот.

Внутри камеры один мужчина в основном говорил, второй бил.

– Еще хочешь? – спросил болтун. Было видно, что он дня три не брился и уж точно несколько недель не мылся. Когда он многозначительно взглянул на мужчину, стоявшего рядом, она обозначила его как капитана. У него был авторитетный, хотя и грубый вид.

– Давай-ка, открой свой красивый ротик и попроси еще.

Четвертый страж хрустнул костяшками пальцев, радуясь возможности нанести еще один удар. При слове «красивый ротик» его губы раздвинулись в жестокой улыбке, он оглянулся через плечо на своих товарищей, приподняв брови.

Во рту у него не хватало нескольких зубов, которые, вероятно, были потеряны под ударами кулаков, отвечавших на его удары.

Тибо слегка развернулся, чтобы взглянуть на того, кто его колотил. Но его умный взгляд был направлен мимо стражей – на черную полоску за дверью тюремного блока. Он узнал Крону и улыбнулся, кривя уголки губ, обнажив окровавленные зубы. Его всегда аккуратно уложенные волосы сейчас в беспорядке торчали на голове, его обычно отглаженная одежда была растрепана, а на щеке красовалось ярко-розовое пятно, которое скоро станет фиолетовым. Несмотря на все это, его улыбка стала шире – она знал, что спасение близко.

– Забавно, то же самое я сказал вашему сыну вчера вечером, – хихикнул он, выплюнув кровавый сгусток на сапог стража. – Бедный мальчик никак не мог насытиться мною.

– Мой сын счастлив в браке, – самодовольно сказал болтун, отказываясь заглотить крючок.

– Видимо, его муж недостаточно любит его…

– Его муж – уважаемый банкир с…

– Что ж, – снова хихикнул Тибо. – Вы знаете, что говорят о *банкирах*.

Проклятый идиот никогда не знал, когда надо остановиться.

– Ты, вонючее дерьмо…

Когда Беззубый размахнулся, чтобы нанести удар в живот, Крона крикнула и полностью проскользнула в комнату, привлекая всеобщее внимание.

– Как вы сюда попали? – спросил Носик, и лицо его побледнело.

– Спроси своего мальчика снаружи, – рявкнула она. – И отойди от моего пленника.

– Вы не у себя в участке, регулятор, – сказал капитан. – Этот человек находится за решеткой у нас, значит он – наш.

– Давайте не будем играть в игры, если не возражаете. Отпустите его под мою ответственность, и у нас не будет проблем. Я не сообщу об избиении мартинетам.

Все четверо подобрались. Носик и Пузо выпрямились. Капитан Неряха и Беззубый неторопливо вышли из камеры, сжав кулаки.

– О, какое избиение? – небрежно спросил Тибо. – Некоторые люди платят за такое обхождение, скажу я вам. Джентльмены, если вы хотите купить немного ампул со временем, я знаю несколько человек из знати…

– Вы пришли без напарника, – сказал капитан Вонючка Кроне, склонив голову набок и не обращая внимания на Тибо. – Так что, скорее всего, вы здесь не в *официальном* качестве. Так почему бы вам не сбежать?

Он фыркнул и стер плевок с ботинка о решетку.

Она подняла саблю.

– Отдайте его мне. Последний раз прошу вежливо.

Пузо и Носик вытащили кинжалы, как она и ожидала. Беззубый сжал кулаки и встал в стойку, и кулаки у него были знатные, а капитан Неряха метнулся в одну из ветхих камер и схватил железный пруток, ржавый с обоих концов.

Все двигались медленно, но решительно. И они, и Крона пытались блефовать – никто не хотел кровавой разборки.

Кроме, может быть, Беззубого. Он усмехнулся от уха до уха, будто и надеяться не смел на столько оживленных событий в начале смены.

– Тебе действительно не нужно драться за меня, здесь есть чем заняться, – пошутил Тибо бодрым голосом, хотя и вздрогнул, пытаясь сесть прямо.

– Заткнись! – крикнули все хором, в том числе один из бездомных, которые перестали притворяться спящими.

– Смотрите, я забираю его у вас, – пыталась уговорить их Крона. – И гарантирую, что вы больше никогда не услышите, как он шлепает губами.

Они двинулись к ней, подталкивая ее к двери. Они не собирались уступать, а она определенно не собиралась отступать.

Она сомневалась, что стражи умеют работать в тандеме. Они будут действовать по отдельности, искать дыры в защите, думать только о движениях – ее и своих собственных и даже не попробуют объединить усилия и обыграть ее, пока кто-нибудь не повалит ее на землю.

Больше всего ее беспокоил Беззубый. Нужно было быть очень сильно уверенным в себе, чтобы выйти против меча с голыми кулаками.

Это значит, его надо уложить первым.

– Не прокатит, – сказал капитан Неряха, подняв прут и уложив его на плечи.

Он вышел вперед и остановился рядом с Пузом.

– Видишь ли, у него проблема не со ртом, а с руками. Они лезут туда, куда им не положено.

– Думаю, мы должны отрубить их, – сказал Пузо, – ради безопасности широкой публики.

– Да у вас *смелости* не хватит, чтобы отсечь столь прекрасные руки от не менее прекрасных запястий, – фыркнул Тибо с притворным возмущением. – Мои прекрасные руки нужны мне, чтобы слать воздушные поцелуи своим поклонникам.

– Чтоб тебе… – взвился Пузо, оскалив зубы на Тибо.

Крона поняла, что пора действовать. Прыгнув вперед, она ударила его по руке лезвием своего клинка. Он удивленно выронил нож, и она ногой отшвырнула его за себя.

Неряха с криком качнулся, целясь прутом в шлем. Она упала на колено, избежав удара, а Неряха потерял равновесие. Он ожидал, что ударит ее, и наступал боком, а когда промахнулся, врезался в Пузо.

Беззубый перестал ухмыляться, а Носик испугался. Первый двинулся вперед, а второй отступил. Оттолкнув своих коллег в сторону, Беззубый протянул руки к Кроне, схватил ее за переднюю часть униформы и поднял.

Это придало ей нужный угол.

Руки его были вытянуты, локти оказались под ударом. Повернув саблю рукояткой вперед, она ткнула тяжелым концом эфеса ему в сустав.

Он закричал и отпустил ее, рука безвольно упала – очевидно, она попала точно в нерв, и теперь рука онемела и покалывала.

Поднявшись, она пнула его по левому колену, надавливая на чашечку, пока та не выскочила. Он свалился на пол, задыхаясь от боли.

– Стоять, или я уложу еще одного, – приказала она, когда Неряха снова кинулся на нее. Он обрушил прут, как топор, пытаясь разбить ей плечо. Она взмахнула рукой в наплечнике навстречу ему. Звякнул металл, но не так пронзительно, как при ударе меча о меч. Основной удар все-таки пришелся на плечо.

Шипя от боли, она отбила прут в сторону.

– Справа! – закричал Тибо за мгновение до того, как горячая боль разорвала ей боковые мышцы на талии.

Пузо подхватил свой клинок.

– Заряженный магией ублюдок, – прошипел он ей сзади, поворачивая нож.

Она двинула локтем назад и попала ему в подбородок. Он отлетел назад, ударился головой о решетку и свалился на пол.

Боль, пылающая в боку, окончательно разозлила ее. Бросив саблю на пол, она устремилась на Неряху, вырвала прут из его рук и двинула его по челюсти. Он согнулся пополам и упал, уткнувшись лицом в бедро Беззубого, и затих.

– Видал, да? – заговорщицки сказал Тибо Носику. – Давай, снимай с меня наручники, и госпожа регулятор пощадит тебя, я знаю.

Все еще крепко сжимая в руках нож, Носик оценил свои возможности.

Глубоко дыша через нос, Крона выпрямила спину и потянулась за кинжалом, торчащим из бока. Хотя ее разрывала боль от ягодиц до плеча, она была уверена, что лезвие короткое и Пузо не умел целиться. Выдернув нож, зарычала от боли. Было ужасно больно, но она, черт возьми, осталась жива.

Она подняла меч, закрыла рану правой рукой и поплелась к Носику, который держал клинок в воздухе, но дрожал от нерешительности.

– Не знаю, о чем ты сейчас думаешь, – сказала она хриплым от боли голосом. – Но стоило ли устраивать эту бойню, – она махнула саблей в сторону трех поверженных стражей, – из-за этого бледного легкомысленного хлюпика и распутника.

Дорогое божество Времени, пожалуйста, пусть он скажет «нет».

Она была измотана.

– Распутник – это уж слишком, – фыркнул Тибо.

Махнув на него мечом, Крона проскрипела:

– Боги, помогите мне! Если ты хочешь уйти отсюда со всеми своими пальцами на ногах и на руках…

– Забирайте его, – решил Носик, выпуская нож из рук. – Можете его освободить, повесить, передать любому из великих маркизов в качестве подарка на юбилей, мне все равно. Просто, *забирайте* его.

– Спасибо, – ответила она, почти спокойно.

Если бы не кровь, стекающая по ноге, и не трое взрослых мужиков, стонущих на полу, можно было бы подумать, что она просто выиграла на спор.

– Прочь с дороги!

Молодой человек понял, что приказ лучше выполнить.

Разобравшись с хлопотливым стражем, Крона занялась Тибо. Сначала осмотрела раны на голове – они были неглубокими. Когда она убрала прядь его светлых волос с пореза, он зашипел, напрягшись всем телом.

– Что, щиплет?

– Да, сэр.

– Хорошо.

Она похлопала его по подбородку, стараясь не попасть по разбитой губе, и не упрекнула его за «сэр».

Даже избитый и закованный в наручники, Тибо вел себя как человек, которому принадлежит город. По части помпы и высокомерия он мог бы победить в турнире, обыграв самих маркизов. В этом отчасти и заключалась его привлекательность: ничто не могло испортить его настроение или омрачить взгляд на мир. Он всегда оставался позитивным.

Необычная черта для вора, эскортника-прелюбодея и вечной угрозы для общества.

– Молодец, регулятор, – сказал он, разглядывая ее раны и одобрительно кивая. – Кого я должен благодарить?

– Не твое дело, преступник.

Это было шоу, которое пришлось устроить из соображений безопасности. Информаторы очень быстро *переставали быть* информаторами, если слишком близко знакомились с констебулярией. Эти стражи будут молчать – зачем им распространяться о своем позоре? Но сокамерникам Тибо скрывать и стыдиться было нечего.

– Лучше скажи мне, что говорят о банкирах, – сказала Крона все еще резким тоном.

– Понятия не имею. Видела, как у него глаза полезли на лоб из-за этого предположения?

Крона беззвучно засмеялась в шлеме. Нахальный ублюдок.

Убедившись, что его видимые раны не опасны, она принялась за скрытые под одеждой. Стянула с него через голову нарядную куртку, оставив ее болтаться на запястьях. На теле Тибо осталась свободная туника с глубоким V-образным вырезом. Брюки и ботинки были грязными, но на них не нашлось разрезов или разрывов, и он все еще был в своих фирменных кожаных перчатках зеленого цвета.

– Прислонись-ка к стене, – приказала она, приподнимая ему рубашку.

– Хочешь быть сверху? – подколол он, приподняв бровь, но тем не менее подчинился.

– Я не хочу, чтобы ты обрушился на меня на полпути к участку.

На его животе волнами расцветал синяк.

– Если тебе понадобится целитель, то лучше знать об этом заранее.

Она сдавила его бока, проверяя, не сломаны ли ребра. К счастью, кости остались целы.

– Где еще больно?

– Только плечи – снимешь наручники, и все пройдет.

– Старая хороша шутка. Часто ею пользуешься?

– О, ха-ха.

Она притянула его к себе и помогла подняться. Он слегка прихрамывал, когда она вывела его из камеры, но больше из-за того, что долго был в неподвижности, а не из-за ран. Вместо того чтобы перешагнуть через Пузо, он пнул его.

– Тебе повезло, что меня опередили, – сказал он. – Я бы отделал тебя как джентльмен – вдвое быстрее, чем госпожа регулятор.

– Тебе не кажется, что на сегодня уже достаточно вражды, вор?

Когда они уже почти дохромали до двери, Тибо притормозил.

– Подожди-ка минутку.

Он подошел к одной из занятых камер и прошептал:

– Виндом?

«Спящий» бродяга крякнул.

– В моей койке ничего не было, если ты понимаешь, что я имею в виду. Пожалуйста, проверь свою.

Куча серо-коричневых лохмотьев, прикрывавших голые кости, неловко доковыляла до кровати и ощупала ее нижнюю сторону.

Крона взглянула на стражей. Двое точно были без сознания. Беззубый застонал и перекатился на спину, но не попытался подняться или стряхнуть с колена Неряху.

Раздался глухой *«чпок»* – сухой воск оторвали от твердой поверхности. Виндом достал конверт.

– Тебе это нужно?

– Да, именно.

Крона схватил Тибо за воротник, прижавшись к его уху.

– Ты хочешь сказать, что тебя притащили сюда специально? Вот за этим?

– Я ж не идиот. Неужели ты поверила, что эти набитые дерьмом мешки могли бы притащить меня сюда, если бы я не захотел?

– А как вы думаете, почему *я* здесь? – спросил Виндом, усаживаясь.

У него были длинные густые волосы, по моде того времени, но сильно спутанные с бородой.

– А я вам скажу. Здесь сухо, здесь можно поспать. И кроме того, мне дадут тарелку бобов.

Он положил конверт на каменный пол и толкнул его, отправив под решетку.

– Госпожа регулятор? – сказал Тибо, повернувшись, чтобы показать кандалы.

Она фыркнула, и он хихикнул в ответ.

– Хочу сообщить, что я открыл вам тайное средство связи. Меньшее, что вы можете сделать, это поднять письмо.

– Если я к нему прикоснусь, я его заберу, – сообщила она, присев на корточки.

– А кто сказал, что оно адресовано не вам? – с ухмылкой спросил Тибо.

– Учитывая, что мы никогда не *встречались*, преступник, я в этом сомневаюсь.

Вспомнив, что им надо играть роли, он убрал улыбку с лица. Но Крона задумалась, правда ли это. Неужели он дался в руки Дозору ради нее? Конверт был чистым, гладким, с черной сургучной печатью. Дополнительный воск на обратной стороне удерживал его на койке.

Она положила конверт в карман и поволокла Тибо к выходу. За столом сидел все тот же молодой страж, робко притворяясь глухим, поскольку это было единственное разумное объяснение, почему он не услышал драку и не пошел помочь. Носика нигде не было видно.

– Напомнишь им позже, – сказала она, проходя мимо стража. – Мы все забываем, что произошло, они держатся подальше от моего пленника, и не нужно будет привлекать к делу мартинетов. И если мне когда-нибудь придется снова заглянуть сюда, я надеюсь на приветливый прием.

– Да, сэр.

Снаружи ее лошадь щипала траву, росшую на тротуаре. Людей на улице стало больше – день был в самом разгаре. Кроне казалось, что ей никогда не добраться до постели.

– Ты что, думаешь, что я поеду вот так? – спросил Тибо, глядя на кобылу.

– Конечно, нет, – ответила она, доставая из сумки веревку.

– Ты этого не сделаешь, – сказал он, расширив глаза.

Она его почти пожалела. Почти. Но теперь, когда она знала, что он нарочно навлек на себя неприятности, ей казалось, что его нужно заставить пройти через все испытания.

– Нужно же сделать вид. По крайней мере на несколько кварталов. Не переживай, я пойду медленно.

Образовав из веревки петлю, она накинула ее на шею Тибо, как лассо. Второй конец веревки взяла в руку в перчатке и залезла в седло. Она ненавидела ездить в шлеме, но вполне могла вскочить в седло в полном обмундировании.

Тибо стоял рядом с лошадью и смотрел на нее взглядом потерявшегося щенка. В его голубых глазах плескалась грусть – он часто напускал на себя такой вид, когда ему было нужно. Крона знала об этом и ни за что не поверила бы его несчастному выражению.

– Ты будешь так идти, пока мы не скроемся из вида. Недалеко отсюда есть старый туннель, который ведет в Подземье к отбросам. Он заблокирован, но там мы сможем укрыться.

Смирившись со своим затруднительным положением, он послушно опустил голову и пошел за лошадью.

Крона испытала несказанное удовольствие, когда повела Тибо за собой. Не потому, что таким образом она держала его рядом – о, нет. Конечно, нет. И не потому, что это означало, что он не висит на руке какого-нибудь хорошо одетого аристократа в качестве дежурного эскортника, чем он и зарабатывал свой хлеб.

Надежно связанный Тибо вел себя просто прекрасно, а это была такая редкость. И именно этим она собиралась насладиться.

Как и было обещано, до заброшенного туннеля ехать оказалось недалеко, и они быстро добрались до него даже по утренним людным улицам. На одной из улиц им пришлось притормозить, потому что на дороге из-за камня застряла повозка, запряженная лошадьми. Но в остальном они двигались довольно бодро.

Сам туннель раскинулся между двумя муниципальными зданиями и был практически бельмом на глазу жителей Лутадора. Лутадиты с радостью оставили бы путь открытым, но туннель был заблокирован снизу. Под собственно Лутадором был еще один город, носивший название Подземье, в котором обитали отбросы: бесправные, бездомные люди, собравшиеся вместе – изгои, которым не хватило места в обществе Лутадора. Они предпочли жить под землей, ничего никому не платили, за исключением налога на время и налога на эмоции, и чиновники города-государства оставили их в покое, при условии, что они не станут выходить наверх.

Туннель простирался на несколько ярдов и представлял собой укрытие для сомнительных лиц. Но его местонахождение рядом с официальными правительственными учреждениями означало, что его часто патрулируют и не позволяют там никому собираться. В нем по-прежнему пахло походным дымом, а стены были украшены изображениями, нанесенными острыми камнями и трясущимися пальцами.

Крона привязала кобылу снаружи и сняла шлем, прежде чем завести Тибо внутрь. Там она сняла с него наручники, открыв их отмычкой, которую достала из сумки. Он не отстранился, когда она растерла ему запястья и руки, чтобы восстановить кровообращение.

– Ааа, колет. Всюду колет. – Он встряхнулся, похлопал себя по рукам, словно изгоняя это чувство. – Спасибо, – сказал он через мгновение. – От всей души. Я думал, что проторчу в этой вонючей дыре долго, но не ожидал, что меня еще и отметелят бесплатно.

– Неужели? А выглядело все так, будто ты специально заказал это блюдо.

Он снял шнурок с волос, встряхнул его и снова быстро надел.

– Какой-то старый мудак открывает свой рот, а я должен молчать?

– Да.

– Но ведь гораздо веселее, когда можно подразнить их правдой.

– Какой правдой?

– Я же не виноват, что его сынок неровно дышит ко мне. К тому же он просто красавчик – должно быть, похож на мать. Боги знают, что внешность его отца никогда не радовала глаз. Но, увы, его муж внимательно следит за его ампулами со временем. И молодой человек просто не может позволить себе мою компанию.

– Удивляюсь, что вообще кто-то может.

Тибо прислонился к стене и осмотрел свои перчатки, стирая грязь и каплю крови.

– Я стою дешевле, чем ты думаешь.

Она с вызовом взглянула на него.

– Нет, не стоишь.

– Могу поспорить, что некоторые с зарплатой регулятора иногда могут себе позволить нанять меня, – легко сказал он, едва поднимая на нее взгляд.

Тибо не был ночной бабочкой. Он не стремился попасть в гнездышко борделя и обслуживать всех посетителей подряд. Но он проводил время с теми людьми, которые ему нравились и которые могли тратить на него свои ампулы со временем. Он проводил время на людях – *на виду*. Аристократы использовали его, чтобы скоротать время, пока их супруги отсутствовали, или чтобы заставить друг друга ревновать. Он позволял им облачать его в прекрасные наряды, водить на дегустацию вин и на балы, а также таскать за собой под носом у не одобрявших такое поведение отцов.

Если Тибо и знал что-то о себе еще с подросткового возраста, так только одно – он привлекателен. А в правильной компании красивое лицо и подтянутый живот были так же полезны, как кошелек, полный стоминутных склянок. Он приобрел множество секретов одним лишь взглядом.

Но как бы он ни любил изображать учтивого ловеласа, в душе все равно оставался мелким воришкой. На самом деле это зависимость – какой она и должна быть, учитывая сколько раз Кроне приходилось выдергивать его из камеры, чтобы он оставался на улице и поставляемая им информация не иссякла.

– Отношения работают не так, – осторожно сказала она. – Зачем мне платить за аудиенцию, если я могу уложить четырех полицейских и получить ее бесплатно?

– Отношения?

Тибо оттолкнулся от стены и засунул руки в карманы. Он с притворной скромностью взглянул на нее, опустив голову и склонив ее набок.

– Неужели Пятеро услышали мои молитвы? И ты наконец собираешься сделать из меня честного человека?

– О, заткнись. Это может сработать с аристократами, из которых ты доишь информацию, но не со мной.

– Вот почему мы в разных конфессиях. Ты даешь мне то, чего мне не может дать никто другой.

Он осторожно приблизился к ней, нарушив личное пространство. Она была высокой женщиной, но он был исключительно высоким мужчиной. Ей пришлось поднять глаза, чтобы встретиться с ним взглядом, но она осталась стоять на месте. Отказалась отступать.

– Где же плата за мои старания? – мягко спросил он, по-мальчишески приоткрыв губы.

– И за что же я должна тебе заплатить?

– Я же сказал тебе: это письмо для тебя. Конечно, тебе может понадобиться переводчик. Вероятно, послание зашифровано. Так что брось это. Я уверен, что у тебя *кое-что* есть.

– Я слишком хорошо тебя выдрессировала. Ты – как животное в ожидании угощения.

– Ой, хочешь поиграть в большого босса?

Она отступила и начала копаться в набедренной сумке. Освободившись от его тепла, она отвернулась и глубоко вздохнула.

– Тебе повезло, потому что я как раз ждала от тебя вестей. Обычно я не храню эти игрушки в своих…

Он схватил ее руками за бедро, и дыхание у нее перехватило почти так же быстро, как и горле:

– Ты что…?

Опустившись на колени, Тибо оттянул потертые края ее униформы – в том месте, где ее зацепил нож Пуза.

– Это не просто царапина, моя госпожа. Эту рану придется зашивать.

– Заживет, – сказала она через плечо, пытаясь разглядеть его под странным углом. – Наверное, он лишь зацепил мышцу. Ну, будет одним кривым шрамом больше.

– Не заживет, – возразил он, – чтобы появился шрам, надо зашить рану. Подойди-ка, дай разглядеть получше.

Он потянул тугую толстую кожу, пытаясь отвернуть ее.

– Я и не знала, что медицина входит в число твоих достоинств, – сказала она, помогая убрать униформу.

Теперь горела не только рана, но и щеки. Он был так близко, что она чувствовала, как его дыхание пробегает по коже спины.

– По правде говоря, я плохо разбираюсь в ранах, – признался он, стягивая края разреза. – Но эта не заживет, если ты ею не займешься. Поверь мне.

Она уловила печаль и боль в его голосе, собираясь спросить, что его так расстроило, но снова почувствовала резкую острую боль в боку – будто он ткнул ее иглой – и потому вскрикнула.

– Извини, – пробормотал он.

– Ты там пытаешься помочь или играешься?

– Забавно, что ты не можешь отличить, когда я дурачусь, а когда серьезен и искренен. Песок спасения у тебя с собой?

– Только на крайний случай. Потом состояние раны станет в десять раз хуже.

– Но потом ты сходишь к целителю.

– Тибо…

– *Госпожа*, – возразил он таким же раздраженным тоном.

Она вздохнула, снова порылась в сумке, минуя потускневшую безделушку, которую искала, и извлекла небольшой шелковый кисет.

– Только щепотку, – проинструктировала она, протягивая ему кисет. – Чем больше насыплешь, тем сильнее будут последствия.

– Понял.

Из кисета на его руку потекли бледные песчинки, образуя аккуратную кучку в центре ладони в зеленой перчатке. Их грани отражали свет, падающий через проход в туннель, и блестели, как драгоценные камни.

Песок спасения представлял собой магический порошок. Для его приготовления брали две части кварцевого песка, одну часть титановой стружки и одну часть пыльцы цекропии[11]. Ингредиенты сжигали и заряжали магией – на каждой частичке стоял микроскопический знак чародея.

Тибо на мгновение задумался, молча подсчитывая, сколько времени потребуется, чтобы купить чайную ложку целительного зелья в его руке.

– Представляешь, сколько я могу получить за…

– Представляю, поэтому не трать его зря.

---

[11] Цекропия – род растений семейства Крапивные (Urticaceae), распространенных главным образом во влажных тропических лесах Центральной и Южной Америки.

Обмакнув указательный палец в песок, он провел по ране. Песок поскрипывал, и ей казалось, что он принесет еще больше боли, а не исцеление. Все ее тело дрожало от желания отстраниться и сорваться на крик, но она устояла.

Постепенно боль утихла. Кожа медленно натянулась, исчез и порез, и рана – как будто их стерли.

Песок избавит ее от раны примерно на час. А когда магия отступит, ей снова станет больно, рана вскроется и будет обильно кровоточить и станет глубже. И ей придется идти к целителю и лечить ее как следует, потому что после песка обычно всегда бывает хуже.

– Спасибо, – тихо сказала она, торопясь поправить форму и освободиться от нежных прикосновений Тибо.

– Всегда рад помочь моей госпоже, – сказал он без бравады, возвращая ей кисет. – Даже в качестве временного бальзама.

Временный бальзам – прекрасное объяснение, почему ей так нравилось быть рядом с Тибо, он казался временной отсрочкой боли в мире, полном ран.

Она тщательно взвесила кисет в руке, прежде чем положить обратно в сумку, но определить, не умыкнул ли он щепотку или две в подкладку своих карманов, было невозможно.

– А теперь… – она извлекла из сумки старую заводную игрушку и подбросила ее вверх между ними.

Он неловко поймал ее одной рукой и осмотрел.

– Да это просто… нет слов. Где ты это нашла?

– Я знала, что тебе понравится.

Это была старинная игрушка-лягушка из меди и бронзы. Когда-то у нее были глаза из драгоценных камней, но они давно утрачены, судя по тому, как потускнели глазницы. Если подобрать правильный ключик, лягушка сможет прыгать, как настоящая. Если найти еще один, у нее будет открываться рот и выскакивать язык. Наверное, она даже сможет ловить добычу в воздухе. Такие игрушки несколько десятилетий назад делал один придворный мастер-ремесленник. Когда он умер, посмертную маску не зарядили магией. И его огромные знания механики и часовых механизмов были утрачены навсегда.

К сожалению, лягушка была не в лучшей форме. Но Тибо нравилось возиться с механизмами. Возможно, ему удастся сделать ключи и устранить вмятины и выбоины.

Глаза Тибо блестели, когда он катал игрушку между ладонями. Губы округлились в восторге, как у ребенка, и Крона улыбнулась.

– Я давно искал такую, – радостно сказал он. – Госпожа Хирват, можно вас поцеловать?

– Ну уж нет, – сказала она и рассмеялась. – Только ты способен флиртовать с человеком в форме регулятора.

После ареста, избиения и еще одного ареста.

– Не такая ты ужасная, как думаешь, – сказал он, лениво прислоняясь к стене.

Он открыл защелку на игрушке и снова закрыл, мысленно уже разбирая ее.

– Платеж произведен. Этого должно хватить на письмо, его расшифровку и еще несколько советов в придачу. Эти твои маленькие штучки становится все труднее найти.

Ему не нужно было знать, что у нее есть целая куча заводных механизмов, припасенных для него, спрятанных в закутке дома. В конце концов дефицит всегда приводит к росту цен, и это к лучшему – она сможет купить больше секретов. Искренность и внезапность подарка делали его восторг особенным.

– Какие еще советы тебе нужны? Это, – он неопределенно махнул рукой, имея в виду конверт, – касается вашего запроса по Белладино.

Он покосился на нее, заметно сжав челюсти, пытаясь заглянуть внутрь беспокойства, прикрытого слоем легкомыслия.

– Ты сегодня улыбаешься только ртом, но не глазами. Что-то случилось?

Она сбросила маску беззаботности. Бесполезно притворяться, если не умеешь этого делать.

– Я сегодня вообще не спала.

– Что-то произошло на юбилее?

Его взгляд ненадолго задержался на ее перевязанной руке. А ее рука инстинктивно схватилась за саблю, хотя она не собиралась ее вытаскивать. Твердость эфеса успокаивала.

– А откуда ты узнал, что я была на юбилее?

Он поднял руки вверх, вместе с лягушкой, как бы подтверждая, что у него только благие намерения.

– А откуда я знаю, что второй Великий маркиз страдает подагрой? Откуда я знаю, что из архивов Зала исчезают малоизвестные религиозные записи? Откуда я знаю о страже, охраняющей границы Долины, чтобы никто не смог перебраться через края? Я был бы никудышным информатором, если бы был плохо осведомлен, не так ли?

– Первое: по двум пунктам могу сказать, это конспирологические измышления, а не информация…

– А по третьему?

– Все знают, что второй Великий маркиз слишком любит сладкое мясо и почки. Второе: ты должен собирать информацию *для меня*, а не обо мне. Так что признавайся, откуда знаешь о моих заданиях?

– Разве собака не интересуется, где ее хозяин проводит весь день?

– Ты не собака.

– Да? Забавно, что ты сейчас так рассуждаешь, хотя недавно я слышал совсем другое.

– Ты бы предпочел быть собакой?

– Я бы предпочел, чтобы вы не скрывали суть дела.

– Справедливо.

– Так что же случилось на юбилее?

Свет, льющийся в туннель, был слишком ярким, Тибо слишком разговорился, а Кроне очень хотелось спать. Сейчас она лишь вкратце опишет ему происшествие.

– Проникновение и взлом. Отвлекли толпу, выпустив варга, и в суете и панике украли несколько предметов, который представляют большую…

– Ценность?

– Опасность. Мы не знаем, как им удалось попасть на прием так… эффективно.

– Хочешь, чтобы я поспрашивал?

Крона потерла глаза, ущипнула себя за переносицу.

– Да, пожалуйста.

Он легко подбросил лягушку в воздух, поймал ее тыльной стороной ладони в перчатке, перекатил к локтю и обратно и затем убрал в карман, продемонстрировав такой уровень ловкости, которого Крона никогда не добьется – даже если выспится.

– Сделаем, госпожа. Теперь тебе, наверное, надо идти по другим делам?

– Что?

Он осторожно взял ее за плечи и повернул к лошади. В любом другом случае она бы сопротивлялась, но все ее силы ушли на драку со стражами, и на Тибо у нее их не осталось.

– Да-да, – ласково продолжил он. – Сначала на встречу с целителем, потом с подушкой. А я займусь вашей «эффективной» кражей и свяжусь с тобой, как обычно, как только что-нибудь выясню.

– Спасибо.

– Ты точно сильно устала, – усмехнулся он. – Слишком много любезностей срывается с твоих губ сегодня.

– Я могу быть любезной. Я всегда любезна, – упрямилась она, хотя не совсем понимала, зачем взялась спорить именно в этот момент. Переставлять ноги становилось все труднее, и форма внезапно показалась слишком тесной. И почему дом так далеко? И почему ей нужно еще переделать столько дел, прежде чем она попадет в свой уютный закуток?

– Да, это факт, который ты изо всех сил скрываешь, когда думаешь головой.

Они вышли на улицу, и Тибо подтолкнул ее к лошади и скрылся в тени.

– Давай в кроватку, моя дорогая. Скоро увидимся.

После нескольких безуспешных попыток Крона вскочила на лошадь и уехала со вторым письмом Тибо в кармане, а его смех звенел в ее ушах.

Глава 9
Мелани

Два года назад

Мелани и Лейвуд вернулись в гостиницу с сумками, полными минералов, химикатов и сушеных трав. Пока они шли, Лейвуд, казалось, еле волочил ноги, и это ее раздражало. Нетерпение взыграло в ней с новой силой.

Может, он делал это специально, чтобы разозлить ее? Разве он не понимал, насколько важно восстановить равновесие? Дисбаланс действовал ей на нервы, рвал мышцы, тяжело давил на грудь. Каждая частичка ее тела требовала, чтобы она решила эту проблему.

В голове у нее вдруг непрошено возникли образ мертвой кошки и плачущей растрепанной девочки. Она испугалась и яростно прогнала их.

Вернувшись в гостиницу, они пошли в комнату Лейвуда, потому что Мелани не хотела беспокоить мать.

– Ступка, пестик, – кратко потребовала она, щелкнув пальцами в его сторону.

Он послушно достал их из одной из сумок. Пока она работала, он разложил остальные приспособления: небольшую горелку, несколько пробирок, мензурку и шприц.

В тигель отправились сера, кальций и сушеные грибы рейши. Сверху она насыпала жидкий катализатор, который светился жутким зеленоватым светом.

– Теперь микстура должна постоять несколько часов, – заявила она после тщательного перемешивания веществ. – Это лекарство требует времени.

Лейвуд сел на кровать, покосившись на нее. Он как-то странно смотрел на нее с тех пор, как они вышли за ингредиентами. Это ее беспокоило. Раздражало. Тревожило.

Как и его отец, внезапно подумала она. *Жестокий человек… убил кошку моей дочери.*

Мелани резко остановилась, сбитая с толку мыслью – у нее же не было детей. Через мгновение это замешательство превратилось в страх, когда она попыталась сказать Лейвуду о своих заблудившихся мыслях и спросить, не *это ли* он имел в виду и как это начинается.

Она открыла рот, но горло перехватило. Ее заставили замолчать в собственном теле, толкали, сдавливали, хватали за руки, лишали голоса. Внутри нее воцарилось нечто.

Она смотрела на себя со стороны: как подходит к очагу, вглядывается в красные угли.

– Говорят, я великий целитель, – произнес ее голос.

Нет, нет, нет. Это невозможно – просто не может быть. Это маска нулевой величины. *Нулевая величина*. Третий уровень. Безвредна, полезна. Маска *целителя*.

Послышался неуверенный голос Лейвуда:

– Мастер Белладино был, да.

– Я могу вылечить любой недуг, – продолжал ее голос. – Спасти умирающего от смерти.

– Мелани?

Моя работа. Я не закончил работу. Эти были не ее мысли, но они заполонили ее разум, вытеснили все, о чем могла бы думать она. Она была на грани паники, но тело так не считало. Пока ее разум метался, тело оставалось спокойным. Она боролась с этим – с ним? С Белладино? Но их мысли будто смешались, слились, переплелись. Она не понимала, где кончается эхо жизни этого человека и начинается она. *Я умер, не успев закончить работу.*

– Было кое-что, что я никак не мог уравновесить. Одна болезнь, от которой я не мог найти лекарство.

Кошка. Мертвая кошка.

– Вы имеете в виду Августа Белладино. Было что-то, что он не мог вылечить? – настороженно спросил он.

Это не я, попыталась крикнуть она. *Лейвуд, это произошло! Произошло в мгновение ока! Я, я…*

Я – мастер Белладино, твердо подумала она. Спокойно, уверенно.

Кошка. Виктор убил ее. Потом он… Потом он… Она…

– Жестокость.

Она взяла железную кочергу и перемешала угли в очаге.

– Она находится глубоко – там, куда не могут добраться большинство лекарств. И мне так и не удалось разгадать эту загадку.

Она обернулась. Глаза Лейвуда были широко раскрыты, и в них плескалась печаль. Выражение его лица рассердило ее.

– Знаете ли вы, что многие болезни являются наследственными? Передаются от родителя к ребенку?

– Мелани… – в его голосе прозвучало предупреждение. Спина напряженно застыла.

Она подняла кочергу и указала на него. Он был здесь – она видела Виктора Лейвуда, спрятавшегося под этой маской потрясенного выражения лица. Больной человек.

– Вы знаете, что он с ней сделал? – взвизгнула она.

Лейвуд мгновенно вскочил на ноги, протянув к ней в мольбе руки.

– Что? С кем?

– С моей дочерью!

Мелани бросилась к нему, потрясая железной кочергой. Пальцы, похожие на когтистые лапы, стремились вцепиться ему в горло и придушить. Она хотела проткнуть его, вскрыть его.

– Дай-ка мне взглянуть на него! – выкрикнула она. – Где оно? Где в тебе живет насилие? В животе? В позвоночнике? Покажи мне, Виктор!

– Мелани! – пронзительно закричал он, отпрыгивая. – Это не ты. Борись с маской. Борись с ней! Я этого не делал.

Он швырял в ее сторону подушки, масляные лампы, стол – все, что могло ее остановить.

– Это я. Я – Лейвуд, а не Виктор!

Гнев затуманил ее зрение, она швырнула кочергу вперед, и та воткнулась концом в плюшевый стул, едва не попав в Лейвуда.

Так не должно быть, поняла она, в ужасе пятясь. *Лейвуд ничего не сделал – только помог мне. Он хороший человек.* Но перед глазами вновь промелькнул образ его отца, и ненависть вернулась с удвоенной силой. Она боролась с ней, попыталась разделить чувства.

– Лейвуд, – сказала она, и в голосе звучала тревога.

– Мелани? Сними маску!

Она схватилось пальцами за края и потянула изо всех сил. Но маска не сдвинулась с места. Он сидела, как приклеенная, впилась в нее как пиявка.

– Не могу… Она…

Сердце резко забилось в груди. На нее нахлынула паника, руки дрожали, пока она пыталась сорвать с себя деревянную маску.

В следующее мгновение она снова бросилась за ним. Из ее рта вырывались страшные грохочущие обвинения. У нее даже голос изменился.

Она попыталась бороться с раздвоением личности. Ей хотелось избавиться от эха мастера Белладино, который был разъярен и одержим желанием разорвать Лейвуда на части. Ей хотелось вернуть себя – Мелани, которая и мухи не обидит. А уж того, кто ей помог, и подавно.

– Помоги мне! – воскликнула она.

И через мгновение с силой выплюнула:

– Ты – *дерьмо*.

Мелани боролась с собой, отчаянно пытаясь освободиться от сущности, которая овладела ее телом.

– Огонь! – закричала она и двинулась к нему, но споткнулась о собственную ногу и упала.

– Что ты делаешь? – он не бежал от нее, но держался подальше.

– Сожги ее, – призвала она. – Сожги!

Ее шатало, но, дюйм за дюймом, она поползла по полу к очагу, умоляя его поторопиться, а Белладино в это время проклинал его. Она чувствовала себя больной, безумной. Она не боялась пламени, не боялась обжечься. Она просто хотела снова стать самой собой.

Лейвуд бросился вперед, схватил за маску и потянул. Не вышло. Мелани схватила его за запястья и зарычала.

– Я не могу ее снять, – сказал он, потерпев крах, пытаясь заглянуть в глаза, наполовину скрытых за деревом, в поиске еще какой-нибудь мысли.

Мелани продолжала умолять его сжечь маску.

* * *

Хотя Мелани и просила *сжечь* маску, но тело ее корчилось, отчаянно пытаясь вырваться.

– Нет, – сказал Лейвуд. – Ты… Тут должно быть что-то другое.

Но воспоминание о маске отца – затем о топоре, которым Лейвуд рубанул по собственному лицу – его собственное прикосновение к смерти. Возможно, единственным спасением был огонь.

Но потом он подумал, как будет погружать ее лицо в угли. Ему стало плохо, и он понял, что не сможет.

Лейвуд попятился, оставив Мелани бороться с собой. Она царапала себе шею под блузкой, рвала волосы. В какой-то момент она резко выпрямилась, застыла в ступоре, будто ее распяли на невидимой стойке, позвоночник выгнулся и снова опал, будто стойка, на которой он держался, сломалась.

Пытаясь быстро сообразить, что делать, он повернулся к груде вещей, которые они принесли из аптеки. Дрожащими руками он брал каждое вещество и читал этикетку за этикеткой. В недоумении он щелкнул шприцем, затем горелкой. Но ответа на вопрос, что делать, так и не узнал. Он услышал скрежет дерева о дерево и посмотрел на звук. Мелани снова потащилась к огню, прижавшись маской к полу, издавая скрежет. Она выглядела так, будто больше не могла выдержать.

– Стой! – крикнул он, подскакивая к ней.

С колотящимся сердцем он схватил ее за лодыжку, остановив ее продвижение к гибели.

– Борись с ней. Дай мне немного времени, я подумаю, что можно сделать.

– Сын мрази, – закричала она, протянув руку и схватившись за раскаленную решетку очага.

До носа Лейвуда донесся сладковатый запах обугленной человеческой кожи.

С силой дернув, он оттащил ее за ногу от очага, одновременно осматривая комнату в поисках чего-то, что могло ее удержать. Единственным надежным средством показались шнуры драпировки.

Они были аккуратно завязаны вокруг оконных крючков из кованого железа. Он долго не мог развязать узлы, потому что сильно нервничал. Ударился о прикроватную тумбочку с лампой и бумажником, и они упали на пол.

Кошелек распахнулся, и по комнате полетели ампулы со временем. Ошеломленный, он смотрел, как одна из них катится к ножке стола. Он снова посмотрел на аптечные принадлежности. И в голову ему пришла одна мысль.

Схватив одну из ампул – пятиминутник, он перепрыгнул через скрюченное тело Мелани и остановился рядом с лекарствами. В следующее мгновение в руке у него был шприц, и он колдовал над пломбой ампулы. Это было незаконно – и почти невозможно – вскрывать ампулу со временем без присутствия сборщика налогов. Время сдерживалось магией, и магическую печать можно было сломать только при помощи предметов, заряженных магией.

Обычные люди редко видели иглы. Налог на время взимали до того, как младенцы начинали говорить. И, если вы не были сборщиком налога или еще кем из верхних эшелонов власти, шансов увидеть иглу у вас не было, пока вы не состаритесь. Но это могло произойти только в том случае, если вы докупали себе время.

Он должен был вспомнить об игле раньше – ведь он уже видел такую. В юности. Именно такой иглой у него взяли налог на время.

Шприц был особенным и редким предметом, и чтобы им владеть, нужно было получить лицензию. Этот шприц сильно отличался от шприцов, которыми брали налог на эмоции. Шприцы для эмоций были крошечные – их делали из стекла, выплавленного из песка и крошки драгоценного камня. А этот шприц был большим, солидным, с толстым прозрачным стеклом.

Неужели Мелани взяла его у аптекаря? Если бы не маска, она бы и понятия не имела, как заполучить такую вещь, и навряд ли бы знала, как он выглядит. Это все из-за маски Белладино.

Интересно, что произойдет, если время выпустить? Он никогда раньше не слышал, чтобы кто-нибудь выпускал время. Его извлекали из людей, помещали в ампулы и снова вливали в людей. Все, что он знал – это то, что ему нужно немного времени – настоящего времени, – больше, чем у него есть сейчас. И думать надо быстрее, пока Мелани не бросилась в огонь.

Он воткнул иглу глубоко в мягкую пробку и потянул за поршень. Когда цилиндр начал заполняться вихрящейся розово-бирюзовой эссенцией, ампула треснула. А когда игла полностью вытянула из нее время, она превратилась в пыль.

Не раздумывая, Лейвуд направил иглу в сторону Мелани и выдавил время в воздух.

Все остановилось. В комнате воцарилась тишина, как зимним утром после сильного снегопада. Он заметил, что даже дышать перестал, и запаниковал, но быстро сосредоточился. Зрение его будто раздвоилось – словно два изображения наложили друг на друга. Но не совсем так, потому что изображения были разными.

В комнате появились новые вещи – тонкие, как дымка, эфирные, такого же цвета, как эссенция времени. В одном углу стояло новое растение, отпечаток руки на оконном стекле, и дым – как из трубы – над кроватью.

Мелани застыла без движения, ее скрюченные опаленные пальцы снова протянулись к решетке. Он был рад, что выражение ее лица скрыто под маской, потому что вокруг ее головы парило некое *существо:* нечто среднее между аморфным сгустком и монстром с щупальцами. Тело сгустка вырастало из центра маски, а полупрозрачные конечности полоскались за ним, как ленты на сильном ветру.

Он хотел броситься на существо, но не был уверен, что это правильно.

Интересно, что это за вещи, которые он вдруг обнаружил? Они не могли быть физическими объектами: он стоял прямо там, где находилось новое растение.

Может, это вещи, существовавшие только во времени, отдельно от пространства.

Слабая пульсация привлекла его внимание к потолку. На нем появлялись постоянно меняющиеся символы, но не слова и не астрологические знаки. Скорость, с которой они менялись, напомнила ему обратный отсчет.

В ампуле было пять минут – и за это время ему нужно было решить, что делать.

Огонь. Сначала надо потушить огонь.

Он хотел положить шприц, но увидел, во что тот превратился. Наложенная версия иглы стала огромной – почти как кинжал. И два металлических круга упора на шприце теперь тянулись вверх по руке к запястью, частично закрывая его, как перчатка. Затем руку до плеча обви-

вало нечто, похожее на колючие лозы. На плече лежала защитная пластина с движущимися – живыми? – частями.

Шприц позволял ему взаимодействовать со временем, не попадая в него, как Мелани. Это был ключ.

И лекарство. Забудь об огне.

Лейвуд бросился к Мелани. Прыгнув вперед, он воткнул иглу-кинжал между глазами лягушки – глазами Мелани – и потянул за поршень. В цилиндре появилась небольшая капля крови с легким туманом времени. Он воткнул иглу слишком глубоко – не учел мягкости бальсы. Поэтому он слегка потянул и чуть-чуть вытащил иглу.

Когда он снова потянул за поршень, существо на маске внезапно двинулось. Его щупальца сжали Мелани, и тело задрожало. Сгусток замерцал и превратился в уродливую карикатуру на человеческое лицо – лицо Белладино, искаженное гримасой ненависти. Оно жалило и выло на Лейвуда.

– Простите, я…

Но извиняться перед этим полусформировавшимся временным спектром человека Лейвуду не стоило – ведь он никогда не делал того, в чем существо обвиняло его.

Он боролся с существом, пытаясь втянуть его в шприц, отчаянно пытаясь оторвать его от Мелани. Рука дрожала, когда он с силой тянул за поршень. Вскоре существо начало сжиматься, впиталось в маску, а затем втянулось сквозь иглу в шприц.

Втянув последний клочок существа, Лейвуд вытащил иглу и попятился, исследуя шприц. Масса внутри цилиндра кружилась в яростном вихре.

Глава 10
Крона

Золото в пещере оказалось не кладом, упрятанным разбойниками. Мерцание, которое я заметила, исходило от игл пятизарядника. На земле лежало шесть игл, отражая тонкие лучики света, пробивавшиеся между камнями. Я узнала их, потому что много раз видела, как папа полировал свои иглы и чистил пятизарядник, но он никогда не разрешал мне прикасаться к патронам или оружию. Папа будет доволен, если я принесу их домой, подумала я. Он погладит меня по голове и скажет, что я его любимая дочь. Я знаю, что он любил нас дразнить, говоря каждому по очереди, что мы его любимые – он думал, что это забавно. Но я искренне верила, что это соревнование. Я собрала иглы с земли, быстро действуя маленькими пальцами. Зажав свое сокровище в ладонях, готовая мчаться домой, я попыталась выбраться обратно. И тогда в пещере раздался глубокий рокот. Рык.

Подниматься по лестнице было тяжко. Воздух вокруг Кроны казался липким и густым, цеплялся за ноги – будто она шла по медовой реке. Она остановилась у двери соседки-целительницы на первом этаже здания. Она уже была на пенсии и часто вставала с первыми лучами солнца.

Эта женщина не особо привечала людей, предпочитая им компанию попугая из Асгар-Скана, который свободно гулял по всей квартире. Но она приняла предложенные Кроной ампулы времени в обмен на то, чтобы быстро зашить рану, стянутую песком.

– Пока рано говорить о чем-либо – вся картина смазана песком, – сказала старая целительница. – Обязательно обратитесь к работающему специалисту, как только песок выветрится.

Она наложила на рану новую повязку на случай неожиданного кровотечения и отправила Крону домой.

Крона подошла к темно-коричневой двери квартиры и тяжело вздохнула, прежде чем открыть замок.

Асель Хирват привыкла к тому, что ее дочери приходят и уходят в любое время дня и ночи. Ее муж служил в Пограничном дозоре, в элитной части – спецназе, и было вполне логично, что ее упрямые девочки унаследуют его потребность служить Лутадору.

Так что пожилая женщина и глазом не моргнула, когда вошла Крона, держа шлем под мышкой, с выражением ходячей смерти на лице. Крона не удивилась, услышав запах горелого кофе и яичницы, когда вошла в квартиру.

– Видимо, прием удался, – сказала Асель, на долю секунды переведя взгляд со сковороды на лицо младшей дочери.

Она убрала длинную густую косу седых волос за спину, когда выкладывала яичницу на тарелку и поставила на стол. Стол у них был неустойчивый и зашатался под едва заметным грузом, пытаясь обрести равновесие на своих неровных ножках.

– Удался – не то слово.

– Где Де-Лия?

– Она еще не пришла? Значит, все еще на работе.

– Но ты не осталась на ночь?

– Мама, уже утро. И Де-Лия отправила меня домой.

– Понятно.

Асель всегда была прямолинейна, даже когда требовалось проявить хотя бы каплю милосердия. Она села на один из разномастных стульев, стоявших вокруг стола, и заправила не очень чистую тканевую салфетку за вырез домашнего халата.

– Позавтракаешь?

Желудок у Кроны перевернулся.

– Спасибо, нет.

– Как хочешь.

Слегка покачиваясь, Крона направилась к занавеске, которая отделяла ее комнату.

– Мама, – сказала она, отдергивая тонкую штору. – Пожалуйста, не доставай Де-Лию, когда она вернется. Ночь была трудной. День будет еще хуже.

– Не доставать? Когда это я доставала хоть кого-нибудь из вас?

Крона прикусила язык и оставила вопрос без ответа.

Задернув занавеску, она зажгла свечу у кровати. Сквозь маленькое круглое окошко в наклонном потолке приникали слабые лучи утреннего солнца, но их было недостаточно для уставших глаз. Эта комната – если ее можно так назвать – напомнила ей о нишах, в которых хранились маски: маленькая, но удобная, созданная специально для ее обитателя. В зеркале на прикроватной тумбочке мелькало двойное пламя, и она тоже на мгновение взглянула в зеркало, мельком увидев свое измученное лицо. Высокие скулы выглядели не округлыми, а острыми, глаза опухли. Полные губы покрылись трещинами. Все говорило о том, что ей нужно поспать.

На ровной полке прямо под окном стояла целая вереница небольших заводных изделий, готовых к отправке в мир. Она собирала их уже много лет – особая валюта страны из двух человек.

Она зубами разорвала оба конверта – один от Родриго и другой из тюрьмы, сложила их бок о бок на покрывало и стала читать, снимая униформу.

Осторожно потянув за остатки левого рукава, она поняла, что мама не спросила ее о повязках.

Первое письмо было зашифрованным. Второе было написано кодом. Сообщение было кратким. В нем говорилось, что записи владельца лавки были неверными и подверглись изменениям. В письме утверждалось, что Шин-Ла ХуРупье никогда не *существовал*, и, скорее всего, не существовало даже это имя, названное владельцу, когда маску Белладино взяли напрокат.

Как такое могло произойти, Крона не знала. Каталог владельца лавки был сам по себе заряжен магией, и никто, кроме этого лавочника, не мог его изменить.

Может, это какая-нибудь мошенническая схема, связанная со страховкой? Мог ли лавочник создать подделку и изменить свои записи, сохранив настоящую маску в запасе, возможно, для теневого покупателя?

Переодевшись в пижаму, Крона укрылась старым, обшарпанным одеялом и быстро заправила многочисленные косички под ночной колпак. В следующий момент ее голова упала на подушку, и она заснула крепким сном, каким не спала последние несколько недель.

* * *

Скрип металлических петель двери разбудил Крону, и свет из кухни хлынул внутрь, когда Де-Лия отдернула занавеску.

– Вставай, – приказала она, и Крона проснулась.

Яркий образ дома их детства тихо уплыл из памяти Кроны.

– В чем дело? – сонно спросила она.

– Прибежал гонец из участка, говорит, произошло убийство.

Сонный разум Кроны никак не хотел просыпаться. *Не мой отдел*, промелькнуло у нее в голове, но потом до нее дошло.

– Похоже, что в дело пошла работа маска Хаоса Шарбона?

– Да.

Уже.

Она отбросила одеяла, бормоча проклятия. Конверты Тибо волной снесло на пол. В спине у нее резко кольнуло и глухо запульсировало, когда она попыталась сесть. Ладонь стала скользкой от крови. Шов держался, но старая целительница не закрепила нижний край раны.

Увидев кровь на простынях, и не там, где ее можно было время от времени заметить, Де-Лия вздрогнула в нетерпеливом раздражении.

– Что это? – резко спросила она, бросаясь вперед, чтобы поддержать сестру за здоровое предплечье. – Ты ранена.

Не дожидаясь объяснений, она уложила Крону на живот. Красное пятно пропитало ночную рубашку, окрасив в рубиновый оттенок некогда светло-розовые цветочки, разбросанные по ткани. Хлопок сильно прилип к коже и сначала не хотел отставать, когда Де-Лия тянула за него.

– Это произошло не на Юбилее…? – спросила Де-Лия.

– Нет. Я… – Крона вздрогнула, когда Де-Лия задрала ее пижаму – частично из-за боли, но больше из-за смущения. Она больше не была маленькой девочкой, к которой мог приставать требовательный старший брат. – Это… Тибо попал в переделку…

– Больше ничего не говори.

Это было скорее требование, а не дежурная фраза. Она не хотела слышать о «криминальном друге» Кроны – ее любимая пренебрежительная фраза. С резаной раной она вполне могла поладить, как бы ужасна та ни была. Справиться с раной обычно просто, и сама по себе она не подразумевала моральных последствий. Однако то, как кто-то заполучил такую рану, говорило о многом. И эта рана напевала мелодии, которые Де-Лия не хотела слышать, для песни, которую не стоило сочинять.

Официальные санкции в отношении связи Кроны с Тибо были ни к чему. Регуляторы, конечно же, не должны общаться с фальсификаторами, торговцами на черном рынке или мошенниками и им подобными, независимо от возможных тактических преимуществ. Но Де-Лия обычно закрывала глаза на «необдуманные» действия Кроны, если Крона сама не размахивала доказательствами этих действий под носом у сестры.

– Как вышло, что Уткин зашил только половину раны?

– Я воспользовалась песком спасения. И это был не Уткин, а мадам Ска-Дара снизу.

– Тебе следовало вернуться в участок.

– У меня не было сил.

– Ты должна думать о себе.

Крона приподнялась на локтях.

– Ну, конечно, а ты думаешь о себе?

– Вы ссоритесь? – послышался из кухни голос Асель.

– Все в порядке, мама, – ответила ей Де-Лия, поднимаясь с кровати Кроны и покидая закуток.

Стиснув зубы от резкой пульсации в спине, Крона уронила голову на подушку. Она была благодарна Де-Лии за ее благоразумие. Асель лучше не знать об определенных аспектах их жизни, и особенно о травмах.

Если их мама могла притвориться, чтобы не видеть ран, она притворялась. Когда Крона росла, то ее оцарапанные колени и ушибленные пальцы на ногах лечила Де-Лия. Если случалось что-то более серьезное – что-то, что могло напомнить ей о муже, который свалился на полу кухни с вырванными внутренностями, – Асель реагировала очень остро, и последствиями могли быть ужасны. Еще хуже было то, что она не выносила вида крови. Если бы Асель увидела колото-резаную рану Кроны, Де-Лии пришлось бы сидеть около нее и приводить ее в чувство, а не оказывать помощь Кроне.

После краткого банального разговора с Асель, Де-Лия снова появилась в комнате с бутылкой виски в одной руке и средствами первой помощи в другой.

– Ты все равно должна показаться мастеру Уткину, поняла? – сказала она. – Но это поможет тебе продержаться.

Она щедро плеснула на рану из бутылки, чтобы очистить от крови и песка. Крона прикусила ткань подушки, выгнув спину. Щипало сильно, и она сквозь зубы выругалась. Де-Лия сочувственно похлопала ее по плечу.

Де-Лия была опытным специалистом, с нежными умелыми пальцами, и она часто помогала сортировать раненых в поле. Здесь, дома, она обрабатывала рану Кроны так же быстро, как и в парке, и среди мусорных баков в переулке.

Как только Де-Лия остановила кровь и закрыла рану, она, в качестве окончательной меры, наложила повязку, обмотав Крону бинтами, создав постоянное давление на порез.

– Готово, – ровно заявила она. – Как я справилась?

Крона, полностью выпрямившись, повернулась в одну, потом в другую сторону, проверяя повязку.

– Ну, так сильно не вертись, – упрекнула ее Де-Лия. – Я не целитель, и это ненадолго.

– Спасибо.

Де-Лия грустно улыбнулась сестре, убрав упавшую спиральку косички со лба и заправив ее за ухо Кроны.

– Не за что. А теперь… – она игриво хлопнула себя по колену, вставая, чтобы внести в каморку завязанный бечевкой узелок. – Смотри. Достала тебе из резерва. Возможно, потребуется ушить, но пока сойдет.

Это была новая форма. Крона не могла ходить с разорванным рукавом, а теперь еще и боком. Регулятор должен выглядеть совершенным – внушительным и достойным.

– Одевайся. Нам нужно идти, пока следы не остыли.

– Подожди, а что там с мартинетами? – спросила Крона, когда Де-Лия повернулась, чтобы уйти.

– Меня будут судить, – спокойно сказала она. – А приговор будет зависеть от того, как быстро мы сможем вернуть маску и камень с отчаянием. И от того, сколько ущерба они причинят за время их поисков.

– Ты поспать успела?

– Немного.

Она провела рукой по щетине на голове, избегая встречаться глазами с Кроной. Она солгала для краткости: им надлежало выдвигаться на место преступления, и времени для споров не было.

– Пожалуйста, поспеши.

– А который час?

– Поздний. Ближе к вечеру.

Де-Лия задернула занавеску, уходя.

Кроне хотелось, чтобы у нее было время, чтобы хотя бы обтереться губкой, но она просто натянула ботинки и заплела косы. Бросив быстрый взгляд на повязки, она убедилась, что кровь почти не сочится. Значит, она готова к работе. Сестры поцеловали мать и вышли на улицу.

* * *

Луи Шарбон был убийцей. И это ему нравилось.

Рядом с телами всегда появлялась одна из вариаций надписи *«Смерть – это искусство»*. Иногда он писал *«Смерть – это Абсолон Рауль Тремо»*, делая сильный акцент на инициалах[12] спасителя. Иногда надпись была выполнена чернилами, иногда кровью, иногда чем-нибудь похуже. Он превращал своих жертв в то, что он называл «цветами» – отвратительные пародии на распустившиеся соцветья – распластанные, рассеченные с ужасающими подробностями.

После двенадцатой жертвы его схватил Дневной дозор. До самой петли он кричал о необходимости анатомировать, о существовании некоего заговора, о неотвратимости кары богов.

Шарбон не был самым плодовитым убийцей Лутадора, но был настоящим чудовищем. Ничто не может остановить человека, который не просто оправдывает свое насилие, но и считает его воплощением добродетели.

Когда Дозор повесил его, «праведные» убийства должны были закончиться навсегда.

Никто не знал, *как* древатору Эрику Матиссу удалось создать посмертную маску Шарбона. Но *почему* он ее создал – было очевидно и вызывало омерзение.

Только один человек умел так резать тело. Знал, где его сломать, где согнуть и как переплести, чтобы оно больше не было похоже на человека, а стало похоже на красивую розу, хрупкую ромашку или замысловатую орхидею. И только столь же изломанная психика могла захотеть сохранить эти знания для последующего использования.

Он был мертв уже десять лет. Но теперь Шарбон снова вышел на охоту.

Когда они добрались до заброшенного склада, Крона на мгновение притормозила, чтобы собраться с силами и подойти к телу.

Она работала с артефактами. Большинство дел, которые она расследовала, были простыми и незамысловатыми – артефакт следовало найти и вернуть. Иногда ситуации завершались насилием. Иногда умирали люди. Но ей никогда не приходилось смотреть на кого-то, чьи внутренности вывернули наизнанку.

К счастью, на тело бедняги была натянута тяжелая черная простыня смерти. Но запах она не скрывала. Жертва была достаточно свежей, и мухи пока не добрались до ее плоти, так что Кроне не приходилось противостоять зловонию – пока в воздухе витал лишь легкий аромат гниения.

На ближайшей стене было начертано ожидаемое сообщение: *«Смерть – АРТ – ИСКУССТВО»*. Но, к сожалению, в этот раз имелось продолжение, и это тревожило. Чуть ниже слогана убийцы более мелкими каплями крови было выведено еще два слова, вызывающих приступ тошноты: *«Истина грядет»*.

Крона глубоко вдохнула, когда страж Дневного дозора на мгновение сдернул простыню, чтобы позволить Регуляторам собственными глазами увидеть, что это действительно цветок.

Когда она увидела его, то подумала, что это не внутренности, а тигровая лилия. Красновато-пурпурные лепестки тянулись вверх и изгибались изящными дугами, а из центра цветка к потолку склада поднимались пестик и четыре тычинки, все – темно-коричневого цвета.

Но красота поразила ее лишь на мгновение, на один только миг, а потом до нее дошло, что действительно лежало перед ней. Лепестки были вырезаны из вскрытого живота жертвы, а пестик и тычинки – ее конечностями, торчащими вертикально вверх из центра окровавленного туловища, а ладони и стопы вяло повисли, имитируя пыльники. Где-то подо всем этим, поддерживая цветок, расположенный под углом для демонстрации, изображая цветоложе, находилась голова без лица – с него он содрал кожу, чтобы человека нельзя было опознать.

В ней вскипели тошнота и гнев, смешиваясь вместе, отчего в груди стало горячо, а челюсти сжались под шлемом.

---

[12] Абсолон Рауль Тремо – АРТ, *англ.* ART – искусство.

Кто мог совершить такое? Какие должны быть у человека руки, чтобы увековечить такое насилие? Какая должна быть у него душа? Чтобы смотреть на другое человеческое существо и думать: *«Хочу его сломать»*?

Она представила себе человека в гладком цилиндре, шагающего по темным улицам, стуча серебряной тростью по камням. Мимо шла женщина, застигнутая врасплох в такой час, когда должна была находиться дома со своей семьей. Мужчина посмотрел ей вслед, глаза его засияли, и на лице появилась улыбка. Его острые резцы блестели в свете газа, вспыхнув, как острые лезвия, когда он повернулся, чтобы уничтожить ее.

Так хищник преследует свою добычу.

Дрожа, Крона присела, изучая красные и пурпурные линии жертвы, отмечая, как точно они согнуты и сломаны. *Да, это лепестки,* заметила она, *а это пестик, это тычинки… Но что это?*

Шарбон был известен тем, что использовал все тело, чтобы сделать цветок. И все же какой-то части не хватало. Сбоку лежала небольшая кровавая куча.

Де-Лия опустился на колени рядом с Кроной. Подняв стеклянные лицевые щитки вверх на шлем, сестры посмотрели друг на друга. И во взгляде каждой читались и жалость, и решимость – поровну.

– Как ты думаешь, что это там, на руке? – спросила Крона, указывая на вялые запястья.

– Да, я тоже это заметила, – сказала Де-Лия. – Разрез в центре ладони. След от толстой иглы?

– От броши с камнем отчаяния? Или след от укола?

– Возможно. Сволочь, – она хлопнула Крону по плечу, прежде чем поднялась. – Мы его достанем.

Они снова закрыли лица щитками.

– Мы пока еще не знаем, что это, – сказала одна из стражей Дневного дозора, женщина, указывая на часть, не включенную в цветок. – Как только тело осмотрит эксперт, мы поймем, что он удалил.

Тело нашел десятилетний мальчик. Он часто играл в этом месте, потому что здесь не было людей, только голуби. Но сегодня он услышал голоса.

– Он видел двух мужчин, – продолжила член Дозора. – Один был в маске. Вот почему мы послали за вами.

Она привела регуляторов к месту, где сидел ребенок, скрестив лодыжки, у подножия сломанной лестницы.

Здание было ветхим, как и большинство строений этого района. Регуляторы ласково называли его «анти-районом» севера. Все стекла из окон давно вынули для других целей, дверей не было, а штукатурка на стенах отслаивалась, как шелушащаяся кожа.

Рядом с мальчиком находился другой страж Дозора, мягко держал его за руку и тихо разговаривал. На светло-коричневом лице мальчика виднелись следы слез. Когда ребенок заметил регуляторов, он вскрикнул, как от боли, дернулся и попытался убежать. Сегодня он видел уже столько ужасов, что вида фигур, надвигающихся на него, как из ночного кошмара, не выдержал.

Страж взял его покрепче.

– Они тебя не обидят, – прошептал он.

– Эй, привет, – мягко произнесла Крона и уже хотела снять шлем, чтобы показать ему, что она всего лишь человек и у нее есть лицо.

– Де-Крона, – предупреждающе сказала Де-Лия.

– Он не станет разговаривать с нами, если мы будем в шлемах, – парировала она. – Мне жаль, что тебе пришлось это увидеть, – начала Крона, встав на колени и отложив шлем в сторону, вишнево-красный лицевой щиток щелкнул, захлопнушись. – Как тебя зовут?

Ребенок уткнулся лицом в собственное плечо, все еще хватаясь за руку стража. Крона еще несколько раз мягко обратилась к нему, заверила, что не обидит, и попросила повторить, что он уже сказал Дозору. И мальчик наконец осмелился взглянуть на нее своими большими карими глазами. Де-Лия стоически держалась рядом.

– Как тебя зовут? – попробовала Крона еще раз.

– Э-Эстебан, – почти всхлипнул он.

– Ты можешь рассказать нам, как выглядели мужчины, Эстебан?

– Эта маска, она была жутко страшной, – выпалил он. – У нее были кругом огромные рога – шесть, и огромный черный язык, и острые клыки. Разные – синие, оранжевые, красные, пурпурные и желтые. И белые.

– А о человеке в маске ты что-нибудь можешь сказать?

– Он был высокий… – сказал он неуверенно, швыркая носом. – Не такой высокий, как вы. Может, он был невысокий. Но у него был сильный голос.

– Громкий?

– Нет, не знаю. *Сильный*. Как будто он считал, что то, что он говорит, очень важно.

– Что он сказал?

Эстебан опустил глаза и пробормотал:

– Ерунду всякую про Пятерых.

Де-Лия скрестила руки, словно в нетерпении. Она никогда не умела обращаться с детьми.

– И?

– Моя мама говорит, что только недоумки верят в Пятерых, и я не собираюсь говорить о них.

Он втянул щеки, как будто ему пару раз дали по губам именно за это.

Крона поежилась, но сдержала раздражение в голосе. Атеизм был новой модой. В последнее время стало модным считать людей одинокими и покинутыми. Так думала и высшая аристократия, и низшие слои общества.

Они заявляли, что магия – это естественное явление, как гравитация. И что никакие разумные существа не размещали ее на краю – она просто *была* там. Говорили, что свитки были написаны вовсе не рукой Абсолона и что, возможно, Абсолона даже не существовало. Некоторые свитки были подделаны, это правда, но говорили, что подделаны все свитки. А Великое пришествие? Просто миф о сотворении мира, способ для первых людей объяснить непригодные для жизни условия за краем Долины. Сама Крона чувствовала себя оскорбленной за такое легкомысленное пренебрежение.

– Мы не будем говорить о богах, только о человеке в маске. Нам нужно знать, что он сказал, чтобы поймать его. Если ты расскажешь, о чем он говорил, тебя за это не накажут.

В стропилах ворковали голуби, будто выражая свой скептицизм.

Вытирая нос, Эстебан продолжил:

– Он сказал, что Пятеро рассердились, и поэтому ему нужно избавиться от людей, которые их рассердили. И что он должен показать людям красоту. И что-то еще, типа чтобы оправдаться перед женщиной, потому что ему жаль. Или что-то такое. Он хорошо говорил – ну знаете, правильно. Как говорят богачи. И на руках у него были белые перчатки. Но я не видел… Больше я ничего не знаю.

Ребенок замолчал.

– А второй человек? – спросила Де-Лия.

– Белый. Бледный, как мука. Но я не видел его лица. И он был в черном плаще. Я не… – губы у него задрожали. – Я правда ничего не видел. *Я не знаю.*

Крона похлопала его по колену, и Эстебан рванулся вперед, обняв пухлыми руками ее широкий наплечник.

– Я хочу домой, – всхлипнул он, уткнувшись ей в плечо.

То, что он видел, ему уже не забыть, сколько бы *эмоциаторов* не тыкали в него своими иглами и не впрыскивали желе. Они могли убрать ужас или отвращение – заглушить травму, но с его наивностью было покончено навсегда.

Без колебаний она обняла его, заставив стража отпустить.

– Мы отвезем тебя домой. Страж отвезет тебя домой.

Подняв его на руки и отойдя от ступенек, она отнесла его к двери, где стояла стражница, с которой они говорили. Страж проводил их. Когда Эстебана отправили домой, Крона вернулась к Де-Лии, которая ползала по грязной земле, пытаясь обнаружить то, что, возможно, упустил Дозор.

– Он хорошо говорил, – отметила Крона. – Может ли человек в маске быть из знати?

– Трудно сказать, – Де-Лия ударила ногой по упавшей балке, наполовину изъеденной гнилью, и из нор повыскакивали черные жуки.

– Нам нужно заглянуть в прошлое Шарбона. Тогда мы сможем понять, что намерен сделать нынешний убийца, используя маску.

– Он намерен сеять ужас, раздор и хаос, – прямо сказала Де-Лия.

– Но разве он не мог сделать это сам по себе? Зачем ему маска? Мы ничего не узнаем, пока не поймем, что для него значит *Шарбон*. По крайней мере, это может помочь нам угадать, когда, где и кого он убьет следующим.

Теперь она представляла себе не жертву, преследуемую на улице, а то, что она убийца *в маске*. Как эхо Шарбона может повлиять на мозг? Она боролась со многими и многими эхами, имела дело с жестокостью, бессердечием и отчаянием. Но эхо человека, который умел делать такое? Сотворить *такое* из человеческого существа? Человека, настолько злонравного, что его маску даже нельзя было оценить по утвержденной шкале?

Встреча с ним должна была походить на встречу с варгом. Беспричинное насилие, кровавая бойня, пусть даже только психологическая.

А потом последствия…

Она вздрогнула, уверенная, что это будет ад. Возможно, даже для такого опытного специалиста, как она.

– Кого он убьет следующим… – повторила Де-Лия.

«Истина грядет» витала в воздухе между ними, как уродливый, раздутый от крови комар.

– Но у нас есть жертва. И у нас есть твой фальшивый варг, – сухо сказала Де-Лия. – Разве не важнее узнать, кто они? Вместо того, чтобы гоняться за призраками?

– Мы не можем сбрасывать со счетов роль маски. Я знаю, что хотят эха. Я знаю, что они хотят идти теми же тропами, какими они ходили в жизни. Если убийца в маске не сможет подавить Шарбона, маска поглотит его. Желания Шарбона станут его желаниями – возможно, именно на это он и надеется – перевоплотиться в Шарбона. Я бы предсказала… – она прикусила язык.

Де-Лия пристально посмотрела на Крону.

– Богиня Времени запрещает гадать. Ее путь устойчив и тверд, разве нет?

– Это не гадание, – резко сказала Крона. – Совершенно логично предположить, что кто-то может вести себя так же, как и раньше.

– И ты считаешь, что, если мы раскроем мотивы Шарбона, то быстрее вернем магические предметы?

– Да.

Де-Лия вздохнула.

– Прекрасно, – сказала она, но слово неохотно сорвалось с ее губ. – Но ты должна признать, что твой не-варг – более весомый аргумент.

– Он пришел в себя? – спросила Крона.

– Я не знаю, – ответила Де-Лия, разочарованно скользнув руками в черных перчатках по лицевому щитку. – Когда я уходила домой сегодня утром, он был без сознания. Но почему бы тебе самой не выяснить. – Де-Лия замолчала. – Или ты хочешь, чтобы его допрашивал кто-то другой? Ради *его* же блага?

Крона напряглась. Она регулятор, черт возьми. И она в состоянии контролировать себя – он выживет после допроса.

– Нет. Я сама. Сначала разреши мне сходить в Городской архив, собрать все, что можно на Шарбона, и принести материалы в участок. А затем я допрошу пленного. *Сама*.

На мгновение Де-Лия уставилась на нее, неподвижно, как статуя. Крона хотела бы видеть ее лицо, расшифровать выражение ее лица. Но через миг Де-Лия расслабилась и пнула балку еще раз.

– Не тяни слишком долго. Если он пришел в себя и у него все в порядке с головой, мы не можем заниматься ерундой.

Конечно, подумала Крона, *ведь это приведет к новым смертям. Все, чего хотел Шарбон – это терроризировать и мучить, и мы не можем позволить ему сеять хаос снова и снова.*

Глава 11
Луи

Одиннадцать лет назад
Котерия Одинокого маркиза, полдень

Луи Шарбон хотел только одного – любви. Он хотел, чтобы она была преданной, чтобы она была постоянной и чтобы она была рядом. И все это у него было. Тепло улыбок дочек, жар рук жены и сдержанный лепет новорожденного сына.

Всякий раз, когда его семью настигали неприятности – а они случались, – они происходили не из-за страха, жестокости или апатии, а из-за недостатка воображения. Шарбон считал, что мир хорош и, в конечном итоге, справедлив, независимо от несчастий, произошедших в тот или иной момент времени.

Чего он не замечал, так это того, что тьма реальна, что злодеяния опираются на нечестивые аргументы, и это было его самым большим недостатком.

И Уна часто ему говорила об этом.

– Этот мальчик украл твои часы, – сказала она ему вчера, когда они выходили из ворот котерии в толпе прихожан. – Ты не должен был давать ему пятиминутник.

– Если он взял часы, значит ему они нужны больше, чем нам.

Она ласково улыбнулась ему, прижимая к груди младенца, закрывая маленькое тело от окружавшей их толпы. – Ты слишком добрый, Луи. Просто сплошная сладость.

Шарбон потянул дочерей за руки – младшую Надин за левую и старшую Габриэль за правую – и весело приподнял их, перенеся через порог. Габриэль была уже слишком большой для таких маневров.

– Когда ешь много сладостей, болят зубы, – возразил он. – А я просто заставляю людей широко улыбаться.

– У кого-то хорошее настроение, – заметила Уна.

Конечно, он был в прекрасном настроении. Это была первая прогулка их маленького мальчика. Сегодня они объявят его имя.

Город Лутадор был построен на месте разветвления реки Праан – там, где она устремляет свои воды к югу от Марракева, образуя два водных потока Сэнгмён и Життя, а затем снова объединяется с ними, миновав границу Асгар-Скана. Зажатые в объятиях воды южные районы Лутадора были равнинными: юго-западные части представляли собой заболоченную пойму, а на юго-востоке раскинулись плодородные сельскохозяйственные угодья. Далее к востоку и западу равнина переходила в холмы, вздымающиеся все выше и выше. Холмы возвышались над реками, образуя устрашающие крутые обрывы. В этих отвесных каменных утесах когда-то располагались форты и военные заводы. Теперь же они представляли собой центр, в котором кипела политическая жизнь и проживала знать. Дворец Великих маркизов находился в самой высокой точке на западе, а вниз по склонам холмов спускались разнообразные особняки и элегантные дома поменьше – вплоть до границы с собственно городом.

Именно здесь – где проходил водораздел между родовитыми и простыми гражданами, между утонченной роскошью и муниципальной каторгой – молилась семья Шарбона.

Луи это вполне устраивало. Как представитель более мелкой знати с хорошим финансовым положением, он и его семья имели полное право посещать котерии, расположенные выше по холму, подальше от простых граждан города-государства. Но ведь он выбрал жизнь хирурга. И штопал раны и простолюдинов, и дворян в равной степени, обнаружив, что под ножом все они одинаковы.

Вход в тщательно обнесенный стеной комплекс Котерии одинокого маркиза выглядел сюрреалистично, как и должен был выглядеть. Эта котерия была старейшим и одним из первых зданий в Лутадоре. Котерия видела, как окружающие земли превращались из деревни в военную базу, затем в город и в мегаполис, но по-прежнему сохраняла свое древнее, хотя и мрачное, очарование. Все деревянные сооружения, представлявшие храмы божеств, были построены из цельного дерева, залитого таким количеством тяжелой старой смолы, что постройки казались черными – будто обожженными.

Все убранство было выполнено в марракевском стиле – с резными рельефами, изображающими бегущих по тундре лося и кролика; одежды статуй божеств украшены кусочками меха, несмотря на в целом умеренный климат Лутадора. Каждый храм был увенчан двускатной крышей типа *иримойя*, которые можно увидеть и в других местах города.

Единственными современными элементами были колокольчики-ветроловки, сделанные из желтых и зеленых прямоугольников цветного стекла, которые свисали с каждого выступа: с желобов, с ветвей деревьев на центральной аллее, с парапета внешней стены и контрфорсов во внутренних святилищах. Они издавали пронзительный звон при каждом дуновении ветра – каждый звенел сам по себе, но все вместе они звучали, будто неблагозвучное пение птиц или стрекотание насекомых.

Сегодня дым благовоний был густым, и Шарбон велел своим девочкам прикрыть носы. Если дым окрасил внешние балки здания в цвет смолы, во что же он превратит внутренности человека?

Взявшись все вместе за руки, семья направилась в Храм эмоций. Ребенок тихо вздохнул, вцепившись в кулон, крепко прижатый к ключице Уны, и Шарбон нахмурился. Он всегда скептически относился к драгоценным камням с эмоциями – ему не нравилось, когда его чувства подвергались изменениям, и при этом он не знал, что чувствует по отношению к ребенку не старше трех месяцев, испытывающему эмоции, которые он еще не в состоянии сформировать самостоятельно.

Он откашлялся и кивнул. Уна все поняла, тут же взяла ручку младенца и осторожно убрала ее с перидота с огранкой «кушон». Мальчик мгновенно забеспокоился, но она нежно заворковала ему в ушко, гладя рукой по тонким прядкам на почти безволосом затылке.

Шарбон не досадовал на Уну, что она носит камень восхищения и успокоения. Многие из мужчин и женщин вокруг них были в похожих украшениях, и сквозь низко нависшую дымку то здесь, то там вспыхивали их кислотно зеленые отблески. У человека, шедшего в толпе перед ним, в левом ухе тоже была сережка-гвоздик с перидотом. Еще один шел с целым комплектом инкрустированных серебряных браслетов, которые звенели при каждом шаге.

Среди толпы особенно выделялась одна женщина – мадам Дома. На ней было надето целое колье, сплетенное из золотых нитей, с перидотом размером с гальку. Вокруг горла сверкало сто камней, напоминающих зеленоватый жемчуг. Она была склонна к вспышкам экстаза во время чтения свитков, и ее часто переполняло чувство восторга и божий промысел, дарованные магическими драгоценными камнями.

Как только его семья вошла в Храм эмоций, Шарбон кивнул укутанным в одежды жрецам Непознанного, державшим одну из древних деревянных дверей распахнутой.

В тот момент, когда он переступил порог, из дворика раздался крик:

– Помогите! Кто-нибудь. Моя жена – нам нужна помощь! Нам нужен целитель.

Обе девушки отпустили его руки и схватились за юбки Уны. Они хорошо знали папины привычки.

Он снова протиснулся наружу, к кругу из камней в центральном внутреннем дворике, где возвышался Храм Пятерых.

У основания каменного круга на траве распростерлась молодая женщина в длинном черном платье. Юбка была задрана выше середины бедра, обнажая длинную рану на ноге. Она

съежилась от страха и вцепилась в свои золотистые волосы, в то время как седеющий мужчина с густыми бровями пытался остановить кровотечение своим платком.

Рядом с женщиной уже преклонила колени другая целительница, госпожа Ада.

– Давайте я посмотрю. Вам придется пустить меня, месье, иначе я ничем не смогу ей помочь.

– Я упала на камень, – сказала женщина, указывая на один из гранитных выступов.

Шарбон узнал пару – он и раньше видел их на службах, хотя никогда с ними не разговаривал. Он – уважаемый чародей, она – его молодая жена, едва достигшая совершеннолетия (если верить слухам). Такой муж легко мог быть отцом своей жены, но Шарбона это не касалось, и он считал, что это вообще никого не должно волновать.

Но когда Шарбон приблизился к месту происшествия, в голове его бродили совсем другие слухи – слухи о здоровье женщины. Говорили, что она не совсем здорова. В очень юном возрасте она находилась в приюте для безумцев, но *почему* она там оказалась, никто не знал – об этом оставалось лишь догадываться. Ходили слухи, что она прибегала к насилию и приводила домой, в семью, опасных людей. Еще говорили, что она страдает видениями и слышит голоса.

Когда окровавленный платок соскользнул в сторону, обнажив порез, взгляд Шарбона сузился. Разрез был слишком глубоким, чистым и прямым – навряд ли это была рана, полученная при падении на камень. И на плите, на которую она указывала, не было пятен крови.

– Выглядит не очень, милая, – проговорила госпожа Ада. – Придется накладывать швы. Надо везти вас в хирургию.

– Не нужно никуда ее везти, – сказала Уна, подходя к Луи.

Маленькая Надин протянула отцу кожаный чемоданчик. Внутри лежал набор хирургических инструментов, которые Уна часто носила с собой на всякий случай.

Он потрепал Надин по голове, не сказав ни слова. Он все еще пытался переварить несоответствия на месте происшествия. Зачем женщина утверждает, что поранилась при падении, если это не так?

Удачных ответов на этот вопрос не нашлось.

Покосившись на ее мужа, он опустился на колени рядом с двумя женщинами. Пожилой мужчина выглядел искренне обеспокоенным и сбитым с толку.

Скорее всего, причина ее «падения» – не он.

Но в толпе был еще один человек, который пристально наблюдал за разыгравшейся сценой, только его внимание, казалось, вызвано интересом, а не заботой о благополучии женщины. Он и она встретились взглядами лишь на миг.

Шарбон знал этого человека. Эрик Матисс, чародей, как и муж женщины. Одну руку он всегда держал в кармане или напряженно прижимал к себе, как деревянный брусок. Он был древатором, но особых заслуг не имел, хотя слыл талантливым мастером. Просто некоторое время он провел «в отдаленных местах». Некоторые говорили, что в тюрьме для должников.

До этого момента Шарбон и представить себе не мог, сколько сплетен циркулирует в стенах котерии.

Что-то во всей этой ситуации казалось неправильным, с учетом слухов или без них. Если Матисс или муж женщины, или *кто-то еще* намеренно ранил ее, вряд ли она сказала бы правду в их присутствии.

– Можем ли мы перенести вас в более уединенное место, мадам?

– Фиона, – пропела она. – Мадам – это для старух.

Ее муж глубоко нахмурился, но ничего не сказал.

– Фиона, – снова начал Шарбон, – вы позволите перенести вас в другое место, где не будет столько зрителей? – он искренне кивнул ей, предлагая защиту от человека, из-за которого она солгала.

Фиона практически не смотрела на госпожу Аду, зато ее взгляд снова нашел Матисса. Она скривилась, задрала юбку повыше – подальше от раны – и посмотрела на Шарбона.

– Конечно. Все, что сочтете нужным, месье.

– Я не смогу ее поднять, – строго сказала Ада.

Шарбон подсунул руки под Фиону. Совсем бесплотной она не выглядела, но и тяжелой не была. Она мягко обвила руками его шею, провела пальцами по длинным прядям волос на его затылке. Он озадаченно взглянул на нее, когда она слегка впилась ногтями ему в кожу.

Один из жрецов Непознанного предложил, что целители могут отнести ее в общежитие за пределами котерии. Муж хотел пойти с ними, но Шарбон настоял на том, чтобы он остался. Помимо разницы в возрасте, Шарбон не слышал ничего особенно неприятного об их отношениях. Но хороший целитель знал, когда нужно задавать определенные вопросы и держать в уме определенные подозрения.

Он и Ада уложили ее на прочный деревянный обеденный стол в доме. Как и все остальные постройки, это здание тоже было старым. В нем размещалась большая кухня и столовая в передней части, а в задней части – зал с двухъярусными кроватями, где жили жрецы.

Ада подошла к плите, чтобы вскипятить воду, пока Шарбон готовился накладывать швы.

– Вы ведь не на камень упали, – тихо прошептал он. – Что произошло на самом деле?

– Ну разве не умник? – ответила она, самодовольно скривив губы.

Лежа на столе, Фиона выгнула спину и раздвинула ноги, приподняв юбку.

Шарбон изо всех сил старался не смотреть под юбку ради нее же, но, похоже, именно этого она и хотела. Она погладила его запястье, когда он взялся за бедро, чтобы осмотреть рану, и приложила большой палец к его пульсу. Он помедлил и скептически взглянул на девушку. Ее зрачки расширились и выглядели большими и круглыми под трепещущими ресницами. Она приоткрыла губы и многозначительно высунула язык.

Он сухо сглотнул, пытаясь оставаться профессионалом, несмотря на ее неподобающее поведение.

– Мадам, я не знаю, что вы… – слова замерли у него на языке, когда он увидел ее другую ногу. На ней была черная кружевная подвязка, но не та, которую используют, например, для чулок, а специальная – для возбуждения, инкрустированная черными камнями. Оникс.

Если они заряжены магией, то это камни похоти. Он отдернул руку, как будто обжегся. Любой прямой контакт между драгоценными камнями и кожей заставил бы его кровь вскипеть.

– Что произошло? – твердо спросил он. – И зачем вам надевать такие вещи в котерию для молитвы? Как… кто вас порезал?

– Ты же починишь меня, Луи? Тебя же зовут Луи, правда?

– Шарбон. Мсье или мастер Шарбон.

От тона, которым она произнесла его имя, щеки и шею его полыхнули еще больше, чем от скрытых под платьем камней похоти.

– Он сказал, что ты меня починишь. И они тоже говорили.

– Кто? О чем вы говорите?

Она выглядела вполне здравомыслящей. Как бы ни воздействовали на нее камни похоти, в них залючалось маловато эмоций, чтобы подавить здравый смысл.

– Зашей мне ногу так, чтобы не осталось шрама.

– Я не могу гарантировать…

Она приподнялась на локте.

– А почему ты думаешь, что я не споткнулась о валун?

– Это явно ножевое ранение. Кто вас порезал? Муж? Матисс?

– Люди говорят, что вы хорошо знаете человеческое тело, – она многозначительно подвигала бедрами. – Это правда?

– Да, я хорошо знаю анатомию, – коротко ответил он.

Такие вопросы ему обычно задавали перед тем, как предъявить обвинения.

– Некоторые люди ставят под сомнение методы, которые я использую для обучения или для анатомирования, но я все делаю в интересах исцеления…

– Значит, ты знаешь, где все находится? Каждый орган? Каждая кость?

– Да.

– И ты режешь людей, чтобы это выяснить? Ты извлекаешь тела из песка, чтобы изучать их?

Из раны на ее ноге все еще текла кровь. Он попытался сосредоточиться на этом, чтобы не слышать всех голосов – воспоминаний о них, витающих в голове. Голоса называли его исследования «больными» и «извращенными» и при этом не брали в расчет жизни, которые он спас на основании своих знаний, предположительно полученных нечестным путем.

– Мои эксперименты проводились на трупах, все семьи соглашались, – *почти, почти все*. – Я не сделал ничего плохого.

– Конечно, нет, – сказала она, садясь и дотрагиваясь до его щеки. – Но только не в глазах закона.

Он отступил от стола. При каждом ее движении в его груди завязывался неудобный узел. Дыхание становилось поверхностным и частым, но он заставил легкие работать в устойчивом медленном ритме.

– Я понимаю, – сказала она торжественно. – Ты делал то, что считал должным, что другие отказывались делать. Только для того, чтобы стало лучше.

– Стало лучше, но не мне, – сказал он мрачно и, вздохнув через нос, продолжил: – *Кто вас порезал*?

– Я хотела познакомиться с тобой, – сказала она, не смущаясь под его пристальным взглядом.

Что она хотела этим сказать… Она *сама себя* порезала?

– Есть другие, более верные пути, мадам.

– Мне нужна была проверка, – Фиона подмигнула ему и снова легла. – Но ты ее пока не прошел.

– Не прошел…?

Шарбон не закончил фразу, потому что сбоку подошла Ада и принесла кастрюлю с горячей водой, чтобы промыть рану Фионы и убедиться, что инструменты продезинфицированы.

Легким движением запястья Фиона прикрыла подвязку из камней похоти, дернув уголками губ, будто говоря Шарбону, что это *их маленький секрет*.

Шарбон быстро обработал порез, но не стал жертвовать умением ради скорости. Каждый взмах ресниц и закусывание губ Фионы каким-то образом отражались в его теле – будто он шил себя, а не ее. Его одинаково раздражали и ее гладкая кожа, и грубая ткань юбок. Он хотел как можно скорее вернуться к Уне и забыть про этот тревожный разговор.

Она испытывала восторг, наблюдая за его работой, и этот восторг тревожил его. Большинство людей, которых он зашивал, хотели, чтобы и он, и его квадратная челюсть навсегда исчезли из их поля зрения, как можно скорее. Но не Фиона.

– Прекрасная работа, – проворковала она, возбужденно проводя пальцем по шву на ране. – Стежки такие маленькие, такие ровные. Как у портного.

– Шрам останется минимальным, – заверил он ее, убирая свои инструменты.

– Готова поспорить, что практически невидимым, – сказала она с усмешкой.

Ада снова ушла, чтобы вымыть руки. Шарбон смотрел, как она уходит, и прошипел Фионе, когда другая целительница уже не могла услышать:

– Не знаю, какое развлечение вы тут себе придумали, но мне не нравится, когда меня отрывают от семьи, и особенно сегодня. Если с вами что-то сделал Матисс или ваш муж, или

кто-то другой, скажите мне сейчас, чтобы я мог помочь. Если вы не подвергаетесь принуждению и опасности, не беспокойте меня больше.

– Покровитель твоей семьи – бог Непознанного, не так ли? – спросила она, как будто не слыша, что он сказал.

Он впился в нее взглядом.

– Да ладно. Минуту назад ты так хотел мне помочь.

– Как вам может помочь то, что вы узнаете имя моего божества-покровителя?

Она потянулась к нему, чтобы погладить по лицу, но он быстро отклонился.

– Мой драгоценный мальчик, со временем ты все поймешь.

– Вы можете нормально идти? – спросил он, направляясь к двери.

Прежде чем она смогла ответить, он открыл дверь, жестом приглашая ее выйти.

– Я справлюсь, – бодро ответила она, соскользнув со стола и поправляя юбки. Прыгая, как девчонка, она приблизилась и попыталась прижаться к нему. Шарбон отстранился, и она хмыкнула.

– Знаешь ли ты, что между камнями радости, камнями восхищения и камнями похоти может быть незаметное различие в зависимости от того, от кого исходят эмоции?

Горячо выдохнув, она вытянула палец с длинным ногтем и провела им вниз от горла до глубокого выреза его ворота. Он поймал ее руку в тот момент, когда она осмелилась проникнуть под ткань.

– А как насчет камней любви? – спросил он, отбрасывая ее руку.

– Это мне неизвестно.

Подмигнув, она ушла.

Освободившись от ее присутствия, Шарбон закрыл глаза и тяжело прислонился к дверному косяку. Места, которых она касалась, все еще неприятно горели. Он обнаружил, что борется не с искушением, а с отвращением.

Фиона была красива, да, и соблазнительна, но почему-то его затошнило.

Сквозь тело пробежало желание поскорее вернуться к Уне и с благодарностью поцеловать каждый дюйм ее лица.

– Вам нужна помощь, госпожа Ада? – спросил он. – Фиона ушла.

– Нет, мастер Шарбон. Если вы поторопитесь, то еще успеете к началу службы

Он выдохнул тихое «спасибо» и поспешил обратно в котерию. Пройдя через главные ворота, он резко остановился, увидев четыре отчетливые фигуры, слонявшиеся за пределами Храма эмоций. Уна, две его девочки и Фиона.

Раздраженный непонятно почему, он глубоко вздохнул и почесал горло. Почему эта женщина вселяет в него столько беспокойства?

Но как только Фиона повернулась, неловко подскакивая, беспокойство переросло в страх. На руках она держала ребенка и что-то ворковала, наклонившись к его пухлому личику без намека на лукавство, которое Шарбону виделось ранее. Сейчас она источала сплошную невинность.

Но вид сына подстегнул его. Он заспешил, стараясь при этом казаться равнодушным, и большими шагами подошел к женщинам.

– А, вот и мой герой, – сказала Фиона и расплылась в улыбке, увидев его.

Он пытался придать своему лицу такое же беззаботное выражение для спокойствия Уны, но чувствовал, как уголки его рта дрожат от напряжения. Он ничего не ответил и потянулся к мальчику.

– Авеллино – сильное имя, – сказала она, сразу же вернув ребенка.

– Ты сказала ей? – возмущенно спросил он Уну, прижимая к себе Аве.

– Мы же все равно объявим об этом по окончании службы, – ответила жена, пожав плечами. – Она спросила, я не видела причин скрывать.

– У вас прекрасная семья, – вздохнула Фиона. – Дети – это такие… – она замерла, в поисках подходящего слова, и глаза у нее вспыхнули, – *драгоценности*.

– Вам следует поспешить внутрь, – без всякой благодарности ответил Шарбон. – Ваш муж, наверное, беспокоится.

– Мой муж перестанет беспокоиться только тогда, когда я уйду от него в пески, – пошутила она и поспешила прочь.

– Любовь моя, что случилось? – спросила Уна, заметив напряжение в его руках и плечах.

Шарбон весь вибрировал от напряжения. Он был не из тех, кто плохо отзывается о незнакомцах – а молодая женщина была именно незнакомкой, хотя явно пыталась свести знакомство.

– Ничего такого. Все в порядке.

Как только семья вернулась в храм, он попытался найти Фиону взглядом среди сидящих на скамейках. Она сидела впереди, и муж одной рукой крепко обнимал ее. На мгновение она обернулась и посмотрела через плечо, но не на Шарбона. Она поймала взгляд Эрика Матисса, который кивнул.

Жрец Храма эмоций занял место за кафедрой, призывая всех успокоиться. Другие служители Непознанного, закутанные в одежды, которые ранее придерживали дверь, солдатиками вытянулись за ним, и он начал читать свитки.

– Сегодня мы прочитаем выдержку из первого свитка, – сказал он. – Первый отчет Абсолона о нашем сотворении. Об истоках, из которых мы произошли, и о благодати, которая благословляет нас на жизнь.

Шарбон суетился, то скрещивая, то снова разводя ноги, во время чтения отчета, и это было совсем на него непохоже.

Во времена до Аркензира все было бесцветно и сурово.

В самом начале существовал только Тало. Один Тало – и ничего более. Не было ни хорошего, ни плохого. Ни света, ни тьмы. Тало не знал контрастов или противоположностей и потому не мог постичь, что есть правильно и неправильно, что есть боль… или наслаждение. Но Тало существовал, а все остальное – нет. Поэтому он знал о бытии и не знал о небытии.

Он взял частичку ничто и превратил его в нечто. В место. В планету. И населил планету тварями, которые могли двигаться, тварями, которые могли поглощать друг друга, чтобы двигаться дальше, размножаться и распространяться. Ему не надо было создавать их больше, потому что он наделил их возможностью создавать и уничтожать себя точно так же, как мир создавал и уничтожал себя снова и снова, в новых формах и тогда, когда ему было угодно.

Но вскоре он осознал различие. Между знанием и незнанием. Он знал о тварях, а созданные им твари – не знали о нем. И поэтому Тало сотворил первое божество – Знание, которое, в отличие от тварей, нельзя было уничтожить и создать заново. Его невозможно было расщепить и поделить на части. Знание знало, что существует Тало, но Знание считало, что оно – не Он.

Знание видело, как твари пожирают друг друга, не чувствуя ничего. Как их тоже пожирают, не чувствуя ничего. Как они без конца рвут друг друга на части, вспарывают, разрушают и не чувствуют ничего. И Знание, зная все это, осознало, что в мире чего-то не хватает. Эмоции. Поэтому Знание умолило Тало создать еще одно божество.

Эмоция родилась с плачем, как рождаются все живые существа. Вспышка света и громкий крик возвестили о рождении Эмоции из ничего.

Тало намеревался сделать Эмоцию такой же, как Знание – неспособной создавать себе подобных. Но любая эмоция полна смысла и возможностей, и потому вскоре родились два маленьких младенца-божества. Близнецы Время и Природа, которые были двуедины и представляли собой половинки своей родительницы.

Тало не ожидал, что богов станет так много и появятся они так быстро. Он привык править всем, видеть все, создавать все и всех. А эти новенькие обладали еще одной способностью – критиковать.

Время настаивало, что мир не должен создавать и разрушать себя по одной лишь прихоти. Что он, как и боги, должен иметь начало и конец, когда тому придет время. Время применило силу к планете, используя первую Магию Бога. Оно заставило мир и его тварей двигаться только в одном направлении – от рождения к смерти. Стало невозможно сегодня быть съеденным, а завтра есть других.

Природа, со своей стороны, раскритиковала мир за то, что он так пуст. Она сказала, что Тало создал недостаточно разновидностей. Что можно создать существ, которые будут питаться светом и звуком, а не пожирать друг друга. Это могут быть существа, которые выпивали бы кислотный дождь и перерабатывали почву. Природа сказала, что она может создать их, создать порядок, создать цепочку потребления, чтобы не все твари могли пожирать друг друга, и потому новый виток Времени вперед не будет означать быстрого конца для них всех.

Эмоция сказала, что она может заставить тварей заботиться о своем потомстве, а не пожирать его. Она может внедриться в другие виды тварей, чтобы они свирепели, только когда им угрожают.

Знание, будучи мудрым, промолчало.

Тало это не понравилось. Он создал богов, а теперь боги хотели что-то менять – создавать своих существ, оставлять свои метки на Его мире.

Поэтому Он создал пятого бога, который практически не познан нами сегодня. Он спросил Непознанное, что можно сделать, чтобы удержать другие божества от вмешательства.

Мы не знаем, что ответило Непознанное. Ибо оно осталось непознанным. Мы знаем только то, что оно собрало других богов и увело их в дальний угол планеты. Оно заставило их толкать Землю к небу – вверх, верх, вверх, – назвало эту кучу горой и велело им создать собственных существ, которые бы там жили. И у них появилась собственная часть мира, чтобы они не беспокоили Тало.

Так боги создали человечество. Но они не были так искусны в строительстве мира, как Тало. Они дали нам легкие, которые едва могли дышать воздухом планеты, кожу, которую разъедало от дождей. Когти и зубы были тупыми и ломкими. Тела хрупкими, и их можно было легко разодрать на части. Эмоции были слишком сильны, а продолжительность жизни слишком мала. Только Знание, первое божество, смогло дать нам нечто, превосходящее тварей Тало – разум.

Вскоре твари из пустошей поняли, что на горе обитает легкая добыча. И они стали часто наведываться туда. Скрежетали клыками, взрывали землю когтями, тихо крались на мягких лапах, хлопали кожаными крыльями, щелкали огромными клювами и острыми зубами и сжирали существ, населяющих гору, разрывая их хрупкие тела на части.

Первые четыре божества умоляли Тало вмешаться, чтобы не дать тварям разрушить то, что построили они. Но Тало не понимал, почему он должен вмешиваться. Божества сами были виноваты, что создали людей такими хрупкими. Раньше надо было думать и создавать их крепкими и сильными, чтобы эти человеческие существа могли выжить.

Века сменялись веками. Непознанное больше не могло выносить крики своих братьев и сестер, как и полное безразличие Тало. Оно заметило, что эти новые существа были особенными и что, если бы появилась возможность, люди могли бы устроить жизнь так, как не могли себе представить ни боги, ни Тало.

И потому Непознанное отправилось в другой угол мира, где Оно ранее заметило небольшое углубление в песке. Оно провело глубокую линию от углубления, создав на земле шрам. Так появилась Долина. И Оно призвало меня – единственного человека, который покинул гору и выжил, который побывал в углублении и вернулся снова – возглавить Пришествие в это новое место.

И Оно потребовало от своих братьев и сестер сделать все возможное для защиты Долины. Создать край, за который не сможет проникнуть ни одно из творений Тало – ни Его твари, ни Его ядовитый воздух, ни Его опасный дождь, ни Его разрушительная жара. Край, который защитит Долину от пустошей Закрайя.

Как только человеческие существа оказались внутри, боги собрались вместе и объединили свою магию, чтобы построить барьер. Они работали и потели, и магия капала с их тел и твердела. Из упавших на землю капель пота Знания выросли первые деревья. С Эмоции сыпались драгоценные камни, и в каждом было заключено определенное чувство. С боков Природы ручьем стекали золото, железо, серебро и всевозможные металлы. А по Времени струились песчинки точно так же, как сыпется песок в песочных часах.

Они решили, что все это станет их даром людям. Силу, которой они не смогли наполнить свои творения, теперь можно было собирать и использовать в форме чар – магии.

Сегодня, завтра и всегда боги должны охранять границу. Ее нельзя пересечь – ни выйти, ни войти, иначе нарушится равновесие, и нас всех поглотит пустошь.

А для чего нам тогда Непознанное? Этого мы не знаем. Когда граница была создана, Оно предпочло больше не говорить со мной. Пока другие рассказывали мне о дарах, Непознанное хранило молчание.

Оно соизволило поговорить со мной только еще один раз, во время объявления Божьих Кар, и теперь, боюсь, оно больше никогда не заговорит со мной, к сожалению.

– Свиток 1, составлен Абсолоном Раулем Тремо, после Великого пришествия

Кроме того, что Непознанное являлось божеством-покровителем его семьи, было в нем нечто такое, что особенно нравилось Шарбону. Для него это божество олицетворяло веру во всей ее чистоте. Он понимал, что такое трудиться в безвестности, стремясь помочь, но не выставляясь напоказ.

При этом сегодня он чувствовал себя так, как будто сыграл в спектакле, цель которого он не мог предугадать.

Кем была эта молодая женщина, которая так тревожила его, и почему она разыскала его?

Фиона же теперь сидела в объятиях мужа совершенно неподвижно, внимательно следя за речью служителя.

Но Шарбон никак не мог утешиться своими ровными швами, быстро оказанной помощью или тем, что жрец Эмоции обсуждал важность Непознанного по отношению к дарам Эмоции. Само Непознанное указало, что эмоции настолько захватывают людей, что они часто не принимают во внимание то, что и другие испытывают такие же захватывающие эмоции. Что именно тогда Эмоция приняла решение о необходимой жертве и каре.

День начинался так многообещающе, но теперь настроение изменилось. Он не мог понять, что свершилось в промежуток времени между «порезом» об острый камень и его работой по штопке ноги женщины, но это что-то казалось зловещим.

Во рту у него стало кисло, и радость, звеневшая в нем с утра, испарилась.

Глава 12
Крона

Это рычал варг. Раньше я никогда такого не слышала. Они рычат совсем по-другому – не как собака, большая кошка или медведь. От этого рыка я застыла на месте. И тут из тени появилось чудовище – мой первый монстр. Он был тощий и крошечный – было видно, что он не ел уже несколько недель. Вероятно, через несколько дней он бы превратился в эфир. Из середины его спины торчали две золотые иглы, которые не пронзили ни коротких лап, ни огромной челюсти. Кто-то выстрелил в него, но использовал не тот заряд. Монстр не был пожирателем любви.

Когда Шарбон совершал свои преступления, Кроне было уже почти три пятилетки – почти девушка, но еще не совсем. Де-Лия, которая была на пять лет старше, только что закончила академию, и они с мамой все еще жили в деревне, в пределах дня езды от заставы Пограничного дозора, где служил папа. Но не в том доме, где папа умер – тот дом сгорел дотла.

Новости, приходившие из самого Лутадора, всегда были ужасны. Частые убийства, кражи и мерзости похуже. Но Шарбон в ее памяти всегда стоял особняком – только из-за своей жестокости. Тогда она не знала о нем вообще ничего. Знала только, что он осквернял человеческое тело.

По правде говоря, она мало что знала о его аресте, суде или смерти. Все это давно забылось и поросло быльем. И у нее никогда не было ни причины, ни профессиональной возможности ковырять рану, которую он нанес истории.

Городской архив возвышался над открытой площадью, где торговцы, прибывшие из ближних и дальних деревень, расставляли свои повозки. Некоторые выглядели обычно для Лутадора: тускло-коричневые и коричневые навесы с кусочками расписанного вручную стекла или цветного сахара, приклеенными к основанию. Конструкция повозок часто была неправильной формы – искривлена или перекошена, чтобы органично вписаться в архитектуру окружающих зданий.

Однако большинство явно прибыли из-за границы. Продавщица фруктов, к которой Крона часто приходила по выходным, разложила свой урожай на ярких шарфах, сшитых вручную из шерсти альпак, которые ее семья разводила на невысоких холмах края в Асгар-Скане. Проходя мимо, Крона приподняла щиток и помахала рукой женщине, кожа которой была морщинистой, загорелой и обветренной. Поскольку она часто делала у нее покупки, та больше не боялась ее формы.

Продавщица попыталась завлечь ее, приподняв в руках несколько крупных ярко-оранжевых плодов.

Мандарины любила Де-Лия, но в Лутадоре для цитрусовых был неподходящий климат. И Крона всегда покупала их, когда видела.

– Попозже! – крикнула она продавщице, пообещав купить поддон на обратном пути из архива.

– Я отложу их для вас, госпожа!

Подойдя к ступеням архива, Крона почувствовала запах чая сорта «зеленая жемчужина» и куриного таджина, доносившийся с прилавка, представлявшего собой обычную некрашеную доску, подвешенную над двумя большими глиняными горшками. В животе у нее заурчало, и она поняла, что последний раз нормально ела перед юбилеем.

Она подошла к продавцу, сняла шлем и перчатки, сунула их под мышку. Мужчина при ее приближении застыл, выпрямил спину и не знал, куда деть свои руки. Он встревоженно

приподнял выщипанные брови с пирсингом и лишь потом спросил, чего она желает. У него был легкий акцент – лишь намек на то, что он издалека, из Ксиопара. За его «прилавком» находились три больших котла и открытая яма с огнем, а среди углей стояли блюда из красной глины.

Она попросила большую кружку чая, которую он зачерпнул из одного котла ковшом с плотным фильтром двойного процеживания, и порцию таджина. Сначала он не захотел брать с нее плату – государство требовало, чтобы граждане, несмотря ни на что, предоставляли членам констебулярии еду, но она настояла, и в конце концов он принял ее диски времени. Она взяла еду, присела у основания высокого дуба и поела, сидя в тени, держа еду на коленях. И чай, и курица напомнили ей детство и мамину стряпню. Раньше ксиопарские блюда были основными в доме Хирватов, но теперь стали редкостью. К сожалению, ни Крона, ни Де-Лия не владели сковородой, а Асель не хотела учить их сверх того, что им было необходимо, чтобы не умереть с голоду. Крона понимала, что еда слишком напоминает Асель о папе – еда с родины всегда была его любимой.

Во время еды Крона смотрела на продавца, удивляясь, почему он сделал пирсинг. Боги запрещали членовредительство, и по закону она могла предъявить ему обвинения. Если бы у него имелось больше одного шрама от добровольно нанесенных ран, наказание могло бы быть довольно суровым.

В Ксиопаре таких законов не было.

Мимо прошел уличный артист, волоча ноги по невысокой траве бульвара, с кожаным чемоданом в руке и фиолетовым шарфом, туго обмотанным вокруг головы. Концы шарфа свешивались через плечо. Он расположился в нескольких ярдах от места ее обеда, вытащил из футляра ярко изогнутый рог и воткнул в землю железный кол, на который наколол ноты.

Несколько неприятных минут он настраивал инструмент, и Кроне захотелось бежать изо всех сил подальше отсюда. А потом он начал играть, считывая ноты, нацарапанные на листе почерком, напоминающим куриную лапу.

Хотя рог звучал глубокими басами, музыкант играл искусно.

Она расслабилась, оперлась спиной о дерево, слегка покачивая головой в такт ритму мелодии. Ее пальцы постукивали по стенке горшка, стараясь попадать в такт музыке.

Кроне всегда хотелось играть… на чем-нибудь. На самом деле, это не имело значения – лишь бы музыка приносила удовольствие. Но такой возможности у нее не было.

Люди приходили и выходили из архива. Некоторые перепрыгивали сразу через пару широких ступеней, другие едва перетаскивали ноги на следующую высокую ступень. На мгновение ее внимание привлек пронзительный смех ребенка по другую сторону улицы: малыш был примерно того же возраста, что и Эстебан – Эстебан, которому долго еще не придется так смеяться.

Первая жертва маски Хаоса не засмеется больше никогда.

Вытерев темные руки о траву, она взяла кружку и горшок для таджина и пошарила в сумке в поисках дисков времени. Она бросила несколько стеклянных дисков в футляр музыканту, когда шла вернуть глиняную посуду. Протянув посуду ксиопарцу, она приподняла бровь, давая ему понять, что заметила. Он послушно кивнул и тут же снял колечко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.